

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. А. ГОНЧАРОВА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.



Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1899.

ПОЛНОЕ СОДЕРЖАНИЕ
ТОМЪ ПЕРВЫЙ
И. А. ЛОНРАРОВА
ОБЪЕМЪ СОСТАВЛЯЕТЪ



Типографія А. Ф. Маркса. Ср. Подъяч., № 1.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА
1898

ОБЛОМОВЪ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ III.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

№ 100

ОБЪЯВЛЕНИЕ

№ 100

Часть третья.

I.

Обломовъ сіялъ, идучи домой. У него кипѣла кровь, глаза блистали. Ему казалось, что у него горять даже волосы. Такъ онъ и вошелъ къ себѣ въ комнату—и вдругъ сіянье исчезло и глаза въ неприятномъ изумленіи остановились неподвижно на одномъ мѣстѣ: въ его креслѣ сидѣлъ Тарантьевъ.

— Что это тебя не дождешься? Гдѣ ты шатаешься?— строго спросилъ Тарантьевъ, подавая ему свою мохнатую руку.—И твой старый чортъ совсѣмъ отъ рукъ отбился: спрашиваю закусить—нѣту, водки—и той не даль.

— Я гулялъ здѣсь въ рошѣ, — небрежно сказалъ Обломовъ, еще не опомнясь отъ обиды, нанесенной появленіемъ земляка, и въ какую минуту!

Онъ забылъ ту мрачную сферу, гдѣ долго жилъ, и отвыкъ отъ ея удушливаго воздуха. Тарантьевъ въ одно мгновеніе сдернулъ его, будто съ неба, опять въ болото. Обломовъ мучительно спрашивалъ себя: зачѣмъ пришелъ Тарантьевъ? падолго ли?—терзался предположеніемъ, что, пожалуй, онъ останется обѣдать и тогда нельзя будетъ отправиться къ Ильинскимъ. Какъ бы спровадить его, хоть бы это стоило нѣкоторыхъ издержекъ—вотъ единственная мысль, которая занимала Обломова. Онъ молча и угрюмо ждалъ, что скажетъ Тарантьевъ.

— Что жъ ты, землякъ, не подумаешь взглянуть на квартиру?—спросилъ Тарантьевъ.

— Теперь это не нужно,—сказалъ Обломовъ, стараясь не глядѣть на Тарантьева.—Я... не переѣду туда.

— Что-о? Какъ не переѣдешь?—грозно возразилъ Тарантьевъ.—Наняль, да не переѣдешь? А контрактъ?

— Какой контрактъ?

— Ты ужъ и забылъ? Ты на годъ контрактъ подписалъ. Подай восемьсотъ рублей ассигнаціями, да и ступай куда хочешь. Четыре жильца смотрѣли, хотѣли нанять: всѣмъ отказали. Одинъ нанималъ на три года.

Обломовъ теперь только вспомнилъ, что въ самый день переѣзда на дачу Тарантьевъ привезъ ему бумагу, а онъ, второпяхъ, подписалъ не читая.

«Ахъ, Боже мой, что я надѣлалъ!» думалъ онъ.

— Да мнѣ не нужна квартира,—говорилъ Обломовъ:—я ѣду за границу...

— За границу! — перебилъ Тарантьевъ. — Это съ этимъ нѣмцемъ? Да гдѣ тебѣ, не поѣдешь!

— Отчего не поѣду? У меня и паспортъ есть: вотъ я покажу. И чемоданъ купленъ.

— Не поѣдешь!—равнодушно повторилъ Тарантьевъ.— А ты, вотъ, лучше деньги-то за полгода впередъ отдай.

— У меня нѣтъ денегъ.

— Гдѣ хочешь достань; братъ кумы, Иванъ Матвѣичъ, шутить не любитъ. Сейчасъ въ управу подасть: не раздѣлаешься. Да я свои заплатилъ, отдай мнѣ.

— Ты гдѣ взялъ столько денегъ?—спросилъ Обломовъ.

— А тебѣ что за дѣло? Старый долгъ получилъ. Давай деньги! Я за тѣмъ пріѣхалъ.

— Хорошо, я на-дняхъ пріѣду и передамъ квартиру другому, а теперь я тороплюсь.

Онъ началъ застегивать сюртукъ.

— А какую тебѣ квартиру нужно? Лучше этой во всемъ

городъ не найдешь. Вѣдь ты не видалъ? — сказалъ Тарантьевъ.

— И видѣть не хочу, — отвѣчалъ Обломовъ: — зачѣмъ я туда переѣду? Мнѣ далеко...

— Отъ чего? — грубо спросилъ Тарантьевъ.

Но Обломовъ не сказалъ, отъ чего.

— Отъ центра, — прибавилъ онъ потомъ.

— Отъ какого это центра? Зачѣмъ онъ тебѣ нуженъ? Лежать-то?

— Нѣтъ, ужъ я теперь не лежу.

— Что такъ?

— Такъ. Я... сегодня... — началъ Обломовъ.

— Что? — перебилъ Тарантьевъ.

— Обѣдаю не дома...

— Ты деньги-то подай, да и чортъ съ тобой!

— Какія деньги? — съ нетерпѣніемъ повторилъ Обломовъ. — Я на-дняхъ заѣду на квартиру, переговорю съ хозяйкой.

— Какая хозяйка? Кума-то? Что она знаетъ? Баба! Нѣтъ, ты поговори съ ея братомъ — вотъ увидишь!

— Ну, хорошо; я заѣду и переговорю.

— Да, жди тебя! Ты отдай деньги, да и ступай.

— У меня нѣтъ; надо занять.

— Ну, такъ заплати же мнѣ теперь, по крайней мѣрѣ, за извозчика, — приставалъ Тарантьевъ: — три цѣлковыхъ.

— Гдѣ же твой извозчикъ? И за что три цѣлковыхъ?

— Я отпустилъ его. Какъ за что? И то не хотѣлъ везти: «по песку-то?» говоритъ. Да отсюда три цѣлковыхъ — вотъ двадцать два рубля!

— Отсюда дилижансъ ходить за цолтинникъ, — сказалъ Обломовъ: — на вотъ!

Онъ досталъ ему четыре цѣлковыхъ. Тарантьевъ спряталъ ихъ въ карманъ.

— Семь рублей ассигнаціями за тобой,—прибавилъ онъ.—
Да дай на обѣдъ!

— На какой обѣдъ?

— Я теперь въ городъ не поспѣю: на дорогѣ въ трактиръ придется; тутъ все дорого: рублей пять сдерутъ.

Обломовъ молча вынулъ цѣлковый и бросилъ ему. Онъ не садился отъ нетерпѣнія, чтобъ Тарантьевъ ушелъ (скорѣй; но тотъ не уходилъ.

— Вели же мнѣ дать чего-нибудь закусить,—сказалъ онъ.

— Вѣдь ты хотѣлъ въ трактиръ обѣдать? — замѣтилъ Обломовъ.

— Это обѣдать! А теперь всего второй часъ.

Обломовъ велѣлъ Захару дать чего-нибудь.

— Ничего нѣту, не готовили,—сухо отозвался Захаръ, глядя мрачно на Тарантьева. — А что, Михай Андрейчъ, когда принесете барскую рубашку да жилетъ?..

— Какой тебѣ рубашки да жилета? — отговаривался Тарантьевъ.—Давно отдалъ.

— Когда это?—спросилъ Захаръ.

— Да не тебѣ ли въ руки отдалъ, какъ вы переѣзжали? А ты куда-то сунулъ въ узелъ, да спрашиваешь еще...

Захаръ остолбенѣлъ.

— Ахъ, ты Господи! Что это, Илья Ильичъ, за срамъ такой!—возопилъ онъ, обратясь къ Обломову.

— Пой, пой эту пѣсню!—возразилъ Тарантьевъ. — Чай, пропилъ, да и спрашиваешь...

— Нѣтъ, я еще отъ роду барскаго не пропивалъ! — захрипѣлъ Захаръ.—Вотъ вы...

— Перестань, Захаръ!—строго перебилъ Обломовъ.

— Вы, что ли, увезли одну половую щетку, да двѣ чашки у насъ?—спросилъ опять Захаръ.

— Какія щетки?—загремѣлъ Тарантьевъ.—Ахъ, ты, старая шельма! Давай-ка лучше закуску!

— Слышите, Илья Ильичъ, какъ лается? — сказала Захарь. — Нѣтъ закуски, даже хлѣба нѣтъ дома, и Анисья съ двора ушла. — договорилъ онъ, и ушелъ.

— Гдѣ жъ ты обѣдаешь? — спросилъ Тарантьевъ. — Диво, право: Обломовъ гуляетъ въ рошѣ, не обѣдаетъ дома... Когда жъ ты на квартиру-то? Вѣдь осень на дворѣ. Приѣзжай посмотрѣть.

— Хорошо, хорошо, на-дняхъ...

— Да деньги не забудь привезти!

— Да, да, да... — нетерпѣливо говорилъ Обломовъ.

— Ну, не нужно ли чего на квартирѣ? Тамъ, братъ, для тебя выкрасили полы и потолки, окна, двери — все: больше ста рублей стоить.

— Да, да, хорошо... Ахъ, вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать, — вдругъ вспомнилъ Обломовъ: — сходи, пожалуйста, въ палату, нужно довѣренность засвидѣтельствовать...

— Что я тебѣ за ходатай достался? — отозвался Тарантьевъ.

— Я тебѣ прибавлю на обѣдъ, — сказалъ Обломовъ.

— Туда сапогъ больше избыешь, чѣмъ ты прибавишь.

— Ты поѣзжай, заплачу.

— Нельзя мнѣ въ палату идти, — мрачно проговорилъ Тарантьевъ.

— Отчего?

— Враги есть, злоствуютъ на меня, ковы строятъ, какъ бы погубить.

— Ну, хорошо, я самъ съѣзжу, — сказалъ Обломовъ и взялся за фуражку.

— Вотъ, какъ приѣдешь на квартиру, Иванъ Матвѣичъ тебѣ все сдѣлаетъ. Это, братъ, золотой человекъ, не чета какому-нибудь выскочкѣ-нѣмцу! Коренной, русскій служака, тридцать лѣтъ на одномъ стулѣ сидитъ, всѣмъ присутствіемъ вертитъ, и деньжонки есть, а извозчика не найметъ; фракъ не лучше моего; самъ тише воды, ниже травы, говоритъ

чуть слышно, по чужимъ краямъ не шатается, какъ твой этотъ...

— Тарантьевъ! — крикнулъ Обломовъ, стукнувъ по столу кулакомъ: — Молчи, чего не понимаешь!

Тарантьевъ выпучилъ глаза на эту, никогда небывалую, выходку Обломова, и даже забылъ обидѣться тѣмъ, что его поставили ниже Штольца.

— Вотъ какъ ты нынче, братъ... — бормоталъ онъ, взявъ шляпу: — какая прить!

Онъ погладилъ свою шляпу рукавомъ, потомъ поглядѣлъ на нее и на шляпу Обломова, стоявшую на этажеркѣ.

— Ты не носишь шляпу, вонъ у тебя фуражка, — сказалъ онъ, взявъ шляпу Обломова и примѣривая ее: — дай-ка, братъ, на лѣто.

Обломовъ молча снялъ съ его головы свою шляпу и поставилъ на прежнее мѣсто, потомъ скрестилъ на груди руки и ждалъ, чтобъ Тарантьевъ ушелъ.

— Ну, чортъ съ тобой! — говорилъ Тарантьевъ, неловко пролѣзая въ дверь. — Ты, братъ, нынче чтѣ-то... того... Вотъ, поговори-ка съ Иваномъ Матвѣичемъ, да попробуй денегъ не привезти.

II.

Онъ ушелъ, а Обломовъ сѣлъ въ неприятномъ расположеніи духа въ кресло и долго-долго освобождался отъ грубаго впечатлѣнія. Наконецъ, онъ вспомнилъ нынѣшнее утро, и безобразное явленіе Тарантьева вылетѣло изъ головы; на лицѣ опять появилась улыбка.

Онъ стоялъ передъ зеркаломъ, долго поправлялъ галстукъ, долго улыбался, глядѣлъ на щеку, нѣтъ ли тамъ слѣда горячаго поцѣлуя Ольги.

— Два «никогда», — сказалъ онъ, тихо, радостно волнуясь: — и какая разница между ними: одно уже поблекло, а другое такъ пышно расцвѣло...

Потомъ онъ задумывался, задумывался все глубже. Онъ чувствовалъ, что свѣтлый, безоблачный праздникъ любви отошелъ, что любовь въ самомъ дѣлѣ становилась долгомъ, что она мѣшалась со всею жизнью, входила въ составъ ея обычныхъ отправления и начинала литься, терять радужныя краски.

Можеть-быть, сегодня утромъ мелькнулъ послѣдній розовый ея лучъ, а тамъ она будетъ уже—не блистать ярко, а согрѣвать невидимо жизнь; жизнь поглотитъ ее, и она будетъ ея сильною, конечно, но скрытою пружиною. И отнынѣ проявленія ея будутъ такъ просты, обыкновенны.

Поэма минуетъ и начнется строгая исторія: палата, потомъ поѣздка въ Обломовку, постройка дома, закладъ въ совѣтъ, проведеніе дороги, нескончаемый разборъ дѣлъ съ мужиками, порядокъ работъ, жнитво, умолотъ, шелканье счетовъ, заботливое лицо приказчика, дворянскіе выборы, засѣданіе въ судѣ.

Кое-гдѣ только, изрѣдка, блеснетъ взглядъ Ольги, прозвучитъ *Casta diva*, раздастся торопливый поцѣлуй, а тамъ опять на работы ѣхать, въ городъ ѣхать, тамъ опять приказчикъ, опять шелканье счетовъ.

Гости приѣхали—и то не отрада: заговорятъ, сколько кто вина выкуриваетъ на заводѣ, сколько кто аршинъ сукна ставить въ казну... Что жъ это? Ужели тѣ сулили онъ себѣ? Развѣ это жизнь?.. А между тѣмъ живутъ такъ, какъ будто въ этомъ вся жизнь. И Андрею она нравится!

Но женитьба, свадьба — все-таки это поэзія жизни, это готовый, распутившійся цвѣтокъ. Онъ представилъ себѣ, какъ онъ ведетъ Ольгу къ алтарю: она—съ померанцевой вѣткой на головѣ, съ длиннымъ покрываломъ. Въ толпѣ шопотъ удивленія. Она стыдливо, съ тихо волнующейся грудью, съ своей горделиво и граціозно-наклоненной головой, подаетъ ему руку и не знаетъ, какъ ей глядѣть на всѣхъ.

То улыбка блеснетъ у ней, то слезы явятся, то складка надъ бровью заиграетъ какою-то мыслью.

Дома, когда гости уѣдутъ, она, еще въ пышномъ нарядѣ, бросается ему на грудь, какъ сегодня...

«Нѣтъ, побѣгу къ Ольгѣ, не могу думать и чувствовать одинъ», мечталъ онъ. «Разскажу всѣмъ, цѣлому свѣту... нѣтъ, сначала теткѣ, потомъ барону, напишу къ Штольцу—вотъ изумится-то! Потомъ скажу Захару: онъ поклонится въ ноги и завопитъ отъ радости, дамъ ему двадцать-пять рублей. Придетъ Анисья, будетъ руку ловить цѣловать: ей дамъ десять рублей; потомъ... потомъ, отъ радости, закричу на весь міръ, такъ закричу, что міръ скажетъ: «Обломовъ счастливъ, Обломовъ женится!» Теперь побѣгу къ Ольгѣ: тамъ ждетъ меня продолжительный шопотъ, таинственный уговоръ слить двѣ жизни въ одну!..»

Онъ побѣжалъ къ Ольгѣ. Она съ улыбкой выслушала его мечты; но только онъ вскочилъ, чтобъ бѣжать объявить теткѣ, у ней такъ сжались брови, что онъ струсиль.

— Никому ни слова! — сказала она, приложивъ палецъ къ губамъ и грозя ему, чтобъ онъ тише говорилъ, чтобъ тетка не услышала изъ другой комнаты.—Еще не пора!

— Когда же пора, если между нами все рѣшено? — нетерпѣливо спросилъ онъ. — Что жъ теперь дѣлать? Съ чего начать? — спрашивалъ онъ. — Не сидѣть же сложа руки. Начинается обязанность, серьезная жизнь...

— Дѣ, начинается,—повторила она, глядя на него пристально.

— Ну, вотъ я и хотѣлъ сдѣлать первый шагъ, идти къ теткѣ...

— Это послѣдній шагъ.

— Какой же первый?

— Первый... идти въ палату: вѣдь надо какую-то бумагу писать?

— Дѣ... я завтра...

— Отчего жъ не сегодня?

— Сегодня... сегодня такой день и уйти отъ тебя, Ольга!

— Ну, хорошо, завтра. А потомъ?

— Потомъ:—сказать теткѣ, написать къ Штольцу.

— Нѣтъ, потомъ ѣхать въ Обломовку... Вѣдь Андрей Ивановичъ писалъ, что надо дѣлать въ деревнѣ, я не знаю, какія тамъ у васъ дѣла, постройка, что ли?—спросила она, глядя ему въ лицо.

— Боже мой! — говорилъ Обломовъ. — Да если слушать Штольца, такъ, вѣдь, до тетки вѣкъ дѣло не дойдетъ! Онъ говоритъ, что надо начать строить домъ, потомъ дорогу, школы заводить... Этого всего въ цѣлый вѣкъ не передѣлаешь. Мы, Ольга, вмѣстѣ поѣдемъ, и тогда...

— А куда мы приѣдемъ? Есть тамъ домъ?

— Нѣтъ: — старый плохъ; крыльцо совсѣмъ, я думаю, расшаталось...

— Куда жъ мы приѣдемъ?—спросила она.

— Надо здѣсь квартиру пріискать.

— Для этого тоже надо ѣхать въ городъ,—замѣтила она:— это второй шагъ...

— Потомъ...—началъ онъ.

— Да ты прежде шагни два раза, а тамъ.

«Что жъ это такое?» печально думалъ Обломовъ: «ни продолжительнаго попота, ни таинственнаго уговора слить обѣ жизни въ одну! Все какъ-то иначе, по-другому. Какая странная эта Ольга! Она не останавливается на одномъ мѣстѣ, не задумывается сладко надъ поэтической минутой, какъ будто у ней вовсе нѣтъ мечты, нѣтъ потребности утонуть въ раздумьѣ! Сейчасъ и поѣзжай въ палату, на квартиру—точно Андрей! Что это всѣ они какъ будто сговорились торопиться жить!»

На другой день онъ, съ листомъ гербовой бумаги, отправился въ городъ, сначала въ палату, и ѣхалъ нѣхотя, зѣвая и глядя по сторонамъ. Онъ не зналъ хорошенько, гдѣ

палата, и заѣхалъ къ Ивану Герасимычу спросить, въ какомъ департаментѣ нужно засвидѣтельствовать.

Тотъ обрадовался Обломову и безъ завтрака не хотѣлъ отпустить. Потомъ послалъ еще за пріятелемъ, чтобъ допроситься отъ него, какъ это дѣлается, потому что самъ давно отсталъ отъ дѣлъ.

Завтракъ и совѣщаніе кончились въ три часа, въ палату идти было поздно, а завтра оказалась суббота—присутствія нѣтъ, пришлось отложить до понедѣльника.

Обломовъ отправился на Выборгскую Сторону, на новую свою квартиру. Долго онъ ѣздилъ между длинными заборами по переулкамъ. Наконецъ, отыскали будочника; тотъ сказалъ, что это въ другомъ кварталѣ, рядомъ, вотъ по этой улицѣ — и онъ показалъ еще улицу безъ домовъ, съ заборами, съ травой и съ засохшими колеями изъ грязи.

Опять поѣхалъ Обломовъ, любуясь на красивую у заборовъ и на выглядывавшую изъ-за заборовъ рябину. Наконецъ, будочникъ указалъ на старый домикъ на дворѣ, прибавивъ:

— Вотъ этотъ самый.

«Домъ вдовы коллежскаго секретаря Пшеницына» прочиталъ Обломовъ на воротахъ и велѣлъ вѣхать на дворъ.

Дворъ величиной былъ съ комнату, такъ что коляска стукнула дышломъ въ уголь и распугала кучу куръ, которыя, съ кудахтаньемъ, бросились стремительно, инныя даже въ-лѣтъ, въ разные стороны; да большая черная собака начала рваться на цѣпи направо и налево, съ отчаяннымъ лаемъ, стараясь достать за морды лошадей.

Обломовъ сидѣлъ въ коляскѣ наравнѣ съ окнами и затруднялся выйти. Въ окнахъ, уставленныхъ резедой, бархатцами и ноготками, засуетились головы. Обломовъ какъ выльзъ изъ коляски; собака пуце залилась лаемъ.

Онъ вошелъ на крыльцо и столкнулся съ сморщенной старухой, въ сарафанѣ, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ.

— Вамъ кого?—спросила она.

— Хозяйку дома, госпожу Пшеницыну.

Старуха потушила съ недоумѣніемъ голову.

— Не Ивана ли Матвѣича вамъ надо?—спросила она.—
Его нѣтъ дома; онъ еще изъ должности не приходилъ.

— Мнѣ нужно хозяйку,—сказалъ Обломовъ.

Между тѣмъ въ домѣ суматоха продолжалась. То изъ одного, то изъ другого окна выглянетъ голова; сзади старухи дверь отворялась немного и затворялась; оттуда выглядывали разные лица.

Обломовъ обернулся: на дворѣ двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, смотрятъ на него съ любопытствомъ.

Откуда-то появился сонный мужикъ въ тулупѣ и, заграживая рукой глаза отъ солнца, лѣниво смотрѣлъ на Обломова и на коляску.

Собака все лаяла густо и отрывисто, и только Обломовъ пошевелится, или лошадь стукнетъ копытомъ, начиналось скаканье на цѣпи и непрерывный лай.

Черезъ заборъ, направо, Обломовъ видѣлъ безконечный огородъ съ капустой, налѣво, черезъ заборъ, видно было нѣсколько деревьевъ и зеленая деревянная бесѣдка.

— Вамъ Агаѣю Матвѣвну надо?—спросила старуха.—
Зачѣмъ?

— Скажи хозяйкѣ дома, — говорилъ Обломовъ: — что я хочу съ ней видѣться: я нанялъ здѣсь квартиру.

— Вы, стало-быть, новый жилецъ, знакомый Михея Андренча? Вотъ погодите, я скажу.

Она отворила дверь, и отъ двери отскочило нѣсколько головъ и бросилось бѣгомъ въ комнаты. Онъ успѣлъ увидѣть какую-то женщину, съ голой шеей и локтями, безъ чепца, бѣлую, довольно полную, которая усмѣхнулась, что ее увидѣлъ посторонній, и тоже бросилась отъ дверей прочь.

— Пожалуйте въ комнату, — сказала старуха, воротясь, ввела Обломова, чрезъ маленькую переднюю, въ довольно

просторную комнату и попросила подождать.—Хозяйка сейчас выйдет,—прибавила она.

«А собака-то все еще лаетъ», подумалъ Обломовъ, оглядывая комнату.

Вдругъ глаза его остановились на знакомыхъ предметахъ: вся комната завалена была его добромъ. Столы въ пыли; стулья, грудой наваленные на кровать; тюфяки, посуда въ беспорядкѣ, шкапы.

— Что жъ это? И не разставлено, не прибрано? — сказалъ онъ. — Какая гадость!

Вдругъ сзади его скрипнула дверь, и въ комнату вошла та самая женщина, которую онъ видѣлъ съ голой шеей и локтями.

Ей было лѣтъ тридцать. Она была очень бѣла и полна въ лицѣ, такъ что румянецъ, кажется, не могъ пробиться сквозь щеки. Бровей у нея почти совсѣмъ не было, а были на ихъ мѣстахъ двѣ немного будто припухлыя, лоснящіяся полосы, съ рѣдкими свѣтлыми волосами. Глаза сѣровато-простодушные, какъ и все выраженіе лица; руки бѣлыя но жесткія, съ выступившими наружу крупными узлами синихъ жилъ.

Платье сидѣло на ней въ обтяжку: видно, что она не прибѣгала ни къ какому искусству, даже къ лишней юбкѣ, чтобъ увеличить объемъ бедръ и уменьшить талію. Отъ этого, даже и закрытый бюстъ ея, когда она была безъ платка, могъ бы послужить живописцу, или скульптору моделью крѣпкой, здоровой груди, не нарушая ея скромности. Платье ея, въ отношеніи къ нарядной шали и парадному чепцу, казалось старо и поношено.

Она не ожидала гостей, и когда Обломовъ пожелалъ ее видѣть, она на домашнее будничное платье накинула воскресную свою шаль, а голову прикрыла чепцомъ. Она вошла робко и остановилась, глядя застѣнчиво на Обломова.

Онъ привсталъ и поклонился.

— Я имѣю удовольствіе видѣть госпожу Пшеницыну? — спросилъ онъ.

— Да-съ,—отвѣчала она.— Вамъ, можетъ-быть, нужно съ братцемъ поговорить? — нерѣшительно спросила она. — Они въ должности, раньше пяти часовъ не приходятъ.

— Нѣтъ, я съ вами хотѣлъ видѣться, — началъ Обломовъ, когда она сѣла на диванъ, какъ можно дальше отъ него, и смотрѣла на концы своей шали, которая, какъ попона, покрывала ее до полу. Руки она прятала тоже подъ шаль.

— Я нанялъ квартиру; теперь, по обстоятельствамъ, мнѣ надо искать квартиру въ другой части города, такъ я пришелъ поговорить съ вами..

Она тупо выслушала и тупо задумалась.

— Теперь брата нѣтъ,—сказала она потомъ.

— Да вѣдь этотъ домъ вашъ?—спросилъ Обломовъ.

— Мой,—коротко отвѣчала она.

— Такъ я и думалъ, что вы сами можете рѣшить...

— Да вотъ брата-то нѣтъ; они у насъ всѣмъ завѣдываютъ,—сказала она монотонно, взглянувъ въ первый разъ на Обломова прямо и опустивъ опять глаза на шаль.

«У ней простое, но пріятное лицо», снисходительно рѣшилъ Обломовъ: «должно-быть, добрая женщина!»

Въ это время голова дѣвочки высунулась изъ двери. Агаея Матвѣевна съ угрозой, украдкой, кивнула ей головой, и она скрылась.

— А гдѣ вашъ братецъ служить?

— Въ канцеляріи.

— Въ какой?

— Гдѣ мужиковъ записываютъ... я не знаю, какъ она называется.

Она простодушно усмѣхнулась, и въ ту жъ минуту опять лицо ея приняло свое обыкновенное выраженіе.

— Вы не оди́е живете здѣсь съ братцемъ? — спросилъ Обломовъ.

— Нѣтъ, двое дѣтей со мной, отъ покойнаго мужа: мальчикъ по восьмому году, да дѣвочка по шестому, — довольно словоохотливо начала хозяйка, и лицо у ней стало поживѣе: — еще бабушка наша, больная, еле ходить, и то въ церковь только; прежде на рынокъ ходила съ Акулиной, а теперь съ Никола перестала: ноги стали отекають. И въ церкви-то все больше сидить на ступенькѣ. Вотъ и только. Иной разъ золовка приходитъ погостить, да Михей Андреичъ.

— А Михей Андреичъ часто бываетъ у васъ? — спросилъ Обломовъ.

— Иногда по мѣсяцу гостить; они съ братцемъ приятели, все вмѣстѣ...

И замолчала, истощивъ весь запасъ мыслей и словъ.

— Какая тишина у васъ здѣсь! — сказалъ Обломовъ. — Если бъ не лаяла собака, такъ можно бы подумать, что нѣтъ ни одной живой души.

Она усмѣхнулась въ отвѣтъ.

— Вы часто выходите со двора? — спросилъ Обломовъ.

— Лѣтомъ случается. Вотъ намедни, въ ильинскую пятницу, на Пороховые Заводы ходили.

— Чтò жъ, тамъ много бываетъ? — спросилъ Обломовъ, глядя, чрезъ распахнувшійся платокъ, на высокую, крѣпкую, какъ подушка дивана, никогда не волнующуюся грудь.

— Нѣтъ, нынѣшній годъ немного было; съ утра дождь шелъ, а послѣ разгулялось. А то много бываетъ.

— Еще гдѣ же бываете вы?

— Мы мало гдѣ бываемъ. Братецъ съ Михеемъ Андреичемъ на тоню ходятъ, уху тамъ варятъ, а мы все дома.

— Ужели все дома?

— Ей-Богу, правда. Въ прошломъ году были въ Колпинѣ, да вотъ тугъ въ роуцу иногда ходимъ. 24 июня братецъ

именинники, такъ обѣдъ бываетъ, всѣ чиновники изъ канцеляріи обѣдаютъ.

— А въ гости ѣздите?

— Братецъ бываютъ, а я, съ дѣтьми, только у мужниной родни, въ Свѣтлое Воскресенье, да въ Рождество, обѣдаемъ.

Говорить ужъ было больше не о чемъ.

— У васъ цвѣты: вы любите ихъ?—спросилъ онъ.

Она усмѣхнулась.

— Нѣтъ, — сказала она: — намъ некогда цвѣтами заниматься. Это дѣти съ Акулиной ходили въ графскій садъ, такъ садовникъ далъ, а ерани, да алоэ давно тутъ еще при мужѣ были.

Въ это время вдругъ въ комнату ворвалась Акулина; въ рукахъ у ней бился крыльями и кудахталъ, въ отчаяніи, большой пѣтухъ.

— Этого, что ли, пѣтуха, Агаѣя Матвѣвна, лавочнику отдать?—спросила она.

— Что ты, что ты! Поди!—сказала хозяйка стыдливо.— Ты видишь, гости!

— Я только спросить,—говорила Акулина, взявъ пѣтуха за ноги, головой внизъ:—семьдесятъ копеекъ даетъ.

— Поди, поди въ кухню!—говорила Агаѣя Матвѣвна.— Сѣраго съ краинками, а не этого,—торопливо прибавила она, и сама застыдилась, спрятала руки подъ шаль и стала смотрѣть внизъ.

— Хозяйство!—сказалъ Обломовъ.

— Да, у насъ много куръ; мы продаемъ яйца и цыплятъ. Здѣсь, по этой улицѣ, съ дачъ и изъ графскаго дома все у насъ берутъ,—отвѣчала она, поглядѣвъ гораздо смѣлѣе на Обломова.

И лицо ея принимало дѣльное и заботливое выраженіе; даже тупость пропадала, когда она заговаривала о знакомомъ ей предметѣ. На всякій же вопросъ, не касавшійся

какой-нибудь положительной, известной ей цѣли, она отвѣчала усмѣшкой и молчаніемъ.

— Надо бы было это разобратъ, — замѣтилъ Обломовъ, указывая на кучу своего добра...

— Мы-было хотѣли, да братецъ не велеть, — живо перебила она и ужъ совсѣмъ смѣло взглянула на Обломова: — «Богъ знаетъ, что у него тамъ въ столахъ, да въ шкапахъ...» сказали они: «послѣ пропадетъ — къ намъ привяжутся...»

Она остановилась и усмѣхнулась.

— Какой осторожный вашъ братецъ, — прибавилъ Обломовъ.

Она слегка опять усмѣхнулась и опять приняла свое обычное выраженіе.

Усмѣшка у ней была больше принятая форма, которою прикрывалось незнаніе, что въ томъ или другомъ случаѣ надо сказать или сдѣлать.

— Миѣ долго ждать его прихода, — сказалъ Обломовъ: — можетъ-быть, вы передадите ему, что, по обстоятельствамъ, я въ квартирѣ надобности не имѣю и потому прошу передать ее другому жильцу, а я, съ своей стороны, тоже поищу охотника.

Она тупо слушала, ровно мигая глазами.

— Насчетъ контракта потрудитесь сказать...

— Да нѣтъ ихъ дома-то теперь, — твердила она: — вы лучше завтра опять пожалуйте: завтра суббота, они въ присутствіе не ходятъ...

— Я ужасно занятъ, ни минуты свободной нѣтъ, — отговаривался Обломовъ. — Вы потрудитесь только сказать, что такъ какъ задатокъ остается въ вашу пользу, а жильца я найду, то...

— Нѣту брата-то, — монотонно говорила она: — нейдутъ они что-то... — И поглядѣла на улицу. — Вотъ они тутъ проходятъ, мимо оконъ: видно, когда идутъ, да вотъ нѣту!

— Ну, я отправлюсь... — сказалъ Обломовъ.

— А какъ братецъ-то придуть, что сказать имъ: когда вы переѣдете?—спросила она, вставъ съ дивана.

— Вы имъ передайте, что я просилъ, — говоритъ Обломовъ:—что по обстоятельствамъ...

— Вы бы завтра сами пожаловали, да поговорили съ ними...—повторила она.

— Завтра мнѣ нельзя.

— Ну, послѣзавтра, въ воскресенье: послѣ обѣдни у насъ водка и закуска бываетъ. И Михай Андрейчъ приходитъ.

— Ужели и Михай Андрейчъ приходитъ? — спросилъ Обломовъ.

— Ей-Богу правда,—прибавила она.

— И послѣзавтра мнѣ нельзя, — отговаривался съ нетерпѣніемъ Обломовъ.

— Такъ ужъ на той недѣль...—замѣтила она.— А когда переѣзжать-то станете? Я бы полы велѣла вымыть и щлы стереть,—спросила она.

— Я не переѣду,—сказалъ онъ.

— Какъ же? А вещи-то куда же мы дѣнемъ?

— Вы потрудитесь сказать братцу, — началъ говорить Обломовъ разстановисто, упирая глаза ей прямо въ грудь:— что по обстоятельствамъ...

— Да вотъ долго найдуть что-то, не видать, — сказала она монотонно, глядя на заборъ, отдѣлявшій улицу отъ двора. — Я знаю и шаги ихъ; по деревянной мостовой слышно, какъ кто идетъ. Здѣсь мало ходятъ...

— Такъ вы передадите ему что я васъ просилъ? — кланаясь и уходя говорилъ Обломовъ.

— Вотъ черезъ полчаса они сами будутъ... — съ несвойственнымъ ей безпокойствомъ говорила хозяйка, стараясь какъ будто голосомъ удержать Обломова.

— Я больше не могу ждать, — рѣшилъ онъ, отворяя дверь.

Собака, увидя его на крыльцѣ, залилась лаемъ и начала

изъумомъ и изъумомъ

опять рваться съ цѣпи. Кучерь, спавшій, опершись на локоть, началъ пятить лошадей; куры опять, въ тревогѣ, побѣжали въ разныя стороны; въ окно выглянуло нѣсколько головъ.

— Такъ я скажу братцу, что вы были, — въ безпокойствѣ прибавила хозяйка, когда Обломовъ усѣлся въ коляску.

— Да, и скажите, что я, по обстоятельствамъ, не могу оставить квартиры за собой и что передамъ ее другому, или чтобъ онъ... поискалъ...

— Объ эту пору они всегда приходятъ...—говорила она, слушая его разсѣянно. — Я скажу имъ, что вы хотѣли побывать.

— Да, на-дняхъ я заѣду,—сказалъ Обломовъ.

При отчаянномъ лаѣ собаки, коляска выѣхала со двора и пошла колыхаться по засохшимъ кочкамъ немощенаго переулка.

Въ концѣ его показался какой-то, одѣтый въ поношенное пальто человѣкъ, среднихъ лѣтъ, съ большимъ бумажнымъ пакетомъ подъ мышкой, съ толстой палкой и въ резиновыхъ калошахъ, несмотря на сухой и жаркій день.

Онъ шелъ скоро, смотрѣлъ по сторонамъ и ступалъ такъ, какъ будто хотѣлъ продавить деревянный тротуаръ. Обломовъ оглянулся ему вслѣдъ и видѣлъ, что онъ завернулъ въ ворота къ Пшеницыной.

«Вонъ, должно-быть, и братецъ пришли!» заключилъ онъ: «Да чортъ съ нимъ! Еще протолкуешь съ часъ, а мнѣ и ѣсть хочется, и жарко! Да и Ольга ждетъ меня... До другого раза!»

— Ступай скорѣй!—сказалъ онъ кучеру.

«А квартиру другую посмотрѣть?» вдругъ вспомнилъ онъ, глядя по сторонамъ, на заборы. «Надо опять назадъ, въ Морскую или въ Конюшенную... До другого раза!» рѣшилъ онъ.

— Пошелъ скорѣй!

III.

Въ концѣ августа пошли дожди и на дачахъ задымились трубы, гдѣ были печи, а гдѣ ихъ не было, тамъ жители ходили съ подвязанными щеками, и наконецъ, мало-по-малу, дачи опустѣли.

Обломовъ не казалъ глазъ въ городъ, и въ одно утро мимо его оконъ повезли и понесли мебель Ильинскихъ. Хотя ужъ ему не казалось теперь подвигомъ переѣхать съ квартиры, пообѣдать гдѣ-нибудь мимоходомъ и не прилечь цѣлый день, но онъ не зналъ, гдѣ и на ночь приклонить голову.

Оставаться на дачѣ одному, когда опустѣлъ паркъ и роща, когда закрылись ставни оконъ Ольги, казалось ему рѣшительно невозможно.

Онъ прошелся по ея пустымъ комнатамъ, обошелъ паркъ, сошелъ съ горы, и сердце тѣснила ему грусть.

Онъ велѣлъ Захару и Анисѣ ѣхать на Выборгскую Сторону, гдѣ рѣшился оставаться до присканія новой квартиры, а самъ уѣхалъ въ городъ, отобѣдалъ наскоро въ трактирѣ и вечеръ просидѣлъ у Ольги.

Но осенніе вечера въ городѣ не походили на длинные, свѣтлые дни и вечера въ паркѣ и рощѣ. Здѣсь онъ ужъ не могъ видѣть ее по три раза въ день; здѣсь ужъ не приблизить къ нему Катя и не пошлетъ онъ Захара съ запиской за пять верстъ. И вся эта лѣтняя, цвѣтущая поэма любви какъ будто остановилась, пошла лѣнивѣе, какъ будто не хватило въ ней содержанія.

Они иногда молчали по полчаса. Ольга углубится въ работу, считаетъ про себя иглой клѣтки узора, а онъ углубится въ хаосъ мыслей и живетъ впереди, гораздо дальше настоящаго момента.

Только иногда, взглядываясь пристально въ нее, онъ вздрогнетъ страстно, или она взглянетъ на него мимохо-

домъ и улыбнется, уловивъ лучъ нѣжной покорности, безмолвнаго счастья въ его глазахъ.

Три дня сряду ѣздилъ онъ въ городъ къ Ольгѣ и обѣдалъ у нихъ, подъ предлогомъ, что у него тамъ еще не устроено, что на этой недѣлѣ онъ съѣдетъ, и оттого не располагаетъ на новой квартирѣ, какъ дома.

Но на четвертый день ему ужъ казалось неловко придти, и онъ, побродивъ около дома Ильинскихъ, со вздохомъ поѣхалъ домой.

На пятый день они не обѣдали дома.

На шестой Ольга сказала ему, чтобъ онъ пришелъ въ такой-то магазинъ, что она будетъ тамъ, а потомъ онъ можетъ проводить ее до дома пѣшкомъ, а экипажъ будетъ ѣхать сзади.

Все это было неловко; попадались ему и ей знакомые, кланялись, нѣкоторые останавливались поговорить.

— Ахъ, ты Боже мой, какая мука!—говорилъ онъ весь въ поту отъ страха и неловкаго положенія.

Тетка тоже глядитъ на него своими томными большими глазами и задумчиво нюхаетъ свой спиртъ, какъ будто у нея отъ него болитъ голова. А ѣздить ему какая даль! Ѣдешь, ѣдешь съ Выборгской Стороны да вечеромъ назадъ— три часа.

— Скажемъ теткѣ, — настанвалъ Обломовъ: — тогда я могу оставаться у васъ съ утра, и никто не будетъ говорить...

— А ты въ палатѣ былъ?—спросила Ольга.

Обломова такъ и подмывало сказать: «былъ и все сдѣлалъ», да онъ знаетъ, что Ольга взглянетъ на него такъ пристально, что прочтетъ сейчасъ ложь на лицѣ. Онъ вздохнулъ въ отвѣтъ.

— Ахъ, если бѣ ты знала, какъ это трудно! — говорить онъ.

— А говорилъ съ братомъ хозяйки? Пріискалъ квартиру?—спросила она потомъ, не поднимая глазъ.

— Его никогда утромъ дома нѣтъ, а вечеромъ я все здѣсь, — сказалъ Обломовъ, обрадовавшись, что есть достаточная отговорка.

Теперь Ольга вздохнула, но не сказала ничего.

— Завтра непременно поговорю съ хозяйскимъ братомъ,—ускокаивалъ ее Обломовъ:—завтра воскресенье, онъ въ присутствіе не пойдетъ.

— Пока это все не устроится,—сказала задумчиво Ольга:—говорить *ma tante* нельзя, и видѣться надо рѣже...

— Да, да... правда,—струсивъ, прибавилъ Обломовъ.

— Ты обѣдай у насъ въ воскресенье, въ нашъ день, а потомъ хоть въ среду, одинъ,—рѣшила она.—А потомъ мы можемъ видѣться въ театрѣ: ты будешь знать, когда мы ѣдемъ, и тоже поѣзжай.

— Да, это правда,—говорилъ онъ, обрадованный, что она попеченіе о порядкѣ свиданій взяла на себя.

— Если жъ выдастся хорошій день, --- заключила она:—я поѣду въ Лѣтній Садъ гулять, и ты можешь придти туда; это напомнить намъ паркъ... паркъ! — повторила она съ чувствомъ.

Онъ молча поцѣловалъ у ней руку и простился съ ней до воскресенья. Она уныло проводила его глазами, потомъ сѣла за фортепіано и вся погрузилась въ звуки. Сердце у ней о чемъ-то плакало, плакали и звуки. Хотѣла пѣть—не поется!

На другой день Обломовъ всталъ и надѣлъ свой дикій сюртучокъ, что носилъ на дачѣ. Съ халатомъ онъ простился давно и велѣлъ его спрятать въ шкафъ.

Захаръ, по обыкновенію, колебля подносомъ, неловко подходилъ къ столу съ кофе и кренделями. Сзади Захара, по обыкновенію, высовывалась до половины изъ двери Анисья, приглядывая, донесетъ ли Захаръ чашки до стола, и тот-

часть, безъ шума, пряталась, если Захаръ ставилъ поднось благополучно на столъ, или стремительно подскакивала къ нему, если съ подноса падала одна вещь, чтобъ удержать остальные. Причемъ Захаръ разразится бранью сначала на вещи, потомъ на жену, и замахнется локтемъ ей въ грудь.

— Какой славный кофе! Кто это варить?—спросилъ Обломовъ.

— Сама хозяйка, — сказала Захаръ: — шестой день, все она. «Вы», говоритъ, «много цикорію кладете, да не довариваете. Дайте-ко я!»

— Славный, — повторилъ Обломовъ, наливая другую чашку. — Поблагодари ее.

— Вонъ она сама, — говорилъ Захаръ, указывая на полуотворенную дверь боковой комнаты. — Это у нихъ буфетъ, что ли; она тутъ и работаетъ, тутъ у нихъ чай, сахаръ, кофе лежитъ, и посуда.

Обломову видна была только спина хозяйки, затылокъ и часть бѣлой шеи, да голые локти.

— Что это она тамъ локтями-то такъ живо ворочаетъ?—спросилъ Обломовъ.

— Кто ее знаетъ! Кружева, что ли, гладить.

Обломовъ слѣдилъ, какъ ворочались локти, какъ спина нагибалась и выпрямлялась опять.

Внизу, когда она нагибалась, видны были чистая юбка, чистые чулки и круглыя, полныя ноги.

«Чиновница, а локти хоть бы графинъ какой-нибудь; еще съ ямочками!» подумалъ Обломовъ.

Въ полдень Захаръ пришелъ спросить, не угодно ли попробовать ихъ пирога: хозяйка велѣла предложить.

— Сегодня воскресенье, у нихъ пирогъ пекутъ.

— Ну, ужъ, я думаю, хорошъ пирогъ! — небрежно сказала Обломовъ. — Съ лукомъ, да съ морковью...

— Пирогъ не хуже нашихъ обломовскихъ,—замѣтилъ Захарь:—съ цыпятами и съ свѣжими грибами.

— Ахъ, это хорошо должно-быть: привеси! Кто жъ у нихъ печеть? Эта грязная баба-то?

— Куда ей! — съ презрѣніемъ сказалъ Захарь. — Кабы не хозяйка, такъ она и опары поставить не умѣетъ. Хозяйка сама все на кухнѣ. Пирогъ-то онѣ съ Анисейей вдвоемъ испекли.

Чрезъ пять минутъ изъ боковой комнаты высунулась къ Обломову голая рука, едва прикрытая видѣнною уже имъ шалью, съ тарелкой, на которой дымился, испуская горячій паръ, огромный кусокъ пирога.

— Покорно благодарю, — ласково отозвался Обломовъ, принимая пирогъ, и, заглянувъ въ дверь, уперся взглядомъ въ высокую грудь и голыя плечи.

Дверь торопливо затворилась.

— Водки не угодно ли?—спросилъ голосъ.

— Я не пью; покорно благодарю, еще ласковѣе сказалъ Обломовъ:—у васъ какая?

— Своя, домашняя: сами настаиваемъ на смородинномъ листу,—говорилъ голосъ.

— Я никогда не пивалъ на смородинномъ листу, позвольте попробовать!

Голая рука опять просунулась съ тарелкой и рюмкой водки. Обломовъ вышилъ: ему очень понравилась.

— Очень благодаренъ,—говорилъ онъ, стараясь заглянуть въ дверь, но дверь захлопнулась.

— Чтò вы не дадите на себя взглянуть, пожелать вамъ добраго утра?—упрекнулъ Обломовъ.

Хозяйка усмѣхнулась за дверью.

— Я еще въ будничномъ платьѣ, все на кухнѣ была. Сейчасъ одѣнусь; братецъ скоро отъ обѣдни придутъ, — отвѣчала она.

— Ахъ, à propos о братцѣ, — замѣтилъ Обломовъ:— мнѣ надо съ нимъ поговорить. Попросите его зайти ко мнѣ.

— Хорошо, я скажу, какъ они придуть.

— А кто это у васъ кашляетъ? Чей это такой сухой кашель?—спросилъ Обломовъ.

— Это бабушка; ужъ она у насъ восьмой годъ кашляетъ.

И дверь захлопнулась.

«Какая она... простая», подумалъ Обломовъ: «а есть въ ней, чтò-то такое... И держить себя чисто!»

До сихъ поръ онъ съ «братцемъ» хозяйки еще не успѣлъ познакомиться. Онъ видѣлъ только, и то рѣдко, съ постели, какъ, рано утромъ, мелькалъ сквозь рѣшетку забора чело-вѣкъ, съ большимъ бумажнымъ пакетомъ подъ мышкой, и пропадалъ въ переулкѣ, и потомъ, въ пять часовъ, мелькалъ опять, съ тѣмъ же пакетомъ, мимо оконъ, возвращаясь, тотъ же чело-вѣкъ и пропадалъ за крыльцомъ. Его въ домѣ не было слышно.

А между тѣмъ замѣтно было, что тамъ жили люди, особенно по утрамъ: на кухнѣ стучать ножи, слышно въ окно, какъ полощетъ баба чтò-то въ углу, какъ дворникъ рубить дрова, или везетъ на двухъ колесахъ боченокъ съ водой; за стѣной плачутъ ребятишки, или раздается упорный, сухой кашель старухи.

У Обломова было четыре комнаты, то-есть вся парадная амфилада. Хозяйка съ семействомъ помѣщалась въ двухъ непарадныхъ комнатахъ, а братецъ жилъ вверху, въ такъ-называемой свѣтелкѣ.

Кабинетъ и спальня Обломова обращены были окнами на дворъ, гостиная къ садику, а зала къ большому огороду, съ капустой и картофелемъ. Въ гостиной окна были драпированы ситцевыми полинявшими занавѣсками.

По стѣнамъ жались простые, подъ орѣхъ, стулья; подъ зеркаломъ стоялъ ломберный столъ; на окнахъ тѣснились

горшки съ еранью и бархатцами и висѣли четыре клѣтки, съ чижамн и канарейками.

Братецъ вошелъ на цыпочкахъ и отвѣчалъ троекратнымъ поклономъ на привѣтствіе Обломова. Вицмундиръ на немъ былъ застегнутъ на всѣ пуговицы, такъ что нельзя было узнать, есть ли на немъ бѣлье, или нѣтъ; галстукъ завязанъ простымъ узломъ и концы спрятаны внизъ.

Онъ былъ лѣтъ сорока, съ прямымъ хохломъ на лбу и двумя небрежно на вѣтеръ пущенными такими же хохлами на вискахъ, похожими на собачьи уши средней величины. Сѣрые глаза не вдругъ глядѣли на предметъ, а сначала вглядывали украдкой, а во второй разъ ужъ останавливались.

Рукъ своихъ онъ какъ будто стыдился, и когда говорилъ, то старался прятать, или обѣ за спину, или одну за пазуху, а другую за спину. Подавая начальнику бумагу и объясняясь, онъ одну руку держалъ на спинѣ, а среднимъ пальцемъ другой руки, ногтемъ внизъ, осторожно показывалъ какую-нибудь строку, или слово, и, показавъ, тотчасъ пряталъ руку назадъ, можетъ-быть, оттого, что пальцы были толстоваты, красноваты и немного тряслись, и ему не безъ причины казалось несовсѣмъ приличнымъ выставлять ихъ часто напоказъ.

— Вы изволили, — началъ онъ, бросивъ свой двойной взглядъ на Обломова:—приказать мнѣ придти къ себѣ.

— Да, я хотѣлъ поговорить съ вами насчетъ квартиры. Прошу садиться!—вѣжливо отвѣчалъ Обломовъ.

Иванъ Матвѣичъ, послѣ двукратнаго приглашенія, рѣшился сѣсть, перегнувшись тѣломъ впередъ и поджавъ руки въ рукава.

— По обстоятельствамъ, я долженъ пріискать себѣ другую квартиру,—сказалъ Обломовъ:—поэтому желалъ бы эту передать.

— Теперь трудно передать, — кашляннувъ въ пальцы и

проворно спрятавъ ихъ въ рукавъ, отозвался Иванъ Матвѣвичъ:—если бѣ въ концѣ лѣта пожаловали, тогда много ходили смотрѣть.

— Я былъ, да васъ не было,—перебилъ Обломовъ.

— Сестра сказывала,—прибавилъ чиновникъ.—Да вы не безпокойтесь насчетъ квартиры: здѣсь вамъ будетъ удобно. Можетъ-быть, птица васъ безпокоитъ?

— Какая птица?

— Куры-съ.

Обломовъ, хотя слышалъ постоянно съ ранняго утра подъ окнами тяжелое кудахтанье насѣдки и пискъ цыплятъ, но до того ли ему? Передъ нимъ носился образъ Ольги, и онъ едва замѣчалъ окружающее.

— Нѣтъ, это ничего,—сказалъ онъ:—я думалъ, вы говорите о канарейкахъ: онѣ съ утра начинаютъ трещать.

— Мы ихъ вынесемъ,—отвѣчалъ Иванъ Матвѣвичъ.

— И это ничего,—замѣтилъ Обломовъ:—но мнѣ, по обстоятельствамъ, нельзя оставаться.

— Какъ угодно-съ, —отвѣчалъ Иванъ Матвѣвичъ.—А если не пріймете жильца, какъ же насчетъ контракта? Сдѣлаете удовлетвореніе?.. Вамъ убытокъ будетъ.

— А сколько тамъ слѣдуетъ?—спросилъ Обломовъ.

— Да вотъ я принесу расчетъ.

Онъ принесъ контрактъ и счета.

— Вотъ-съ, за квартиру восемьсотъ рублей ассигнаціями, сто рублей получено задатку, осталось семьсотъ рублей,—сказалъ онъ.

— Да неужели вы съ меня за цѣлый годъ хотите взять, когда я у васъ и двухъ недѣль не прожилъ?—перебилъ его Обломовъ.

— Какъ же-съ?—кратко и совѣстливо возразилъ Иванъ Матвѣвичъ.—Сестра убытокъ понесетъ несправедливо. Она бѣдная вдова, живетъ только тѣмъ, что съ дома получить;

да развѣ на цыпятахъ и яйцахъ выручить кое-что на одѣжку ребятишкамъ.

— Помилуйте, я не могу, — заговорилъ Обломовъ: — посподите, я не прожилъ двухъ недѣль. Что же это, за что?

— Вотъ-съ, въ контрактѣ сказано, — говорилъ Иванъ Матвѣвичъ, показывая среднимъ пальцемъ двѣ строки и спрятавъ палецъ въ рукавъ: — извольте прочесть: «Буде же я, Обломовъ, пожелаю прежде времени съѣхать съ квартиры, то обязанъ передать ее другому лицу, на тѣхъ же условіяхъ, или, въ противномъ случаѣ, удовлетворить ее, Пшеницыну, сполна платою за весь годъ, по первое іюня будущаго года», прочиталъ Обломовъ.

— Какъ же это? — говорилъ онъ. — Это несправедливо.

— По закону такъ-съ, — замѣтилъ Иванъ Матвѣвичъ. — Самы изволили подписать: вотъ подпись-съ!

Опять появился палецъ подъ подписью, и опять спрятался.

— Сколько же? — спросилъ Обломовъ.

— Семьсотъ рублей, — началъ щелкать тѣмъ же пальцемъ Иванъ Матвѣвичъ, подгибая его всякій разъ проворно въ кулакъ: — да за конюшню и сарай сто-пятьдесятъ рублей.

И онъ щелкнулъ еще.

— Помилуйте, у меня лошадей нѣтъ, я не держу: зачѣмъ мнѣ конюшня и сарай? — съ живостью возразилъ Обломовъ.

— Въ контрактѣ есть-съ, — замѣтилъ, показывая пальцемъ строку, Иванъ Матвѣвичъ. — Михай Андренчъ сказывалъ, что у васъ лошади будутъ.

— Вретъ Михай Андренчъ! — съ досадою сказалъ Обломовъ. — Дайте мнѣ контрактъ!

— Вотъ-съ, копію извольте получить, а контрактъ принадлежитъ сестрѣ, — мягко отозвался Иванъ Матвѣвичъ, взявъ контрактъ въ руку. — Сверхъ того, за огородъ и про-

довольствіе изъ онаго капусты, рѣпой и прочими овощами, считая на одно лицо, — читаль Иванъ Матвѣвичъ: — примерно, двѣсти-пятьдесятъ рублей...

И онъ хотѣлъ щелкнуть на счетахъ.

— Какой огородъ? Какая капуста? Я и знать не знаю, что вы! — почти грозно возражалъ Обломовъ.

— Вотъ-съ, въ контрактъ: Михей Андреичъ сказали, что вы съ тѣмъ нанимаете...

— Что же это такое, что вы безъ меня моимъ столомъ распорядитесь? Я не хочу ни капусты, ни рѣпы... — говорилъ Обломовъ, вставая.

И Иванъ Матвѣвичъ всталъ со стула.

— Помилуйте, какъ можно безъ васъ: вотъ подпись есть! — возразилъ онъ.

И опять толстый палецъ трясся на подписи, и вся бумага тряслась въ его рукѣ.

— Сколько всего считаете вы? — нетерпѣливо спросилъ Обломовъ.

— Еще за окраску потолка и дверей, за передѣлку оконъ въ кухнѣ, за новые пробои къ дверямъ — сто пятьдесятъ четыре рубля двадцать восемь копеекъ ассигнаціями.

— Какъ, и это на мой счетъ? — съ изумленіемъ спросилъ Обломовъ. — Это всегда на счетъ хозяина дѣлается. Кто же переѣзжаетъ въ неотдѣланную квартиру?..

— Вотъ-съ, въ контрактъ сказано, что на вашъ счетъ, — сказалъ Иванъ Матвѣвичъ, издали показывая пальцемъ въ бумагу, гдѣ это сказано. — Тысячу триста пятьдесятъ четыре рубля двадцать восемь копеекъ ассигнаціями всего-съ! — кротко заключилъ онъ, спрятавъ обѣ руки съ контрактомъ назадъ.

— Да гдѣ я возьму? У меня нѣтъ денегъ! — возразилъ Обломовъ, ходя по комнатѣ. — Нужно мнѣ очень вашей рѣпы, да капусты!

— Какъ угодно-съ? — тихо прибавилъ Иванъ Матвѣ-

вичъ. — Да не безпокойтесь: вамъ здѣсь будетъ удобно, — прибавилъ онъ. — А деньги... сестра подождетъ.

— Нельзя мнѣ, нельзя по обстоятельствамъ! Слышите?

— Слушаю-съ. Какъ угодно, — послушно отвѣчалъ Иванъ Матвѣевичъ, отступивъ на шагъ.

— Хорошо, я подумаю и постараюсь передать квартиру! — сказалъ Обломовъ, кивнувъ чиновнику головой.

— Трудно-съ; а впрочемъ, какъ угодно! — заключилъ Иванъ Матвѣевичъ и, троекратно поклонясь, вышелъ вонъ.

Обломовъ вынулъ бумажникъ и счелъ деньги: всего триста пять рублей. Онъ обомлѣлъ.

«Куда жъ я дѣлъ деньги?» съ изумленіемъ, почти съ ужасомъ спросилъ самого себя Обломовъ. «Въ началѣ лѣта изъ деревни прислали тысячу двѣсти рублей, а теперь всего триста!»

Онъ началъ считать, припоминать всѣ траты, и могъ припомнить только двѣсти пятьдесятъ рублей.

— Куда жъ это вышли деньги? — говорилъ онъ.

— Захаръ, Захаръ!

— Чего изволите?

— Куда это у насъ всѣ деньги вышли? Вѣдь денегъ-то нѣтъ у насъ! — спросилъ онъ.

Захаръ началъ шарить въ карманахъ, вынулъ полтинникъ, гривенникъ и положилъ на столъ.

— Вотъ, забылъ отдать, отъ перевозки осталось, — сказала онъ.

— Что ты мнѣ мелочь-то суешь? Ты скажи, куда восемьсотъ рублей дѣлись?

— Почему я знаю? Развѣ я знаю, куда вы тратите? Что вы тамъ извозчикамъ за коляски платите?

— Да, вотъ на экипажъ много вышло, — вспомнилъ Обломовъ, глядя на Захара. — Ты не помнишь ли, сколько мы на дачѣ отдали извозчику?

— Гдѣ помнѣть! — отозвался Захарь: — одинъ разъ вы велѣли мнѣ тридцать рублей отдать, такъ я и помню.

— Чтò бы тебѣ записывать! — упрекнулъ его Обломовъ. — Худо быть безграмотнымъ!

— Прожилъ вѣкъ и безъ грамоты, слава Богу, не хуже другихъ! — возразилъ Захарь, глядя въ сторону.

«Правду говоритъ Штольцъ, что надо завести школу въ деревнѣ!» подумалъ Обломовъ.

— Вонъ, у Ильинскихъ былъ грамотный-то, сказывали люди, — продолжалъ Захарь: — да серебро изъ буфета и стащилъ.

«Прошу покорнѣйше!» трусливо подумалъ Обломовъ. «Въ самомъ дѣлѣ, эти грамотен — все такой безнравственный народъ: по трактирамъ, съ гармоникой, да чай... Нѣтъ, рано школы заводить!..»

— Ну, куда еще вышли деньги? — спросилъ онъ.

— Почемъ я знаю? Вонъ, Михею Андренчу дали на дачѣ...

— Въ самомъ дѣлѣ, — обрадовался Обломовъ, вспомнивъ про эти деньги. — Такъ, вотъ извозчику тридцать, да, кажется, двадцать пять рублей Тарантьеву... Еще куда?

Онъ задумчиво и вопросительно глядѣлъ на Захара. Захарь угрюмо смотрѣлъ на него.

— Не помнѣть ли Анисья? — спросилъ Обломовъ.

— Гдѣ дурѣ помнѣть? Чтò баба знаетъ? — съ презрѣнѣмъ сказалъ Захарь.

— Не припомню! — съ тоской заключилъ Обломовъ: — ужъ не воры ли были?

— Кабы воры, такъ все бы взяли, — сказалъ Захарь уходя.

Обломовъ сѣлъ въ кресло и задумался. «Гдѣ же я возьму денегъ?» до холоднаго пота думалъ онъ. «Когда пришлютъ изъ деревни и сколько?»

Онъ взглянулъ на часы: два часа, пора ѣхать къ Ольгѣ.

Сегодня положенный день обѣдать. Онъ мало-по-малу развеселился, велѣлъ привести извозчика и поѣхалъ въ Морскую.

IV.

Онъ сказалъ Ольгѣ, что переговорилъ съ братомъ хозяйки, и скороговоркой прибавилъ отъ себя, что есть надежда на этой недѣлѣ передать квартиру.

Ольга поѣхала съ теткой съ визитомъ до обѣда, а онъ пошелъ глядѣть квартиры по близости. Заходилъ въ два дома; въ одномъ нашелъ квартиру въ четыре комнаты за четыре тысячи ассигнаціями, въ другомъ за пять комнатъ просили шесть тысячъ рублей.

— Ужасъ! ужасъ! — твердилъ онъ, зажимая уши и убѣгая отъ изумленныхъ дворниковъ. Прибавивъ къ этимъ суммамъ тысячу слишкомъ рублей, которые надо было заплатить Пшеницыной, онъ, отъ страха, не посмѣлъ вывести итога и только прибавилъ шагу и побѣжалъ къ Ольгѣ.

Тамъ было общество. Ольга была одушевлена, говорила, шѣла, и произвела фуроръ. Только Обломовъ слушалъ разсѣянно, а она говорила и шѣла для него, чтобъ онъ не сидѣлъ, повѣся носъ, опустя вѣки, чтобъ все говорило и шѣло безпрестанно въ немъ самомъ.

— Пріѣзжай завтра въ театръ, у насъ ложа, — сказала она.

«Вечеромъ, по грязи, такую даль!» подумалъ Обломовъ, но, взглянувъ ей въ глаза, отвѣчалъ на ея улыбку улыбкой согласія.

— Абонируйся въ кресло, — прибавила она: — на той недѣлѣ пріѣдутъ Маевскіе; ma tante пригласила ихъ къ намъ въ ложу.

И она глядѣла ему въ глаза, чтобъ знать, какъ онъ обрадуется.

«Господи!» подумалъ онъ въ ужасѣ. «А у меня всего триста рублей денегъ».

— Вотъ, попроси барона: онъ тамъ со всѣми знакомъ, завтра же пошлетъ за креслами.

И она опять улыбнулась, и онъ улыбнулся глядя на нее, и съ улыбкой просилъ барона: тотъ, тоже съ улыбкой, взялся послать за билетомъ.

— Теперь въ креслѣ, а потомъ, когда ты кончишь дѣла.— прибавила Ольга: — ты ужъ займешь по праву мѣсто въ нашей ложѣ.

И окончательно улыбнулась, какъ улыбалась, когда была совершенно счастлива.

Ухъ, какимъ счастьемъ вдругъ пахнуло на него, когда Ольга немного приподняла завѣсу обольстительной дали, прикрытой, какъ пѣвцами, улыбками!

Обломовъ и про деньги забылъ; только когда, на другой день утромъ, увидѣлъ мелькнувшій мимо оконъ пакетъ братца, онъ вспомнилъ про довѣренность и просилъ Ивана Матвѣвича засвидѣтельствовать ее въ палатѣ. Тотъ прочиталъ довѣренность, объявилъ, что въ ней есть одинъ неясный пунктъ, и взялся прояснить.

Бумага была вновь переписана, наконецъ засвидѣльствована и отослана на почту. Обломовъ съ торжествомъ объявилъ объ этомъ Ольгѣ и успокоился надолго.

Онъ радовался, что до полученія отвѣта квартиры приискывать не понадобится и деньги понемногу заживаются.

«Оно бы и тутъ можно жить», думалъ онъ: «да далеко отъ всего, а въ домѣ у нихъ порядокъ строгій и хозяйство идетъ славно».

Въ самомъ дѣлѣ, хозяйство шло отлично. Хотя Обломовъ держалъ столъ особо, но глазъ хозяйки бодрствовалъ и надъ его кухней.

Илья Ильичъ зашелъ однажды въ кухню и засталъ Агафью Матвѣвну съ Анисейю чуть не въ объятіяхъ другъ друга.

Если есть симпатія душъ, если родственныя сердца чувтъ

другъ друга издалека, то никогда это не доказывалось такъ очевидно, какъ на симпатіи Агаѣи Матвѣевны и Анисьи. Съ перваго взгляда, слова и движенія онѣ поняли и оцѣнили одна другую.

По приѣмамъ Анисьи, по тому, какъ она, вооруженная кочергой и тряпкой, съ засученными рукавами, въ пять минутъ привела полгода-нетопленную кухню въ порядокъ, какъ смахнула щеткой разомъ пыль съ полокъ, со стѣнъ и со стола; какіе широкіе размахи дѣлала метлой по полу и по лавкамъ; какъ мгновенно выгребла изъ печки золу — Агаѣя Матвѣевна оцѣнила, что такое Анисья и какая бы она великая сподручица была ея хозяйственнымъ распоряженіямъ. Она дала ей съ той поры у себя мѣсто въ сердцѣ.

И Анисья, въ свою очередь, поглядѣвъ однажды только, какъ Агаѣя Матвѣевна царствуетъ на кухнѣ, какъ соколиными очами, безъ бровей, видитъ каждое неловкое движеніе неповоротливой Акулины; какъ гремитъ приказаніями вынуть, поставить, подогрѣть, посолить, какъ на рынкѣ однимъ взглядомъ и много-много прикосновеніемъ пальца безошибочно рѣшаетъ, сколько курицъ мѣсяцевъ отъ роду, давно ли уснула рыба, когда сорвана съ грядъ петрушка или салатъ—она съ удивленіемъ и почтительною боязнью возвела на нее глаза и рѣшила, что она, Анисья, миновала свое назначеніе, что поприще ея—не кухня Обломова, гдѣ торопливость ея, вѣчно-бьющаяся, нервическая лихорадочность движеній устремлена только на то, чтобъ подхватить на лету уроненную Захаромъ тарелку или стаканъ, и гдѣ опытность ея и тонкость соображеній подавляются мрачною завистью и грубымъ высокомеріемъ мужа. Двѣ женщины поняли другъ друга и стали неразлучны.

Когда Обломовъ не обѣдалъ дома, Анисья присутствовала на кухнѣ хозяйки и, изъ любви къ дѣлу, бросалась изъ угла въ уголъ, сажала, вынимала горшки, почти въ одно

и то же мгновение отпирала шкапъ, доставала что надо и захлопывала прежде, нежели Акулина успѣетъ понять въ чемъ дѣло.

Зато наградою Анисья былъ обѣдъ, чашекъ шесть кофе утромъ и столько же вечеромъ, и откровенный, продолжительный разговоръ, иногда доверчивый шопотъ съ самой хозяйкой.

Когда Обломовъ обѣдалъ дома, хозяйка помогала Анисья, то-есть указывала, словомъ или пальцемъ, пора ли, или рано рынимать жаркое, надо ли къ соусу прибавить немного краснаго вина, или сметаны, или что рыбу надо варить не такъ, а вотъ какъ...

И Боже мой, какими знаніями помѣнялись онъ въ хозяйственномъ дѣлѣ, не по одной только кулинарной части, но и по части холста, нитокъ, шитья, мытья бѣлья, платьевъ, чистки блондъ, кружевъ, перчатокъ, выведенія пятенъ изъ разныхъ матерій, также употребленія разныхъ домашнихъ лѣкарственныхъ составовъ, травъ—всего, что внесли въ известную сферу жизни наблюдательный умъ и вѣковые опыты!

Илья Ильичъ встанетъ утромъ часовъ въ девять, иногда увидитъ сквозь рѣшетку забора мелькнувшій бумажный пакетъ подъ мышкой уходящаго въ должность брата, потомъ примется за кофе. Кофе все такой же славный, сливки густыя, булки сдобныя, разсыпчатыя.

Потомъ онъ примется за сигару и слушаетъ внимательно, какъ тяжело кудахтаетъ насѣдка, какъ пищать цыплята, какъ трещать канарейки, и чижи. Онъ не велѣлъ убирать ихъ:

— Деревню напоминаютъ, Обломову,—сказалъ онъ.

Потомъ сядетъ дочитывать начатыя на дачѣ книги, иногда приляжетъ небрежно съ книгой на диванъ и читаетъ.

Тишина идеальная; пройдетъ развѣ солдатъ какой-нибудь по улицѣ, или кучка мужиковъ, съ топорами за поясомъ.

Рѣдко-рѣдко заберется въ глушь разносчикъ и, остановясь передъ рѣшѣтчатымъ заборомъ, съ полчаса горланить:— «Яблоки, арбузы астраханскіе» — такъ, что пѣхотя купишь что-нибудь.

Иногда придетъ къ нему Маша, хозяйская дѣвочка, отъ маменьки, сказать, что грузди или рыжики продаютъ: не велитъ ли онъ взять кадочку для себя, или зазоветъ онъ къ себѣ Ваню, ея сына, спрашиваетъ, что онъ выучилъ, заставить прочесть, или написать и посмотреть, хорошо ли онъ пишетъ и читаетъ.

Если дѣти не затворяютъ дверь за собою, онъ видитъ гдую шею и мелькающіе, вѣчно-движущіея локти и спину хозяйки.

Она все за работой, все что-нибудь гладитъ, толчетъ, третъ, и уже не церемонится, не накидываетъ шаль, когда замѣтитъ, что онъ видитъ ее сквозь полуотворенную дверь, только усмѣхнется и опять заботливо толчетъ, гладитъ и третъ на большомъ столѣ.

Онъ иногда съ книгой подойдетъ къ двери, заглянетъ къ ней и поговоритъ съ хозяйкой.

— Вы все за работой!—сказалъ онъ ей однажды.

Она усмѣхнулась и опять заботливо принялась вертѣть ручку кофейной мельницы, и локоть ея такъ проворно описывалъ круги, что у Обдмова рябило въ глазахъ.

— Вѣдь вы устанете,—продолжалъ онъ.

— Нѣтъ, я привыкла,—отвѣчала она, треща мельницей.

— А когда нѣтъ работы, что жъ вы дѣлаете?

— Какъ нѣтъ работы? Работа всегда есть, — сказала она: — утромъ обѣдъ готовить, послѣ обѣда шить, а къ вечеру ужинъ.

— Развѣ вы ужинаете?

— Какъ же безъ ужина? ужинаемъ. Подъ праздникъ ко всенощной ходимъ.

— Это хорошо. — похвалиль Обломовъ. — Въ какую же церковь?

— Къ Рождеству: это нашъ приходъ.

— А читаете что-нибудь?

Она поглядѣла на него тупо и молчала.

— Книги у васъ есть?—спросилъ онъ.

— У братца есть, да они не читають. Газеты изъ трактира беремъ, такъ иногда братецъ вслухъ читають... да вотъ у Ваночки много книгъ.

— Ужели же вы никогда не отдыхаете?

— Ей-Богу, правда!

— И въ театрѣ не бываете?

— Братецъ на святкахъ бывають.

— А вы?

— Когда мнѣ? А ужинъ какъ? — спросила она, бокомъ поглядѣвъ на него.

— Кухарка можетъ безъ васъ...

— Акулина-то! — съ удивленіемъ возразила она. — Какъ же можно? Что она сдѣлаетъ безъ меня? Ужинъ и къ завтраму не поспѣетъ. У меня всѣ ключи.

Молчаніе. Обломовъ любовался ея полными, круглыми локтями.

— Какъ у васъ хороши руки, — вдругъ сказалъ Обломовъ: — можно хоть сейчасъ нарисовать.

Она усмѣхнулась и немного застыдилась.

— Неловко съ рукавами, — оправдывалась она: — нынче, вѣдь, вонъ какія пошли платья, рукава всѣ выпачкаешь.

И замолчала. Обломовъ тоже молчалъ.

— Вотъ только домелю кофе, — шептала про-себя хозяйка: — сахаръ буду колотъ. Еще не забыть за корицей послать.

— Вамъ бы замужъ надо выйти. — сказалъ Обломовъ: — вы славная хозяйка.

Она усмѣхнулась и стала пересыпать кофе въ большую стеклянную банку.

— Право,—прибавилъ Обломовъ.

— Кто меня съ дѣтьми-то возьметъ? — отвѣчала, она и что-то начала считать въ умѣ.— Два десятка... — задумчиво говорила она: — ужели она ихъ всѣ положить?

И, поставивъ въ шкапъ банку, побѣжала въ кухню. А Обломовъ ушелъ къ себѣ и сталъ читать книгу...

— Какая еще свѣжая, здоровая женщина и какая хозяйка! Право бы замужъ ей... — говорилъ онъ самъ себѣ и погружался въ мысль... объ Ольгѣ.

Обломовъ въ хорошую погоду надѣнетъ фуражку и обойдетъ окрестность; тамъ попадетъ въ грязь, здѣсь войдетъ въ непріятное сношеніе съ собаками, и вернется домой.

А дома ужъ накрытъ столъ и кушанье такое вкусное, подано чисто. Иногда сквозь двери просунется голая рука, съ тарелкой—просятъ попробовать хозяйскаго пирога.

— Тихо, хорошо въ этой сторонѣ, только скучно! — говорилъ Обломовъ, уѣзжая въ оперу.

Однажды, воротясь поздно изъ театра, онъ, съ извозчикомъ, стучалъ почти часъ въ ворота; собака, отъ скаканья на цѣпи и лая, потеряла голосъ. Онъ иззябъ и разсердился, объявивъ, что съѣдетъ на другой же день. Но и другой, и третій день, и недѣля прошла — онъ еще не съѣзжалъ.

Ему было очень скучно не видѣть Ольги въ неположные дни, не слышать ея голоса, не читать въ глазахъ все той же, неизмѣняющейся ласки, любви, счастья.

Зато въ положенные дни онъ жилъ какъ лѣтомъ, заслушивался ея пѣнія, или глядѣлъ ей въ глаза; а при свидѣтеляхъ довольно ему было одного ея взгляда, равнодушнаго для всѣхъ, но глубокаго и знаменательнаго для него.

По мѣрѣ того, однакожь, какъ дѣло подходило къ зимѣ, свиданія ихъ становились рѣже наединѣ. Къ Ильинскимъ

стали ѣздить гости, и Обломову по цѣлымъ днямъ не удавалось сказать съ ней двухъ словъ. Они мѣнялись взглядами. Ея взгляды выражали иногда усталость и нетерпѣніе.

Она съ нахмуренными бровями глядѣла на всѣхъ гостей. Обломовъ раза два даже соскучился и послѣ обѣда однажды взялся-было за шляпу.

— Куда?—вдругъ съ изумленіемъ спросила Ольга, очутившись подлѣ него и хватая за шляпу.

— Позвольте домой...

— Зачѣмъ?—спросила она. Одна бровь у ней лежала выше другой.—Что вы станете дѣлать?

— Я такъ...—говорилъ онъ, едва тараща глаза отъ сна.

— Кто жъ вамъ позволить? Ужъ не спать ли вы собираетесь?—спрашивала она, строго поглядѣвъ ему попеременно въ одинъ глазъ, потомъ въ другой.

— Что вы!—живо возразилъ Обломовъ.—Спать днемъ! Мнѣ просто скучно.

И онъ отдалъ шляпу.

— Сегодня въ театръ,—сказала она.

— Не вмѣстѣ въ ложу,—прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Такъ что же? А это развѣ ничего, что мы видимъ другъ друга, что ты зайдешь въ антрактъ, при разѣздѣ подойдешь, подашь руку до кареты?.. Извольте ѣхать!—повелительно прибавила она.—Что это за новости!

Нечего дѣлать, онъ ѣхалъ въ театръ, зѣвалъ, какъ-будто хотѣлъ вдругъ проглотить сцену, чесалъ затылокъ и перекладывалъ ногу на ногу.

«Ахъ, скорѣй бы кончить, да сидѣть съ ней рядомъ, не таскаться такую даль сюда!» думалъ онъ. «А то послѣ такого лѣта, да еще видѣться урывками, украдкой, играть роль влюбленнаго мальчика... Правду сказать, я бы сегодня не поѣхалъ въ театръ, если бъ ужъ былъ женатъ: шестой разъ слышу эту оперу...»

Въ антрактѣ онъ пошелъ въ ложу къ Ольгѣ и едва протѣснулся до нея между двухъ какихъ-то франтовъ. Чрезъ пять минутъ онъ ускользнулъ и остановился у входа въ кресла, въ толпѣ. Актъ начался и всѣ торопились къ своимъ мѣстамъ. Франты изъ ложи Ольги тоже были тутъ и не видѣли Обломова.

— Что это за господинъ былъ сейчасъ въ ложѣ у Ильинскихъ?—спросилъ одинъ у другого.

— Это Обломовъ какой-то,—небрежно отвѣчалъ другой.

— Что это за Обломовъ?

— Это... помѣщикъ, другъ Штольца.

— А!—значительно произнесъ другой.—Другъ Штольца. Что жъ онъ тутъ дѣлаетъ?

— Dieu sait!—отвѣчалъ другой, и всѣ разошлись по мѣстамъ. Но Обломовъ потерялся отъ этого ничтожнаго разговора.

«Что за *господинъ?*.. какой-то Обломовъ... что онъ тутъ дѣлаетъ... Dieu sait» — все это застучало ему въ голову. «Какой-то!» «Что я тутъ дѣлаю!» Какъ что? Люблю Ольгу; и ся... Однакожъ, вотъ ужъ въ свѣтѣ родился вопросъ: что я тутъ дѣлаю? Замѣтили... Ахъ, Боже мой! какъ же, надо что-нибудь...»

Онъ уже не видѣлъ, что дѣлается на сценѣ, какіе тамъ выходятъ рыцари и женщины; оркестръ гремитъ, а онъ и не слышитъ. Онъ озирается по сторонамъ и считаетъ, сколько знакомыхъ въ театрѣ: вонъ тутъ, тамъ—вездѣ сидятъ, всѣ спрашиваютъ. — «Что это за господинъ входилъ къ Ольгѣ въ ложу?..»—«Какой-то Обломовъ!» говорятъ всѣ.

«Да, я «какой-то!» думалъ онъ въ робкомъ уныніи: «Меня знаютъ, потому что я другъ Штольца. Зачѣмъ я у Ольги?—«Dieu sait!..» Вонъ, вонъ, эти франты смотрятъ на меня, потомъ на ложу Ольги!»

Онъ взглянулъ на ложу; бинокль Ольги устремленъ былъ на него.

«Ахъ, ты Господи!» думалъ онъ. «А она глазъ не спускаетъ съ меня? Чтò она нашла во мнѣ такого? Экое сокровище далось! Вонъ, кажется, теперь на сцену указываетъ... франты, кажется, смѣются, смотрятъ на меня... Господи, Господи!»

Онъ опять, въ волненіи, неистово почесалъ затылокъ, опять переложилъ ногу на ногу.

Она звала франтовъ изъ театра пить чай, общала повторить каватину и ему велѣла пріѣхать.

«Нѣтъ, ужъ сегодня не поѣду; надо рѣшить дѣло скорѣй, да потомъ... Чтò это, отвѣта повѣренный не шлетъ изъ деревни?.. Я бы давно уѣхалъ, передъ отвѣдомъ обручился бы съ Ольгой... Ахъ, а она все смотритъ на меня! Бѣда, право!»

Онъ, не дождавшись конца оперы, уѣхалъ домой. Мало-помалу, впечатлѣніе его изгладилось, и онъ опять съ трепетомъ счастья смотрѣлъ на Ольгу наединѣ, слушалъ, съ подавленными слезами восторга, ея пѣніе при всѣхъ, и, пріѣзжая домой, ложился, безъ вѣдома Ольги, на диванъ, но ложился не спать, не лежать мертвой колодой, а мечтать о ней, играть мысленно въ счастье, и волноваться, заглядывая въ будущую перспективу своей домашней, мирной жизни, гдѣ будетъ сіять Ольга — и все засіяетъ около нея. Заглядывая въ будущее, онъ иногда невольно, иногда умышленно заглядывалъ, въ полуотворенную дверь, и на мелькавшіе локти хозяйки.

Однажды тишина въ природѣ и въ домѣ была идеальная; ни стуку каретъ, ни хлопанья дверей; въ передней на часахъ мѣрно постукивалъ маятникъ да пѣли канарейки; но это не нарушаетъ тишины, а придаетъ ей только нѣкоторый отгѣнокъ жизни.

Илья Ильичъ лежалъ небрежно на диванѣ, играя туплей, ронялъ ее на полъ, поднималъ на воздухъ, повертывалъ тамъ,

она упадетъ, онъ подхватываетъ съ пола ногой... Вошелъ Захаръ и сталъ у дверей.

— Ты что?—небрежно спросилъ Обломовъ.

Захаръ молчалъ и почти прямо, не стороной, глядѣлъ на него.

— Ну?—спросилъ Обломовъ, взглянувъ на него съ удивленіемъ:—пирогъ, что ли, готовъ?

— Вы нашли квартиру? — спросилъ, въ свою очередь, Захаръ.

— Нѣтъ еще. А что?

— Да я не все еще разобралъ: посуда, одѣжа, сундуки, все еще въ чуланѣ горой стоитъ. Разбирать, что ли?

— Погоди,—разсѣянно сказалъ Обломовъ:—я жду отвѣта изъ деревни.

— Стало-быть, свадьба-то послѣ Рождества будетъ? — прибавилъ Захаръ.

— Какая свадьба?—вдругъ вставъ, спросилъ Обломовъ.

— Извѣстно какая: ваша! — отвѣчалъ Захаръ положительно, какъ о дѣлѣ давно рѣшеномъ.—Вѣдь вы женитесь?

— Я же-нюсь! На комъ? — съ ужасомъ спросилъ Обломовъ, пожирая Захара изумленными глазами.

— На Ильинской барыш...—Захаръ еще не договорилъ, а Обломовъ былъ у него почти на носу.

— Что ты, несчастный, кто тебѣ внушилъ эту мысль?—патетически, сдержаннымъ голосомъ воскликнулъ Обломовъ, напирая на Захара.

— Что я за несчастный? Слава тебѣ Господи!—говорилъ Захаръ, отступая къ дверямъ.—Кто? Люди Ильинскіе еще лѣтомъ сказывали.

— Цсс!..—зашипѣлъ на него Обломовъ, поднявъ палецъ вверхъ и грозя на Захара:—ни слова больше!

— Развѣ я выдумалъ?—говорилъ Захаръ.

— Ни слова! — повторилъ Обломовъ, грозно глядя на него, и указалъ ему дверь.

Захарь ушелъ и вздохнулъ на всѣ комнаты.

Обломовъ не могъ опомниться; онъ все стоялъ въ одномъ положеніи, съ ужасомъ глядя на то мѣсто, гдѣ стоялъ Захарь, потомъ, въ отчаяніи, положилъ руки на голову и сѣлъ въ кресло.

«Люди знаютъ!» ворочалось у него въ головѣ: «по лакейскимъ, по кухнямъ толки идутъ! Вотъ до чего дошло! Онъ осмѣлился спросить, когда свадьба. А тетка еще не подозреваетъ, или если подозреваетъ, то, можетъ-быть, другое, недоброе... Ай-ай-ай, что она можетъ подумать! А я? А Ольга?»

— Несчастный, что я надѣлалъ!—говорилъ онъ, переваливаясь на диванѣ лицомъ къ подушкѣ. — Свадьба! Этотъ поэтическій мигъ въ жизни любящихся, вѣнецъ счастья—о немъ заговорили лакеи, кучера, когда еще ничего не рѣшено, когда отвѣта изъ деревни нѣтъ, когда у меня пустой бумажникъ, когда квартира не найдена...

Онъ сталъ разбирать поэтическій мигъ, который вдругъ потерялъ краски, какъ только заговорилъ о немъ Захарь. Обломовъ сталъ видѣть другую сторону медали, и мучительно переворачивался съ-боку-на-бокъ, ложился на спину, вдругъ вскакивалъ, дѣлалъ три шага по комнатѣ и опять ложился.

«Ну, не бывать добру!» думалъ со страхомъ Захарь у себя въ передней. «Экъ меня дернула нелегкая!»

— Откуда они знаютъ? — твердилъ Обломовъ. — Ольга молчала, я и подумать вслухъ не смѣлъ, а въ передней все рѣшили! Вотъ что значитъ свиданія наединѣ, поэзія утреннихъ и вечернихъ зорь, страстные взгляды и обаятельное пѣніе! Охъ, ужъ эти поэмы любви, никогда добромъ не кончаются! Надо прежде стать подъ вѣнецъ и тогда плавать въ розовой атмосферѣ!.. Боже мой! Боже мой! Бѣжать къ теткѣ, взять Ольгу за руку и сказать: «вотъ моя невѣста!» да не готово ничего, отвѣта изъ деревни нѣтъ,

денегъ нѣтъ, квартиры нѣтъ! Нѣтъ, надо выбить прежде изъ головы Захара эту мысль, затушить слухи, какъ пламя, чтобъ оно не распространилось, чтобъ не было огня и дыма... Свадьба! Что такое свадьба?..

Онъ - было улыбнулся, вспомнивъ прежній свой поэтический идеалъ свадьбы, длинное покрывало, померанцевую вѣтку, шопоть толпы...

Но краски были уже не тѣ: тутъ же, въ толпѣ, былъ грубый, неопрятный Захаръ и вся дворня Ильинскихъ, рядъ каретъ, чужія, холодно-любопытныя лица. Потомъ, потомъ мерещилось все такое скучное, страшное...

— Надо выбить изъ головы Захара эту мысль, чтобъ онъ счелъ это за нелѣпость, — рѣшилъ онъ, то судорожно волнуясь, то мучительно задумываясь.

Черезъ часъ онъ кликнулъ Захара.

Захаръ притворился, что не слышитъ, и сталъ - было потихоньку вытираться на кухню. Онъ ужъ отворилъ безъ скрипу дверь, да не попалъ бокомъ въ одну половинку и плечомъ такъ задѣлъ за другую, что обѣ половинки распахнулись съ грохотомъ.

— Захаръ! — повелительно закричалъ Обломовъ.

— Чего вамъ? — изъ передней отозвался Захаръ.

— Поди сюда! — сказала Илья Ильичъ.

— Подать, что ли, что? Такъ говорите, я подамъ! — отвѣтилъ онъ.

— Поди сюда! — разстановисто и настойчиво произнесъ Обломовъ.

— Ахъ, смерть неидеть! — прохрипѣлъ Захаръ, вѣзая въ комнату. — Ну, чего вамъ? — спросилъ онъ, увязнувъ въ дверяхъ.

— Подойди сюда! — торжественно-таинственнымъ голосомъ говорилъ Обломовъ, указывая Захару куда стать, и указавъ такъ близко, что почти пришлось бы ему сѣсть на колѣни барину.

— Куда я туда подойду? Тамъ тѣсно, я и отсюда слышу,—отговаривался Захарь, остановясь упрямо у дверей.

— Подойди, тебѣ говорятъ!—грозно произнесъ Обломовъ.

Захарь сдѣлалъ шагъ и сталъ, какъ монументъ, глядя въ окно на бродившихъ куръ, и подставляя барину, какъ щетку, бабенбарду. Илья Ильичъ въ одинъ часъ отъ волненія измѣнился, будто осунулся въ лицѣ, глаза бѣгали безпокойно.

«Ну, будетъ теперь!» подумалъ Захарь, дѣлаясь мрачнѣе и мрачнѣе.

— Какъ ты могъ сдѣлать такой несообразный вопросъ барину?—спросилъ Обломовъ.

«Вона, пошелъ!» думалъ Захарь, крупно мигая, въ то-скливомъ ожиданіи «жалкихъ словъ».

— Я тебя спрашиваю, какъ ты могъ забрать такую нелѣпость себѣ въ голову?—повторилъ Обломовъ.

Захарь молчалъ.

— Слышишь, Захарь? Зачѣмъ ты позволяешь себѣ не только думать, даже говорить?..

— Позвольте, Илья Ильичъ, я лучше Анисью позову...—отвѣчалъ Захарь и шагнулъ-было къ двери.

— Я хочу съ тобой говорить, а не съ Анисьей,—возразилъ Обломовъ.—Зачѣмъ ты выдумалъ такую нелѣпость?

— Я не выдумывалъ,—сказалъ Захарь:—Ильинскіе люди сказывали.

— А имъ кто сказывалъ?

— Я почемъ знаю! Катя сказала Семену, Семень Никитѣ, Никита Василисѣ, Василиса Анисьѣ, а Анисья мнѣ...—говорилъ Захарь.

— Господи, Господи! Всѣ! — съ ужасомъ произнесъ Обломовъ. — Все это вздоръ, нелѣпость, ложь, клевета — слышишь ли ты?—постучавъ кулакомъ объ столъ, сказалъ Обломовъ.—Этого быть не можетъ!

— Отчего не можетъ быть? — равнодушно перебилъ За-

харь.—Дѣло обыкновенное—свадьба! Не вы одни, всѣ женятся.

— Всѣ!—сказалъ Обломовъ.—Ты мастеръ равнять меня съ другими, да со всѣми! Это быть не можетъ! И нѣтъ, и не было! Свадьба—обыкновенное дѣло: слышите? Что такое свадьба?

Захарь взглянулъ-было на Обломова, да увидаль яростно-устремленные на него глаза и тотчасъ перенесъ взглядъ направо, въ уголъ.

— Слушай, я тебѣ объясню, что это такое. «Свадьба, свадьба», начнутъ говорить праздные люди, разные женщины, дѣти, по лакейскимъ, по магазинамъ, по рынкамъ. Человѣкъ перестаетъ называться Ильей Ильичемъ, или Петромъ Петровичемъ, а называется «женихъ». Вчера на него никто и смотрѣть не хотѣлъ, а завтра всѣ глаза пучать, какъ на шельму какую-нибудь. Ни въ театрѣ, ни на улицѣ прохода не дадутъ. «Вотъ, вотъ жених!» шепчутъ всѣ. А сколько человѣкъ подойдетъ къ нему въ день, всякій норовить сдѣлать рожу поглуше, вотъ какъ у тебя теперь! (Захарь быстро перенесъ взглядъ опять на дворъ) и сказать что-нибудь понелѣше,—продолжалъ Обломовъ.— Вотъ оно, какое начало! А ты ѣзди каждый день, какъ окаянный, съ утра къ невѣстѣ, да все въ палевыхъ перчаткахъ, чтобъ у тебя платье съ иголочки было, чтобъ ты не глядѣлъ скучно, чтобъ не ѣлъ, не пилъ, какъ слѣдуетъ, обстоятельно, а такъ, вѣтромъ бы жилъ, да букетами! Это мѣсяца три, четыре! Видишь? Такъ какъ же я-то могу?

Обломовъ остановился и посмотрѣлъ, дѣйствуетъ ли на Захара это изображеніе неудобствъ женитьбы.

— Идти, что ли, мнѣ? — спросилъ Захарь, оборачиваясь къ двери.

— Нѣтъ, ты постой! Ты мастеръ распускать фальшивые слухи, такъ узнай, почему они фальшивые.

— Что мнѣ узнавать? — говорилъ Захарь, осматривая стѣны комнаты.

— Ты забылъ, сколько бѣготни, суматохи и у жениха, и у невѣсты. А кто у меня, ты, что ли, будешь бѣгать по портнымъ, по сапожникамъ, къ мебельщику? Одинъ я не разорвусь на всѣ стороны. Всѣ въ городѣ узнаютъ. «Обломовъ женится — вы слышали?» — «Ужели? На комъ? Кто такая? Когда свадьба?» — говорилъ Обломовъ разными головами. — Только и разговора! Да я измучусь, слягу отъ одного этого, а ты выдумалъ: свадьба!

Онъ опять взглянулъ на Захара.

— Позвать, что ли, Анисью? — спросилъ Захарь.

— Зачѣмъ Анисью? Ты, а не Анисья, допустилъ это необдуманное предположеніе.

— Ну, за что это наказалъ меня Господь сегодня? — прошепталъ Захарь, вздохнувъ такъ, что у него приподнялись даже плечи.

— А издержки какія? — продолжалъ Обломовъ. — А деньги гдѣ? Ты видѣлъ, сколько у меня денегъ? — почти грозно спросилъ Обломовъ. — А квартира гдѣ? Здѣсь надо тысячу рублей заплатить, да нанять другую, три тысячи дать, да на отдѣлку сколько! А тамъ экипажъ, поварь, на прожитокъ! Гдѣ я возьму?

— Какъ же съ тремястами душъ женятся другіе? — возразилъ Захарь, да и самъ раскаялся, потому что баринъ почти вскочилъ съ кресла, такъ и припрыгнулъ на немъ.

— Ты опять «другіе»? Смотри! — сказалъ онъ, погрозивъ пальцемъ. — Другіе въ двухъ, много въ трехъ комнатахъ живутъ: и столовая, и гостиная — все тутъ; а инья и спать тутъ же; дѣти рядомъ; одна дѣвка на весь домъ служить. Сама барыня на рынокъ ходитъ! А Ольга Сергѣевна поидетъ на рынокъ?

— На рынокъ-то и я схожу, — замѣтилъ Захарь.

— Ты знаешь, сколько дохода съ Обломовки получаемъ? —

спрашивалъ Обломовъ. — Слышишь, что староста пишетъ? доходу «тысящи яко двѣ поменѣ!» А тутъ дорогу надо строить, школы заводить, въ Обломовку ѣхать; тамъ негдѣ жить, дома еще нѣтъ... Какая же свадьба? Что ты выдумалъ?

Обломовъ остановился. Онъ самъ пришелъ въ ужасъ отъ этой грозной, безотрадной перспективы. Розы, померанцевые цвѣты, блистанье праздника, шопоть удивленія въ толпѣ—все вдругъ померкло.

Онъ измѣнился въ лицѣ и задумался. Потомъ понемногу пришелъ въ себя, оглянулся и увидѣлъ Захаря.

— Что ты?—спросилъ онъ угрюмо.

— Вѣдь вы велѣли стоять!—сказалъ Захарь.

— Поди!—съ нетерпѣніемъ махнулъ ему Обломовъ.

Захарь быстро шагнулъ въ двери.

— Нѣтъ, постой!—вдругъ остановилъ Обломовъ.

— То поди, то постой!—ворчалъ Захарь, придерживаясь рукой за дверь.

— Какъ же ты смѣлъ распускать про меня такіе, ни съ чѣмъ не сообразные слухи?—встревоженнымъ шопотомъ спрашивалъ Обломовъ.

— Когда же я, Илья Ильичъ, распускалъ? Это не я, а люди Ильинскіе сказывали, что баринъ, дескать, сватался...

— Цсс...—защипѣлъ Обломовъ, грозно махая рукой:—ни слова, никогда! Слышишь?

— Слышу,—робко отвѣчалъ Захарь.

— Не станешь распространять этой нелѣпости?

— Не стану,—тихо отвѣчалъ Захарь, не понявъ половины словъ и зная только, что они «жалкія».

— Смотри же, чуть услышишь, заговорятъ объ этомъ, спросятъ—скажи: это вздоръ, никогда не было и быть не можетъ!—шопотомъ добавилъ Обломовъ.

— Слушаю,—чуть-слышно прошепталъ Захарь.

Обломовъ оглянулся и погрозилъ ему пальцемъ. Захарь

мигаль испуганными глазами и на цыпочкахъ уходилъ-было къ двери.

— Кто первый сказалъ объ этомъ? — догнавъ, спросилъ его Обломовъ.

— Катя сказала Семену, Семень Никитѣ,—шенталь Захарь:—Никита Василисѣ...

— А ты всѣмъ разболталъ! Я тебя! — грозно шипѣлъ Обломовъ:—распускать клевету про барина! А!

— Что вы томите меня жалкими-то словами? — сказалъ Захарь:—я позову Анисью: она все знаетъ...

— Что она знаетъ? Говори, говори сейчасъ!..

Захарь мгновенно выбрался изъ двери и съ необычайной быстротой шагнулъ въ кухню.

— Брось сковороду, пошла къ барину! — сказалъ онъ Анисѣ, указавъ ей большимъ пальцемъ на дверь. Анисья передала сковороду Акулинѣ, выдернула изъ-за пояса подоль, ударила ладонями по бедрамъ и, утеревъ указательнымъ пальцемъ носъ, пошла къ барину. Она въ пять минутъ успокоила Илью Ильича, сказавъ ему, что никто о свадьбѣ ничего не говоритъ: вотъ побожиться не грѣхъ и даже образъ со стѣны снять, и что она въ первый разъ объ этомъ слышитъ; говорили, напротивъ, совсѣмъ другое, что баронъ, слышь, сватался за барышню...

— Какъ баронъ!—вскочивъ вдругъ, спросилъ Илья Ильичъ, и у него поледенѣло не только сердце, но руки и ноги.

— И это вздоръ!—поспѣшила сказать Анисья, видя, что она изъ огня попала въ полымя:—это Катя только Семену сказала, Семень Марѣѣ, Марѣа переврала все Никитѣ, а Никита, сказалъ, что «хорошо, если бъ вашъ баринъ, Илья Ильичъ, посваталъ барышню...»

— Какой дуракъ этотъ Никита!—замѣтилъ Обломовъ.

— Точно что дуракъ,—подтвѣдила Анисья:—онъ и за каретой когда ѣдетъ, такъ словно спитъ. Да и Василиса не повѣрила, — скороговоркой продолжала она: — она еще

въ Успеневъ-день говорила ей, а Василисъ рассказывала сама няня, что барышня и не думаетъ выходить замужъ, что статочное ли дѣло, чтобъ вашъ баринъ давно не нашель себѣ невѣсты, кабы захотѣлъ жениться, и что еще недавно она видѣла Самойлу, такъ тотъ даже смѣялся этому: какая дескать свадьба? И на свадьбу не похоже, а скорѣе на похороны, что у тетеньки все головка болитъ, а барышня плачуть да молчатъ; да въ домъ и приданого не готовятъ; у барышни чулковъ пропасть нештопанныхъ, и тѣ не соберутся заштопать; что на той недѣлѣ даже заложили серебро...

«Заложили серебро? И у нихъ денегъ нѣтъ!» подумалъ Обломовъ, съ ужасомъ поводя глазами по стѣнамъ и останавливая ихъ на носу Анисьи, потому что на другомъ остановить ихъ было нѣ на чемъ. Она какъ будто и говорила все это не ртомъ, а носомъ.

— Смотри же, не болтать пустяковъ! — замѣтилъ Обломовъ, грозя ей пальцемъ.

— Какое болтать! Я и въ мысляхъ не думаю, не токмо что болтать, — трепала Анисья, какъ будто лучину щепала: — да ничего и нѣтъ, въ первый разъ слышу сегодня, вотъ передъ Господомъ Богомъ, сквозь землю провалиться! Удивилась, какъ баринъ молвилъ мнѣ, испугалась, даже задряслась вся! Какъ это можно? Какая свадьба? Никому и во снѣ не грезилось. Я ни съ кѣмъ ничего не говорю, все на кухнѣ сижу. Съ Ильинскими людьми не видалась съ мѣсяць, забыла какъ ихъ и зовуть. А здѣсь съ кѣмъ болтать? Съ хозяйкой только и разговору, что о хозяйствѣ; съ бабушкой говорить нельзя: та кашляетъ, да и на ухо крѣпка; Акулина дура набитая, а дворникъ пьяница; остаются ребятишки только: съ тѣми что говорить? Да я и барышню въ лицо забыла...

— Ну, ну, ну! — говорилъ Обломовъ, съ нетерпѣніемъ махнувъ рукой, чтобъ она шла.

— Какъ можно говорить, чего нѣтъ? — договаривала Анисья, уходя. — А что Никита сказалъ, такъ для дураковъ законъ не писанъ. Миѣ самой и въ голову-то не придетъ: день-денской маешься-маешься — до того ли? Богъ знаетъ, что это! Вотъ образъ-то на стѣнѣ... — И вслѣдъ за этимъ говорящій носъ исчезъ за дверь, но говоръ еще слышался съ минуту за дверью.

— Вотъ оно что! И Анисья твердитъ: статочное ли дѣло! — говорилъ шопотомъ Обломовъ, складывая ладони вмѣстѣ.

— Счастье, счастье! — ѣдко проговорилъ онъ потомъ. — Какъ ты хрупко; какъ ненадежно! Покрывало, вѣнокъ, любовь, любовь! А деньги гдѣ? а жить чѣмъ? И тебя надо кушить, любовь, чистое, законное благо.

Съ этой минуты мечты и спокойствіе покинули Обломова. Онъ плохо спалъ, мало ѣлъ, разсѣяннo и угрюмо глядѣлъ на все.

Онъ хотѣлъ испугать Захара и испугался самъ больше его, когда вникнулъ въ практическую сторону вопроса о свадьбѣ и увидѣлъ, что это, конечно, поэтическій, но вмѣстѣ и практическій, официальный шагъ къ существенной и серьезной дѣйствительности и къ ряду строгихъ обязанностей.

А онъ не такъ воображалъ себѣ разговоръ съ Захаромъ. Онъ вспомнилъ, какъ торжественно хотѣлъ онъ объявить объ этомъ Захару, какъ Захаръ завопилъ бы отъ радости и повалился ему въ ноги; онъ бы далъ ему двадцать пять рублей, а Анисья десять...

Все вспомнилъ, и тогдашній трепеть счастья, руку Ольги, ея страстный поцѣлуй... и обмеръ: «Поблекло, отошло!» раздалось внутри его.

— Что же теперь?..

V.

Обломовъ не зная, съ какими глазами покажется онъ къ Ольгѣ, что будетъ говорить она, что будетъ говорить онъ, и рѣшился не ѣхать къ ней въ среду, а отложить свиданіе до воскресенья, когда тамъ много народу бываетъ, и имъ наединѣ говорить не удастся.

Сказать ей о глупыхъ толкахъ людей онъ не хотѣлъ, чтобъ не тревожить ея зломъ неисправимымъ, а не говорить тоже было мудрено; притвориться съ ней онъ не сумѣетъ: она непременно добудетъ изъ него все, что бы онъ ни затаилъ въ самыхъ глубокихъ пропастяхъ души.

Остановившись на этомъ рѣшеніи, онъ уже немного успокоился и написать въ деревню къ сосѣду, своему повѣренному, другое письмо, убѣдительно прося его поспѣшить отвѣтомъ, по возможности удовлетворительнымъ.

Затѣмъ сталъ размышлять, какъ употребить это длинное, несносное послѣзавтра, которое было бы такъ наполнено присутствіемъ Ольги, невидимой бесѣдой ихъ душъ, ея пѣніемъ. А тутъ вдругъ Захара дернуло встревожить его такъ некстати!

Онъ рѣшился поѣхать къ Ивану Герасимовичу и отобѣдать у него, чтобъ какъ можно менѣе замѣтить этотъ несносный день. А тамъ, къ воскресенью, онъ успѣетъ приготовиться. да, можетъ-быть, къ тому времени придетъ и отвѣтъ изъ деревни.

Пришло и послѣзавтра.

Его разбудило неистовое скаканье на цѣпи и лай собаки. Кто-то вошелъ на дворъ, кого-то спрашиваютъ. Дворникъ вызвалъ Захара. Захаръ принесъ Обломову письмо съ городской почты.

— Отъ Ильинской барышни, — сказалъ Захаръ.

— Ты почему знаешь? — сердито спросилъ Обломовъ. —
Врешь!

— На дачѣ все такія письма отъ нея носили,—твердилъ свое Захарь.

«Здорова ли она? Что это значить?» думалъ Обломовъ, распечатывая письмо.

«Не хочу ждать среды (писала Ольга): мнѣ такъ скучно не видѣться подолгу съ вами, что я завтра непременно жду васъ въ три часа въ Лѣтнемъ Саду».

И только.

Опять поднялась-было тревога со дна души, опять онъ началъ метаться отъ безпокойства, какъ говорить съ Ольгой, какое лицо сдѣлать ей.

— Не умѣю, не могу, — говорилъ онъ. — Поди, узнай у Штольца.

Но онъ успокоилъ себя тѣмъ, что, вѣроятно, она придетъ съ теткой, или съ другой дамой — съ Марьей Семеновной, напримѣръ, которая такъ ее любитъ, не налюбуется на нее. При нихъ онъ кое-какъ надѣялся скрыть свое замѣшательство и готовился быть разговорчивымъ и лобезнымъ.

«И въ самый обѣдъ: нашла время!» думалъ онъ, направляясь, не безъ лѣни, къ Лѣтнему Саду.

Лишь только онъ вошелъ въ длинную аллею, онъ видѣлъ, какъ съ одной скамьи встала и пошла къ нему навстрѣчу женщина подъ вуалью.

Онъ никакъ не принялъ ея за Ольгу: одна! быть не можетъ! Не рѣшится она, да и нѣтъ предлога уйти изъ дома.

Однакожъ.. походка какъ будто ея: такъ легко и быстро скользятъ ноги, какъ будто не переступаютъ, а движутся; такая же наклоненная немного впередъ шея и голова, точно она все ищетъ чего-то глазами подъ ногами у себя.

Другой бы, по шляпкѣ, по платью, замѣтилъ, но онъ, просидѣвъ съ Ольгой цѣлое утро, никогда не могъ потомъ сказать, въ какомъ она была платьѣ и шляпкѣ.

Въ саду почти никого нѣтъ; какой-то пожилой господинъ ходитъ проворно: очевидно, дѣлаетъ моціонъ для здоровья, да двѣ... не дамы, а женщины, езянка съ двумя озябшими, до синевы въ лицѣ, дѣтьми.

Листья облетѣли, видно все насквозь; вороны на деревьяхъ кричатъ такъ непріятно. Впрочемъ, ясно, день хорошъ, и если закутаться хорошенько, такъ и тепло.

Женщина подъ вуалью ближе, ближе...

— Она!—сказаль Обломовъ и остановился въ страхѣ, не вѣря глазамъ.

— Какъ, ты? Чтò ты?—спросиль онъ, взявъ ее за руку.

— Какъ я рада, что ты пришелъ, — говорила она, не отвѣчая на его вопросъ: — я думала, что ты не придешь, начинала бояться!

— Какъ ты сюда, какимъ образомъ? — спрашиваль онъ, растерявшись.

— Оставь; чтò за дѣло, чтò за разпросы? Это скучно! Я хотѣла видѣть тебя и пришла—вотъ и все!

Она крѣпко пожимала ему руку и весело, беззаботно смотрѣла на него, такъ явно и открыто наслаждаясь украденнымъ у судьбы мгновениемъ, что ему даже завидно стало, что онъ не раздѣляетъ ея игриваго настроенія. Какъ, однакожь, ни былъ онъ озабоченъ, но не могъ не забыться на минуту, увидя лицо ея, лишенное той сосредоточенной мысли, которая играла ея бровями, вливалась въ складку на лбу; теперь она являлась безъ этой, не разъ смущавшей его чудной зрѣлости въ чертахъ.

Въ эти минуты лицо ея дышало такою дѣтскою довѣрчивостью къ судьбѣ, къ счастью, къ нему... Она была очень мила.

— Ахъ, какъ я рада! Какъ я рада!—твердила она, улыбаясь и глядя на него.— Я думала, что не увижу тебя сегодня. Мнѣ вчера такая тоска вдругъ сдѣлалась—не знаю, отчего, и я написала. Ты радъ?

Она заглянула ему въ лицо.

— Что ты такой нахмуренный сегодня? Молчишь? Ты не радъ? Я думала, ты съ ума сойдешь отъ радости, а онъ точно спитъ. Проснитесь, сударь, съ вами Ольга.

Она, съ упрекомъ, слегка оттолкнула его отъ себя.

— Ты нездоровъ? Что съ тобой?—приставала она!

— Нѣтъ, я здоровъ и счастливъ, — поспѣшилъ онъ сказать, чтобъ только дѣло не доходило до добыванья тайнъ у него изъ души.— Я вотъ только тревожусь, какъ ты одна...

— Это ужъ моя забота, — сказала она съ нетерпѣниемъ.— Лучше развѣ, если бъ я съ ma tante пришла?

— Лучше, Ольга...

— Если бъ я знала, я бы попросила ее, — перебила обиженнымъ голосомъ Ольга, выпуская его руку изъ своей.— Я думала, что для тебя нѣтъ больше счастья, какъ побыть со мной.

— И нѣтъ, и быть не можетъ! — возразилъ Обломовъ.— Да какъ же ты одна...

— Нечего долго и разговаривать объ этомъ; поговоримъ лучше о другомъ, — беззаботно сказала она.

— Послушай... Ахъ, что-то я хотѣла сказать, да забыла...

— Не о томъ ли, какъ ты одна пришла сюда?— заговорилъ онъ, оглядываясь безпокойно по сторонамъ.

— Ахъ нѣтъ! Ты все свое! Какъ не надоѣсть! Что такое я хотѣла сказать?.. Ну, все равно, послѣ вспомню. Ахъ, какъ здѣсь хорошо: листья всѣ упали, feuilles d'automne— помнишь Гюго? Тамъ вонъ солнце, Нева... Пойдемъ къ Невѣ, покатаемся въ лодкѣ...

— Что ты? Богъ съ тобой! Этакой холодъ, а я только въ ваточной шинели...

— Я тоже въ ваточномъ платьѣ. Что за нужда. Пойдемъ, пойдемъ.

Она бѣжала, тащила и его. Онъ упирался и ворчалъ. Однакожъ, надо было сѣсть въ лодку и поѣхать.

— Какъ ты это одна попала сюда?— твердилъ тревожно Обломовъ.

— Сказать какъ?— лукаво дразнила она, когда они выѣхали на средину рѣки. — Теперь можно: ты не уйдешь отсюда, а тамъ убѣжалъ бы...

— А что?—со страхомъ заговорилъ онъ.

— Завтра придешь къ намъ? — вмѣсто отвѣта спросила она.

«Ахъ, Боже мой!» подумалъ Обломовъ. «Она какъ будто въ мысляхъ прочла у меня, что я не хотѣлъ приходить».

— Приду,—отвѣчала онъ вслухъ.

— Съ утра, на цѣлый день.

Онъ замялся.

— Ну, такъ не скажу,—сказала она.

— Приду на цѣлый день.

— Вотъ видишь... — начала она серьезно: — я затѣмъ звала тебя сегодня сюда, чтобъ сказать тебѣ...

— Что?—съ испугомъ спросилъ онъ.

— Чтобъ ты... завтра пришелъ къ намъ...

— Ахъ ты, Боже мой!—съ нетерпѣніемъ перебилъ онъ.— Да какъ ты сюда-то попала?

— Сюда?—разсѣянно повторила она.— Какъ я сюда попала? Да вотъ такъ, пришла... Постой... да что объ этомъ говорить!

Она зачерпнула горстью воды и брызнула ему въ лицо. Онъ зажмурился, вздрогнулъ, а она засмѣялась.

— Какая холодная вода, совсѣмъ рука оледенѣла! Боже мой! Какъ весело, какъ хорошо!—продолжала она, глядя по сторонамъ. — Поѣдемъ завтра опять; только ужъ прямо изъ дома...

— А теперь развѣ не прямо? Откуда же ты?—торопливо спросилъ онъ.

— Изъ магазина,—отвѣчала она.

— Изъ какого магазина?

— Какъ изъ какого? Я еще въ саду сказала, изъ ка-кого...

— Да нѣтъ, не сказала...—съ нетерпѣніемъ говорилъ онъ.

— Не сказала! Какъ странно! Забыла! Я пошла изъ дома съ человѣкомъ, къ золотыхъ дѣлъ мастеру...

— Ну?

— Ну, вотъ... Какая это церковь?—вдругъ спросила она у лодочника, указывая вдаль.

— Которая? Вонъ эта-то?—переспросилъ лодочникъ.

— Смольный! — нетерпѣливо сказалъ Обломовъ. — Ну, что жъ, въ магазинъ пошла, а тамъ?

— Тамъ... славныя вещи... Ахъ, какой браслетъ я видѣла!

— Не о браслетѣ рѣчь! — перебилъ Обломовъ: — что жъ потомъ?

— Ну, и только,—разсѣянно добавила она и зорко оглядывала мѣстность вокругъ.

— Гдѣ же человѣкъ?—приставалъ Обломовъ.

— Домой пошелъ, — едва отвѣчала она, взглядываясь въ зданія противоположнаго берега.

— А ты какъ?—говорилъ онъ.

— Какъ тамъ хорошо! Нельзя ли туда? — спросила она, указывая зонтикомъ на противоположную сторону. — Вѣдь ты тамъ живешь!

— Да.

— Въ какой улицѣ, покажи.

— Какъ же человѣкъ-то?—спрашивалъ Обломовъ.

— Такъ, — небрежно отвѣчала она: — я послала его за браслетомъ. Онъ ушелъ домой, а я сюда.

— Какъ же ты такъ? — сказалъ Обломовъ, тараща на нее глаза.

Онъ сдѣлалъ испуганное лицо. И она сдѣлала нарочно такое же.

— Говори серьезно, Ольга; болно шутить.

— Я не шучу, право такъ! — сказала она покойно. — Я нарочно забыла дома браслетъ, а ma tante просила меня сходить въ магазинъ. Ты ни за что не выдумаешь этого! — прибавила она съ гордостью, какъ будто дѣло сдѣлала.

— А если человѣкъ воротится? — спросилъ онъ.

— Я велѣла сказать, чтобъ подождать меня, что я въ другой магазинъ пошла, а сама сюда...

— А если Марья Михайловна спросить, въ какой другой магазинъ пошла?

— Скажу, у портнихи была.

— А если она у портнихи спросить?

— А если Нева вдругъ вся утечетъ въ море, а если лодка перевернется, а если Морская и нашъ домъ провалятся, а если ты вдругъ разлюбишь меня... — говорила она и опять брызнула ему въ лицо.

— Вѣдь человѣкъ ужъ воротился, ждешь... — говорилъ онъ, утирая лицо. — Эй, лодочникъ, къ берегу!

— Не надо, не надо! — приказывала она лодочнику.

— Къ берегу! человѣкъ ужъ воротился, — твердилъ Обломовъ.

— Пусть его! Не надо!

Но Обломовъ настоялъ на своемъ и торопливо пошелъ съ нею по саду, а она, напротивъ, шла тихо, опираясь ему на руку.

— Что ты спишишь? — говорила она. — Погоди, мнѣ хочется побыть съ тобой.

Она шла еще тише, прижималась къ его плечу и близко взглядывала ему въ лицо, а онъ говорилъ ей тяжело и скучно объ обязанностяхъ, о долгѣ. Она слушала разсѣяннo, съ томной улыбкой, склонивъ голову, глядя внизъ, или опять близко ему въ лицо, и думала о другомъ.

— Послушай, Ольга, — заговорилъ онъ наконецъ торжественно: — подь опасеніемъ возбудить въ тебѣ досаду, навлечь на себя упреки, я долженъ, однакожъ, рѣшительно

сказать, что мы зашли далеко. Мой долгъ, моя обязанность сказать тебѣ это.

— Что сказать?—спросила она съ нетерпѣніемъ.

— Что мы дѣлаемъ очень дурно, что видимся тайкомъ.

— Ты говорилъ это еще на дачѣ,—сказала она въ раздумьѣ.

— Да, но я тогда увлекался: одной рукой отталкивалъ, а другой удерживалъ. Ты была доврчива, а я... какъ будто... обманывалъ тебя. Тогда было еще ново чувство...

— А теперь ужъ оно не новость, и ты начинаешь скучать...

— Ахъ, нѣтъ, Ольга! Ты несправедлива. Ново, говорю я, и потому некогда, невозможно было образумиться. Меня убиваетъ совѣсть: ты молода, мало знаешь свѣтъ и людей, и притомъ ты такъ чиста, такъ свято любишь, что тебѣ и въ голову не приходитъ, какому строгому порицанію подвергаемся мы оба за то, что дѣлаемъ—больше всего я.

— Что же мы дѣлаемъ?—остановившись, спросила она.

— Какъ что? Ты обманываешь тетку, тайкомъ уходишь изъ дому, видишься наединѣ съ мужчиной... Попробуй сказать это все въ воскресенье, при гостяхъ...

— Отчего же не сказать?—произнесла она покойно.— Пожалуй, скажу...

— И увидишь,—продолжалъ онъ:— что теткѣ твоей сдѣлается дурно, дамы бросятся вонъ, а мужчины лукаво и смѣло посмотреть на тебя...

Она задумалась.

— Но вѣдь мы—женихъ и невѣста!—возразила она.

— Да, да, милая Ольга,—говорилъ онъ, пожимая ей обѣ руки:— и тѣмъ строже намъ надо быть, тѣмъ осмотрительнѣе на каждомъ шагу. Я хочу съ гордостью вести тебя подъ руку по этой самой аллеѣ, всенародно, а не тайкомъ, чтобъ взгляды склонялись передъ тобой съ уваженіемъ, а не устремлялись на тебя смѣло и лукаво, чтобъ ни въ чьей головѣ

не смѣло родиться подозрѣніе, что ты, гордая дѣвушка, могла, очертя голову, забывъ стыдъ и воспитаніе, увлечься и нарушить долгъ...

— Я не забыла ни стыда, ни воспитанія, ни долга, — гордо отвѣтила она, отнявъ руку отъ него.

— Знаю, знаю, мой невинный ангелъ, но это не я говорю, это скажутъ люди, свѣтъ, и никогда не простятъ тебѣ этого. Пойми, ради Бога, чего я хочу. Я хочу, чтобъ ты и въ глазахъ свѣта была чиста и безукоризненна, какова ты въ самомъ дѣлѣ...

Она шла задумавшись.

— Пойми, для чего я говорю тебѣ это: ты будешь несчастлива, и на меня одного ляжетъ отвѣтственность въ этомъ. Скажутъ, я увлекалъ, закрывалъ отъ тебя пропасть съ умысломъ. Ты чиста и покойна со мной, но кого ты увѣришь въ этомъ? Кто повѣритъ?

— Это правда, — вздрогнувъ, сказала она. — Слушай же, — прибавила рѣшительно: — скажемъ все *ma tante*, и пусть она завтра благословитъ насъ...

Обломовъ поблѣднѣлъ.

— Чтò ты? — спросила она.

— погоди, Ольга: къ чему такъ торопиться? — поспѣшно прибавилъ онъ.

У самого дрожали губы.

— Не ты ли, двѣ недѣли назадъ, самъ торопилъ меня? — спросила она, глядя сухо и внимательно на него.

— Да, я не подумалъ тогда о приготовленіяхъ, а ихъ много! — сказалъ онъ, вздохнувъ. — Дождемся только письма изъ деревни.

— Зачѣмъ же дожидаться письма? Развѣ тотъ или другой отвѣтъ можетъ измѣнить твою намѣреніе? — спросила она, еще внимательно глядя на него.

— Вотъ мысль! Итъ; а все нужно для соображеній; надо же будетъ сказать теткѣ, когда свадьба. Съ ней мы не о

любви будемъ говорить, а о такихъ дѣлахъ, для которыхъ я вовсе не приготовленъ теперь.

— Тогда и скажемъ, какъ получишь письмо, а между тѣмъ всѣ будутъ знать, что мы женихъ и невѣста, и мы будемъ видѣться ежедневно. Мнѣ скучно,—прибавила она:— я томлюсь этими длинными днями; всѣ замѣчаютъ, ко мнѣ пристають, намекають лукаво на тебя... Все это мнѣ надоѣло!

— Намекають на меня?—едва выговорилъ Обломовъ.

— Да, по милости Сонички.

— Вотъ видишь, видишь? Ты не слушала меня, разсердилась тогда!

— Ну, что видишь? Ничего не вижу, вижу только, что ты трусь... Я не боюсь этихъ намековъ.

— Не трусь, а остороженъ... Но, пойдёмъ, ради Бога, отсюда, Ольга: смотри, вонъ карета подъѣзжаетъ. Не знакомые ли? Ахъ! Такъ въ потъ и бросаетъ... Пойдёмъ, пойдёмъ...—боязливо говорилъ онъ и заразилъ страхомъ и ее.

— Да, пойдёмъ скорѣе,—сказала и она шопотомъ, скороговоркой.

И они почти побѣжали по аллеѣ до конца сада, не говоря ни слова, Обломовъ, оглядываясь безпокойно во всѣ стороны, а она, совсѣмъ склонивъ голову внизъ и закрывшись вуалью.

— Такъ завтра!—сказала она, когда они были у того магазина, гдѣ ждалъ ее человекъ.

— Нѣтъ, лучше послѣзавтра... или нѣтъ, въ пятницу, или субботу,—отвѣчалъ онъ.

— Отчего жъ?

— Да... видишь, Ольга... я все думаю, не подоспѣетъ ли письмо?

— Пожалуй. Но завтра такъ приди, къ обѣду, слышишь?

— Да, да, хорошо, хорошо!—торопливо прибавилъ онъ, а она вошла въ магазинъ.

«Ахъ, Боже мой, до чего дошло! Какой камень вдругъ упалъ на меня! Что я теперь стану дѣлать? Соничка! Захарь! франты...»

VI.

Онъ не замѣтилъ, что Захарь подалъ ему совсѣмъ холодный обѣдъ, не замѣтилъ, какъ послѣ того очутился въ постели и заснулъ крѣпкимъ, какъ камень, сномъ.

На другой день онъ содрогнулся при мысли ѣхать къ Ольгѣ: какъ можно! Онъ живо представилъ себѣ какъ на него всѣ стануть смотрѣть значительно.

Швейцаръ и безъ того встрѣчаетъ его какъ-то особенно ласково. Семень такъ и бросается, сломя голову, когда онъ спроситъ стаканъ воды. Катя, няня провожаютъ его дружеской улыбкой.

«Женихъ, женихъ!» написано у всѣхъ на лбу, а онъ еще не просилъ согласія тетки, у него ни гроша денегъ нѣтъ, и онъ не знаетъ, когда будутъ, не знаетъ даже, сколько онъ получитъ дохода съ деревни въ нынѣшнемъ году; дома въ деревнѣ нѣтъ—хорошъ женихъ!

Онъ рѣшилъ, что до полученія положительныхъ извѣстій изъ деревни онъ будетъ видѣться съ Ольгой только въ воскресенье, при свидѣтеляхъ. Поэтому, когда пришло завтра, онъ не подумалъ съ утра начать готовиться ѣхать къ Ольгѣ.

Онъ не брился, не одѣвался, лѣниво перелистывалъ французскія газеты, взятая на той недѣлѣ у Ильинскихъ, не смотрѣлъ безпрестанно на часы и не хмурился, что стрѣлка долго не подвигается впередъ.

Захарь и Анисья думали, что онъ, по обыкновенію, не будетъ обѣдать дома, и не спрашивали его, что готовить.

Онъ ихъ разбранилъ, объявивъ, что онъ совсѣмъ не всякую среду обѣдалъ у Ильинскихъ, что это «клевета», что обѣдалъ онъ у Ивана Герасимовича, и что впередъ, кромѣ

развѣ воскресенья. и то не каждаго, будетъ обѣдать дома.

Анисья опростетью побѣжала на рынокъ за потрохами для любимаго супа Обломова.

Приходили хозяйскія дѣти къ нему: онъ повѣрилъ сложене и вычитаніе у Вани и нашель двѣ ошибки. Маишѣ наливеваль тетрадь и написаль большіе азы, потомъ слушаль какъ трещать канарейки, и смотрѣль въ полуотворенную дверь какъ мелькали и двигались локти хозяйки.

Часу во второмъ хозяйка изъ-за двери спросила, не хочетъ ли онъ закусить: у нихъ пекли ватрушки. Подали ватрушки и рюмку смородиновой водки.

Волненіе Ильи Ильича немного успокоилось и на него нашла только тупая задумчивость, въ которой онъ пробыль почти до обѣда.

Послѣ обѣда, лишь только-было онъ, лежа на диванѣ, началъ кивать головой, одолѣваемый дремотой, дверь изъ хозяйской половины отворилась и оттуда появилась Агаѣя Матвѣевна, съ двумя пирамидами чулокъ въ обѣихъ рукахъ.

Она положила ихъ на два стула, а Обломовъ вскочилъ и предложилъ ей самой третій, но она не сѣла; это было не въ ея привычкахъ: она вѣчно на ногахъ, вѣчно въ заботѣ и въ движеніи.

— Вотъ я разобрала сегодня ваши чулки,—сказала она:— пятьдесятъ-пять паръ, да почти все худые...

— Какія же вы добрыя! — говорилъ Обломовъ, подходя къ ней и взявъ ее шутливо слегка за локти.

Она усмѣхнулась.

— Чтѣ вы беспокоитесь? Мнѣ, право, совѣстно.

— Ничего, наше дѣло хозяйское: у васъ нѣкому разбирать, а мнѣ въ охоту, — продолжала она. — Вотъ тутъ двадцать паръ совсѣмъ не годятся: ихъ ужъ и штопать не стоить.

— Не надо, бросьте всѣ, пожалуйста! чтѣ вы занимаетесь этой дрянью. Можно новые купить...

— Какъ бросить, зачѣмъ? Вотъ эти можно всѣ надвять,—и она начала живо отсчитывать чулки.

— Да сядьте, пожалуйста; что вы стоите? — предлагалъ онъ ей.

— Нѣтъ, покорнѣйше благодарю, некогда покладываться, — отвѣчала она, уклоняясь опять отъ стула. — Сегодня стирка у насъ; надо все бѣлье приготовить.

— Вы чудо, а не хозяйка! — говорилъ онъ, останавливая глаза на ея горлѣ и на груди.

Она усмѣхнулась.

— Такъ какъ же, — спросила она: — надвязать чулки-то? Я бумаги и нитокъ закажу. Намъ старуха изъ деревни носить, а здѣсь не стоить покупать: все гниль.

— Если вы такъ добры, сдѣлайте одолженіе, — говорилъ Обломовъ: — только мнѣ, право, совѣстно, что вы хлопочете.

— Ничего; что намъ дѣлать-то? Вотъ это я сама надвяжу, эти бабушкѣ дамъ; завтра золовка придетъ гостить: по вечерамъ нѣчего будетъ дѣлать и надвяжемъ. У меня Маша ужъ начинаетъ вязать, только спицы все выдерживаетъ: большія, не по рукамъ.

— Ужели и Маша привыкаетъ? — спросилъ Обломовъ.

— Ей-Богу, правда.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ, — говорилъ Обломовъ, глядя на нее съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ утромъ смотрѣлъ на горячую ватрушку. — Очень, очень благодаренъ вамъ и въ долгу не останусь, особенно у Маши: шелковыхъ платевъ накуплю ей, какъ куклолку одѣну.

— Что вы? Что за благодарность? Куда ей шелковыя платья? Ей и ситцевыхъ не напасешься; такъ вотъ на ней все и горитъ, особенно башмаки: не успѣваемъ на рынкѣ покупать.

Она встала и взяла чулки.

— Куда жъ вы торопитесь? — говорилъ онъ. — Посидите, я не занятъ.

— Въ другое время когда-нибудь, въ праздникъ; и вы къ намъ, милости просимъ, кофе кушать. А теперь стирка: я пойду посмотрю, что Акулина, начала ли?..

— Ну, Богъ съ вами, не смѣю задерживать, — сказала Обломовъ, глядя ей вслѣдъ въ спину и на локти.

— Еще я халать вашъ достала изъ чулана, — продолжала она: — его можно починить и вымыть: матерія такая славная! Онъ долго прослужить.

— Напрасно! Я его не ношу больше, я отсталъ, онъ мнѣ не нуженъ.

— Ну, все равно, пусть вымоютъ: можетъ-быть надѣнете когда-нибудь... къ свадьбѣ! — досказала она, усмѣхаясь и захлопывая дверь.

У него вдругъ и сонъ отлетѣлъ, и уши наострились, и глаза онъ вытаращилъ.

— И она знаетъ—всѣ!—сказалъ онъ, опускаясь на приготовленный ей стулъ.—О, Захаръ, Захаръ!

Опять полились на Захара «жалкія» слова, опять Анисья заговорила носомъ, что «она въ первый разъ отъ хозяйки слышитъ о свадьбѣ, что, въ разговорахъ съ ней, даже помину не было, да и свадьбы нѣтъ, и статочное ли дѣло? Это выдумаль, должно-быть, врагъ рода человѣческаго, хоть сейчасъ сквозь землю провалиться, и что хозяйка тоже готова снять образъ со стѣны, что она про Ильинскую барышню и не слыхивала, а разумѣла какую-нибудь другую невѣсту...»

И много говорила Анисья, такъ что Илья Ильичъ замахалъ рукой. Захаръ попробоваль-было на другой день попроситься въ старый домъ, въ Гороховую, въ гости сходить, такъ Обломовъ такихъ гостей задалъ ему, что онъ насилу ноги унесъ.

— Тамъ еще не знаютъ, такъ надо распуścić клевету. Дома сиди!—прибавилъ Обломовъ грозно.

Прошла среда. Въ четвергъ Обломовъ получилъ опять по городской почтѣ письмо отъ Ольги, съ вопросомъ, что значить, что такое случилось, что его не было. Она писала, что проплакала цѣлый вечеръ и почти не спала ночь.

— Плачетъ, не спитъ этотъ ангель! — восклицалъ Обломовъ. — Господи! Зачѣмъ она любить меня? Зачѣмъ я люблю ее? Зачѣмъ мы встрѣтились? Это все Андрей: онъ привилъ любовь, какъ оспу, намъ обоимъ. И что это за жизнь, все волненія, да тревоги! Когда же будетъ мирное счастье, покой?

Онъ съ громкими вздохами ложился, вставалъ, даже выходилъ на улицу, и все доискивался нормы жизни, такого существованія, которое было бы и исполнено содержанія, и текло бы тихо, день за днемъ, капля по каплѣ, въ нѣмомъ созерцаніи природы и тихихъ, едва ползущихъ явленіяхъ семейной, мирно-хлопотливой жизни. Ему не хотѣлось вообразить ее широкой, шумно-несущейся рѣкой, съ кипучими волнами, какъ воображалъ ее Штольцъ.

— Это болѣзнь,—говорилъ Обломовъ:—горячка, скаканье съ порогами, съ прорывами плотинъ, съ наводненіями.

Онъ написалъ Ольгѣ, что въ Лѣтнемъ саду простудился немного, долженъ былъ выпить горячей травы и просидѣть дня два дома, что теперь все прошло, и онъ надѣется видѣть ее въ воскресенье.

Она написала ему отвѣтъ и похвалила, что онъ берегся, совѣтовала остаться дома и въ воскресенье, если нужно будетъ, и прибавила, что она лучше проскучаетъ съ недѣлю, чтобъ только онъ берегся.

Отвѣтъ принесъ Никита, тотъ самый, который, по словамъ Анисьи, былъ главнымъ виновникомъ болтовни. Онъ принесъ отъ барышни новыя книги, съ порученіемъ отъ

Ольги прочитатъ и сказать, при свиданіи, стѣитъ ли ихъ читать ей самой.

Она требовала отвѣта о здоровьѣ. Обломовъ, написавъ отвѣтъ, самъ отдалъ его Никитѣ и прямо изъ передней выпроводилъ его на дворъ и провожалъ глазами до калитки, чтобъ онъ не вздумалъ зайти на кухню и повторить тамъ «клевету», и чтобъ Захаръ не пошелъ провожать его на улицу.

Онъ обрадовался предложенію Ольги побережься и не приходить въ воскресенье и написалъ ей, что, дѣйствительно, для совершеннаго выздоровленія, нужно просидѣть еще нѣсколько дней дома.

Въ воскресенье онъ былъ съ визитомъ у хозяйки, пилъ кофе, ѣлъ горячій пирогъ, и къ обѣду посылалъ Захара на ту сторону, за мороженымъ и конфетами для дѣтей.

Захара насилу перевезли черезъ рѣку назадъ; мосты уже сняли, и Нева собралась замерзнуть. Обломову нельзя было думать и въ среду ѣхать къ Ольгѣ.

Конечно, можно было бы броситься сейчасъ же на ту сторону, поселиться на нѣсколько дней у Ивана Герасимовича и бывать, даже обѣдать каждый день у Ольги.

Предлогъ былъ законный: Нева захватила на той сторонѣ, не успѣлъ переправиться.

У Обломова первымъ движеніемъ была эта мысль, и онъ быстро спустилъ ноги на полъ, но, подумавъ немного, съ заботливымъ лицомъ и со вздохомъ, медленно опять улегся на своемъ мѣстѣ.

«Нѣтъ, пусть замолкнутъ толки, пусть постороннія лица, посѣщающія домъ Ольги, забудутъ немного его и увидятъ ужъ опять каждый день тамъ тогда, когда они объявлены будутъ женихомъ и невѣстой».

— Скучно ждать, да нечего дѣлать, — прибавилъ онъ со вздохомъ, принимаясь за присланныя отъ Ольги книги.

Онъ прочелъ страницъ пятнадцать. Маша пришла звать

его, не хочется ли пойти на Неву: всё идутъ посмотрѣть, какъ становится рѣка. Онъ пошелъ и воротился къ чаю.

Такъ проходили дни. Илья Ильичъ скучалъ, читалъ, ходилъ по улицѣ, а дома заглядывалъ въ дверь къ хозяйкѣ, чтобъ, отъ скуки, перемолвить слова два. Онъ даже смололъ ей однажды фунта три кофе съ такимъ усердіемъ, что у него лобъ сталъ мокрымъ.

Онъ хотѣлъ-было дать ей книгу прочесть. Она, медленно шевеля губами, прочла про себя заглавіе и возвратила книгу, сказавъ, что когда придутъ святки, такъ она возьметъ ее у него и заставитъ Ваню прочесть вслухъ, тогда и бабушка послушаетъ, а теперь некогда.

Между тѣмъ на Неву настлали мостки, и однажды сканье собаки на цѣпи и отчаянный лай возвѣстили вторичный приходъ Никиты съ запиской, съ вопросомъ о здоровьи и съ книгой.

Обломовъ боялся, чтобъ и ему не пришлось идти по мосткамъ на ту сторону, спрятался отъ Никиты, написавъ въ отвѣтъ, что у него сдѣлалась маленькая опухоль въ горлѣ, что онъ не рѣшается еще выходить со двора, и что «жестокая судьба лишаетъ его счастья еще нѣсколько дней видѣть ненаглядную Ольгу».

Онъ накрѣпко наказалъ Захару, не смѣть болтать съ Никитой, и опять глазами проводилъ послѣдняго до калитки, а Анисѣ погрозилъ пальцемъ, когда она показала - было носъ изъ кухни и что-то хотѣла спросить Никиту.

VII.

Прошла недѣля. Обломовъ, вставъ утромъ, прежде всего съ безпокойствомъ спрашивалъ, наведены ли мосты?

— Нѣтъ еще, — говорили ему, и онъ мирно проводилъ день, слушая постукиванье маятника, трескъ кофейной мельницы и пѣніе канареекъ.

Цыплята не пицали больше, они давно стали пожилыми

курами и прятались по курятникамъ. Книгъ, присланныхъ Ольгой, онъ не успѣлъ прочесть: какъ на сто-пятой страницѣ онъ положилъ книгу, обернувъ переплетомъ вверхъ, такъ она и лежитъ уже нѣсколько дней.

Зато онъ чаще занимается съ дѣтьми хозяйки. Ваня такой понятливый мальчикъ, въ три раза запомнилъ главные города въ Европѣ, и Илья Ильичъ общалъ, какъ только поѣдетъ на ту сторону, подарить ему маленькій глобусъ; а Машенька обрубилъ ему три платка — плохо, правда, но зато она такъ смѣшно трудится маленькими ручонками и все бѣгаетъ показать ему каждый обрубленный вершокъ.

Съ хозяйкой онъ бесѣдовалъ безпрестанно, лишь только завидитъ ея локти въ полуотворенную дверь. Онъ уже, по движенію локтей, привыкъ распознавать, что дѣлаетъ хозяйка, сѣсть, мелеть, или гладить.

Даже пробовалъ заговорить съ бабушкой, да она не сможетъ никакъ докончить разговора: остановится на полусловѣ, упретъ кулакомъ въ стѣну, согнется и давай кашлять, точно трудную работу какую-нибудь исправляетъ, потомъ охнетъ — тѣмъ весь разговоръ и кончится.

Только брата одного не видитъ онъ совсѣмъ, или видитъ, какъ мелькаетъ большой пакетъ мимо оконъ, а самого его будто и не слышать въ домѣ. Даже когда Обломовъ нечаянно вошелъ въ комнату, гдѣ они обѣдаютъ, сжавшись въ тѣсную кучу, братецъ наскоро вытеръ пальцами губы и скрылся въ свою свѣтлицу.

Однажды, лишь только Обломовъ беззаботно проснулся утромъ и принялся за кофе, вдругъ Захаръ донесъ, что мосты наведены. У Обломова стукнуло сердце.

— А завтра воскресенье, — сказалъ онъ: — надо ѣхать къ Ольгѣ, цѣлый день мужественно выносить значительные и любопытные взгляды постороннихъ, потомъ объявить ей, когда намѣренъ говорить съ теткой.

А онъ еще все на той же точкѣ невозможности двинуться впередъ.

Ему живо представилось, какъ онъ объявленъ женихомъ, какъ на другой, на третій день прїѣдутъ разныя дамы и мужчины, какъ онъ вдругъ станетъ предметомъ любопытства, какъ дадутъ официальный обѣдъ, будутъ шить его здоровье. Потомъ... потомъ, по праву и обязанности жениха, онъ привезетъ невѣстѣ подарокъ...

— Подарокъ! — съ ужасомъ сказалъ онъ себѣ и расхотался горькимъ смѣхомъ.

Подарокъ! А у него двѣсти рублей въ карманѣ! Если деньги и пришлютъ, такъ къ Рождеству, а можетъ-быть и позже, когда продадутъ хлѣбъ, а когда продадутъ, сколько его тамъ и какъ велика сумма выручена будетъ — все это должно объяснить письмо, а письма нѣтъ. Какъ же быть-то? Прощай двухнедѣльное спокойствіе!

Между этими заботами рисовалось ему прекрасное лицо Ольги, ея пушистыя, говорящія брови и эти умные сѣро-голубые глаза, и вся головка, и коса ея, которую она спускала какъ-то низко на затылокъ, такъ что она продолжала и дополняла благородство всей ея фигуры, начиная съ головы до плечъ и стана.

Но лишь только онъ затрепещетъ отъ любви, тотчасъ же, какъ камень, сваливается на него тяжелая мысль: какъ быть, чтò дѣлать, какъ приступить къ вопросу о свадьбѣ, гдѣ взять денегъ, чѣмъ потомъ жить?..

«Подожду еще; авось письмо придетъ завтра или послѣ-завтра». И онъ принимался разсчитывать, когда должно придти въ деревню его письмо, сколько времени можетъ промедлить сосѣдъ и какой срокъ понадобится для прісылки отвѣта.

«Въ эти три, много четыре дня должно придти; подожду ѣхать къ Ольгѣ», рѣшилъ онъ, тѣмъ болѣе, что она едва ли знаетъ, что мосты наведены...

— Катя, навели мосты? — проснувшись въ то же утро, спросила Ольга у своей горничной.

И этотъ вопросъ повторялся каждый день. Обломовъ не подозрѣвалъ этого.

— Не знаю, барышня; нынче не видала ни кучера, ни дворника, а Никита не знаетъ.

— Ты никогда не знаешь, что мнѣ нужно! — съ неудовольствіемъ сказала Ольга, лежа въ постели и рассматривая пѣпочку на шеѣ.

— Я сейчасъ узнаю, барышня. Я не смѣла отойти, думала, что вы проснетесь, а то бы давно сбѣгала.—И Катя исчезла изъ комнаты.

А Ольга отодвинула ящикъ столика и достала послѣднюю записку Обломова. «Боленъ, бѣдный», заботливо думала она: «онъ тамъ одинъ, скучаетъ... Ахъ, Боже мой, скоро ли...»

Она не окончила мысли, а раскраснѣвшаяся Катя влетѣла въ комнату.

— Наведены, наведены сегодня въ ночь! — радостно сказала она и приняла быстро вскочившую съ постели барышню на руки, накинула на нее блузу и пододвинула крошечныя туфли. Ольга проворно отворила ящикъ, вынула что-то оттуда и опустила въ руку Катѣ, а Катя поцѣловала у ней руку. Все это — прыжокъ съ постели, опущенная монета въ руку Кати и поцѣлуй барышниной руки случилось въ одну и ту же минуту. «Ахъ, завтра воскресенье: какъ это кстати! Онъ придетъ!» подумала Ольга и живо одѣлась, наскоро напилась чаю и поѣхала съ теткой въ магазинъ.

— Поѣденте, ma tante, завтра въ Смольный, къ обѣднѣ,—просила она.

Тетка прищурилась немного, подумала, потомъ сказала:

— Пожалуй; только какая даль, ma chère! Что это тебѣ вздумалось зимой!

А Ольгѣ вздумалось только потому, что Обломовъ указалъ

ей эту церковь съ рѣки, и ей захотѣлось помолиться въ ней... о немъ, чтобъ онъ былъ здоровъ, чтобъ любилъ ее, чтобъ былъ счастливъ ею, чтобъ... эта нерѣшительность, неизвѣстность скорѣе кончилась... Бѣдная Ольга!

Настало и воскресенье. Ольга какъ-то искусно умѣла весь обѣдъ устроить по вкусу Обломова.

Она надѣла бѣлое платье, скрыла подъ кружевами подаренный имъ браслетъ, причесалась какъ онъ любитъ; накануне велѣла настроить фортепіано и утромъ попробовала спѣть *Casta diva*. И голосъ такъ звученъ, какъ не былъ съ дачи. Потомъ стала ждать.

Баронъ засталъ ее въ этомъ ожиданіи и сказалъ, что она опять похорошѣла, какъ лѣтомъ, но что немного похудѣла.

— Отсутствіе деревенскаго воздуха и маленькій безпорядокъ въ образѣ жизни замѣтно подѣйствовали на васъ,—сказалъ онъ. — Вамъ, милая Ольга Сергѣевна, нуженъ воздухъ полей и деревня.

Онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ ей руку, такъ что крашенные усы оставили даже маленькое пятнышко на пальцахъ.

— Да, деревня,—отвѣчала она задумчиво, но не ему, а такъ кому-то, на воздухъ.

— А прогос о деревнѣ,—прибавилъ онъ:—въ будущемъ мѣсяцѣ дѣло ваше кончится, и въ апрѣлѣ вы можете ѣхать въ свое имѣніе. Оно не велико, но мѣстоположеніе—чудо! Вы будете довольны. Какой домъ! Садъ! Тамъ есть одинъ павильонъ, на горѣ: вы его полюбите. Видь на рѣку... вы не помните, вы пяти лѣтъ были, когда папà выѣхалъ оттуда и увезъ васъ.

— Ахъ, какъ я буду рада!—сказала она и задумалась.

«Теперь ужъ рѣшено», думала она: «мы поѣдемъ туда, но онъ узнаетъ объ этомъ не прежде, какъ...»

— Въ будущемъ мѣсяцѣ, баронъ?—живо спросила она.—Это вѣрно?

— Какъ то, что вы прекрасны вообще, а сегодня въ особенности,—сказалъ онъ и пошелъ къ теткѣ.

Ольга осталась на своемъ мѣстѣ и замечталась о близкомъ счастьѣ, но она рѣшилась не говорить Обломову объ этой новости, о своихъ будущихъ планахъ.

Она хотѣла дослѣдить до конца, какъ въ его лѣнливой душѣ любовь совершитъ переворотъ, какъ окончательно спадетъ съ него гнѣтъ, какъ онъ не устоитъ передъ близкимъ счастьемъ, получить благоприятный отвѣтъ изъ деревни и, сіяющей, прибѣжить, прилетитъ и положить его къ ея ногамъ, какъ они оба, въ перегонку, бросятся къ теткѣ, и потомъ...

Потомъ вдругъ она скажетъ ему, что и у нея есть деревня, садъ, павильонъ, видъ на рѣку и домъ, совсѣмъ готовый для житья, какъ надо прежде поѣхать туда, потомъ въ Обломовку.

«Нѣтъ, не хочу благоприятнаго отвѣта», подумала она: «онъ загордится и не почувствуетъ даже радости, что у меня есть свое имѣніе, домъ, садъ... Нѣтъ, пусть онъ лучше придетъ разстроенный неприятнымъ письмомъ, что въ деревнѣ безпорядокъ, что надо ему побывать самому. Онъ поскачетъ, сломя голову, въ Обломовку, наскоро сдѣлаетъ всѣ нужныя распоряженія, многое забудетъ, не сумѣетъ, все кое-какъ, и поскачетъ обратно, и вдругъ узнаетъ, что не надо было скакать — что есть домъ, садъ и павильонъ съ видомъ, что есть гдѣ жить и безъ его Обломовки... Да, да, она ни за что не скажетъ ему, выдержать до конца; пусть онъ съѣздитъ туда, пусть пошевелится, оживетъ— все для нея, во имя будущаго счастья! Или, нѣтъ: зачѣмъ посылать его въ деревню, расставаться? Нѣтъ, когда онъ въ дорожномъ платьѣ придетъ къ ней блѣдный, печальный, прощаться на мѣсяць, она вдругъ скажетъ ему, что не надо ѣхать до лѣта: тогда вмѣстѣ поѣдутъ...

Такъ мечтала она, и побѣжала къ барону, и искусно

предупредила его, чтобъ онъ до времени объ этой новости не говорилъ никому, рѣшительно *никому*. Подъ этимъ *никому* она разумѣла одного Обломова.

— Да, да, зачѣмъ?—подтвердилъ онъ.—Развѣ мсьѣ Обломову только, если рѣчь пойдетъ...

Ольга выдержала себя и равнодушно сказала:

— Нѣтъ, и ему не говорите.

— Ваша воля, вы знаете, для меня законъ...—прибавилъ баронъ любезно.

Она была не безъ лукавства. Если ей очень хотѣлось взглянуть на Обломова при свидѣтеляхъ, она прежде взглянетъ попеременно на троихъ другихъ, потомъ ужъ на него.

Сколько соображеній — все для Обломова. Сколько разъ загорались два пятна у ней на щекахъ! Сколько разъ она тронетъ то тотъ, то другой клавишъ, чтобъ узнать, не слишкомъ ли высоко настроено фортепiano, или переложить ноты съ одного мѣста на другое! И вдругъ нѣтъ его! Что это значить!

Три, четыре часа — все нѣтъ! Въ половинѣ пятого красота ея, распѣтаніе начали пропадать: она стала замѣтно увядать и сѣла за столъ поблѣднѣвшая.

А прочіе ничего: никто и не замѣчаетъ — всѣ ѣдятъ тѣ блюда, которыя готовились для него, разговариваютъ такъ весело, равнодушно.

Послѣ обѣда, вечеромъ — его нѣтъ, нѣтъ. До десяти часовъ она волновалась надеждой, страхомъ; въ десять часовъ ушла къ себѣ.

Сначала она обрушила мысленно на его голову всю желчь, накопившую въ сердцѣ; не было ѣдкаго сарказма, горячаго слова, какія только были въ ея лексиконѣ, которыми бы она мысленно не казнила его.

Потомъ вдругъ, какъ будто весь организмъ ея наполнился огнемъ, потомъ льдомъ.

«Онъ боленъ; онъ одинъ; онъ не можетъ даже писать...» сверкнуло у ней въ головѣ.

Это убѣжденіе овладѣло ею вполне и не дало ей уснуть всю ночь. Она лихорадочно вздремнула два часа, бредила ночью, но потомъ, утромъ встала, хотя блѣдная, но такая покойная, рѣшительная.

Въ понедѣльникъ утромъ хозяйка заглянула къ Обломову въ кабинетъ и сказала:

— Васъ какая-то дѣвушка спрашиваетъ.

— Меня? Не можетъ быть!—отвѣчалъ Обломовъ.—Гдѣ она?

— Вотъ здѣсь: она ошиблась, на наше крыльцо пришла. Впустить?

Обломовъ не зналъ еще на что рѣшиться, какъ передъ нимъ очутилась Катя. Хозяйка ушла.

— Катя!—съ изумленіемъ сказалъ Обломовъ.—Какъ ты? Чтò ты?

— Барышня здѣсь, — шопотомъ отвѣчала она: — велѣли спросить...

Обломовъ измѣнился въ лицѣ.

— Ольга Сергѣевна!—въ ужасѣ шепталъ онъ.—Неправда, Катя, ты пошутила? Не мучь меня!

— Ей-Богу, правда: въ наемной каретѣ, въ чайномъ магазинѣ остановились, ждутъ, сюда хотятъ. Послали меня сказать, чтобъ Захара выслали куда-нибудь. Онъ черезъ полчаса будутъ.

— Я лучше самъ пойду. Какъ можно ей сюда?—сказалъ Обломовъ.

— Не успѣете: онѣ, того и гляди, войдутъ; онѣ думаютъ, что вы нездоровы. Прощайте, я побѣгу: онѣ однѣ, ждутъ меня...

И ушла.

Обломовъ съ необычайной быстротой надѣлъ галстукъ, жилетъ, сапоги и кликнулъ Захара.

— Захаръ, ты недавно просился у меня въ гости на ту

сторону, въ Гороховую, что ли, такъ вотъ, ступай теперь!— съ лихорадочнымъ волненіемъ говорилъ Обломовъ.

— Не пойду,—рѣшительно отвѣчалъ Захаръ.

— Нѣтъ, ты ступай!—настойчиво говорилъ Обломовъ.

— Что за гости въ будни? не пойду! — упрямо сказалъ Захаръ.

— Поди же, повеселись, не упрямясь, когда баринъ дѣлаетъ милость, отпускаетъ тебя... ступай къ пріятелямъ!

— Ну ихъ, пріятелей-то!

— Развѣ тебѣ не хочется повидаться съ ними?

— Мерзавцы все такіе, что иной разъ не глядѣлъ бы!

— Поди же, поди! — настойчиво твердилъ Обломовъ, и кровь у него бросилась въ голову.

— Нѣтъ, сегодня цѣлый день дома пробуду, а вотъ въ воскресенье, пожалуй!—равнодушно отиѣкивался Захаръ.

— Теперь же, сейчасъ!—въ волненіи торопилъ его Обломовъ.—Ты долженъ...

— Да куда я пойду семь верстъ киселя ѣсть?—отговаривался Захаръ.

— Ну, поди погуляй часа два: видишь, рожа-то у тебя какая заспанная—провѣтрись!

— Рожа, какъ рожа: обыкновенно какая бываетъ у нашего брата!—сказалъ Захаръ, дѣлively глядя въ окно.

«Ахъ, ты Боже мой, сейчасъ явится!» думалъ Обломовъ, отирая потъ на лбу.

— Ну, пожалуйста, поди, погуляй, тебя просятъ! На, вотъ, двугривенный: выпей пива съ пріятелемъ.

— Я лучше на крыльцѣ побуду: — а то куда я въ морозъ пойду? У воротъ, пожалуй, посижу, это могу...

— Нѣтъ, дальше отъ воротъ,—живо сказалъ Обломовъ:— въ другую улицу ступай, вонъ туда, налѣво, къ саду... на ту сторону.

«Что за диковина?» думалъ Захаръ: «гулять гонить; этого не бывало».

— Я лучше въ воскресенье. Илья Ильичъ...

— Уйдешь ли ты? — сжавъ зубы, заговорилъ Обломовъ, напирая на Захара.

Захаръ скрылся, а Обломовъ позвалъ Анисью.

— Ступай на рынокъ, — сказалъ онъ ей: — и купи тамъ къ обѣду...

— Къ обѣду все куплено; скоро будетъ готовь... — заговорилъ-было носъ.

— Молчать и слушать! — крикнулъ Обломовъ, такъ что Анисья оробѣла.

— Купи... хоть спаржи... — договорилъ онъ, придумывая и не зная, за чѣмъ послать ее.

— Какая теперь, батюшка, спаржа? Да и гдѣ здѣсь ее найдешь...

— Маршъ! — закричалъ онъ, и она убѣжала. — Бѣги, что есть мочи туда, — кричалъ онъ ей вслѣдъ: — и не оглядывайся, а оттуда какъ можно тише иди, раньше двухъ часовъ и носа не показывай.

— Что это за диковина! — говорилъ Захаръ Анисѣ, столкнувшись съ ней за воротами. — Гулять прогналъ, двугривенный далъ. Куда я пойду гулять?

— Барское дѣло, — замѣтила смѣтливая Анисья: — ты поди къ Артемию, графскому кучеру, напой его чаемъ: онъ все поить тебя, а я побѣгу на рынокъ.

— Что это за диковина, Артемій? — сказалъ Захаръ и ему. — Баринъ гулять прогналъ, и на пиво далъ...

— Да не вздумалъ ли самъ нализаться? — остроумно догадался Артемій: — такъ и тебѣ далъ, чтобъ не завидно было. Пойдемъ!

Онъ мигнулъ Захару и махнулъ головой въ какую-то улицу.

— Пойдемъ! — повторилъ Захаръ и тоже махнулъ головой въ ту улицу.

— Экая диковина: гулять прогналъ! — съ усмѣшкой слылъ онъ про себя.

Они ушли, а Анисья, добѣжавъ до перваго перекрестка, присѣла за плетень, къ канавѣ, и ждала, что будетъ.

Обломовъ прислушивался и ждалъ: вотъ кто-то взялся за кольцо у калитки, и въ то же мгновеніе раздался отчаянный лай и началось скаканье на цѣпи собаки.

— Проклятая собака!—проскрежетать зубами Обломовъ, схватилъ фуражку и бросился къ калиткѣ, отворилъ ее и почти въ объятіяхъ донесъ Ольгу до крыльца.

Она была одна. Катя ожидала ее въ каретѣ, неподалеку отъ воротъ.

— Ты здоровъ? Не лежишь? Что съ тобой?—бѣгло спросила она, не снимая ни салопы, ни шляпки и оглядывая его съ ногъ до головы, когда они вошли въ кабинетъ.

— Теперь мнѣ лучше, горло прошло... почти совсѣмъ,—сказалъ онъ, дотрогиваясь до горла и кашлянувъ слегка.

— Что жъ ты не былъ вчера?—спросила она, глядя на него такимъ добывающимъ взглядомъ, что онъ не могъ сказать ни слова.

— Какъ это ты рѣшилась, Ольга, на такой поступокъ?—съ ужасомъ заговорилъ онъ. — Ты знаешь ли, что ты дѣлаешь...

— Объ этомъ послѣ! — перебила она нетерпѣливо. — Я спрашиваю тебя: что значить, что тебя не видать?

Онъ молчалъ.

— Не лчмень ли сѣлъ?—спросила она.

Онъ молчалъ.

— Ты не былъ боленъ; у тебя не болѣло горло,—сказала она, сдвинувъ брови.

— Не былъ,—отвѣчалъ Обломовъ голосомъ школьника.

— Обманулъ меня! — Она съ изумленіемъ глядѣла на него. — Зачѣмъ?

— Я все объясню тебѣ, Ольга, — оправдывался онъ: — важная причина заставила меня не быть двѣ недѣли... я боялся...

— Чего?—спросила она, садясь и снимая шляпу и салопъ.

Онъ взялъ то и другое и положилъ на диванъ.

— Толковъ, сплетней...

— А не боялся, что я не спала ночь, Богъ знаетъ, что передумала и чуть не слегла въ постель?—сказала она, поводя по немъ испытующимъ взглядомъ.

— Ты не знаешь, Ольга, что тутъ происходитъ у меня,— говорилъ онъ, показывая на сердце и голову: — я весь въ тревогѣ, какъ въ огнѣ. Ты не знаешь, что случилось?

— Что еще случилось?—спросила она холодно.

— Какъ далеко распространился слухъ о тебѣ и обо мнѣ! Я не хотѣлъ тебя тревожить и боялся показаться на глаза.

Онъ рассказалъ ей все, что слышалъ отъ Захара, отъ Анисьи, припомнилъ разговоръ франтовъ и заключилъ, сказавъ, что съ тѣхъ поръ онъ не спитъ, что онъ въ каждомъ взглядѣ видитъ вопросъ, или упрекъ, или лукавые намеки на ихъ свиданія.

— Но вѣдь мы рѣшили объявить на этой недѣлѣ *ma tante*, — возразила она: — тогда эти толки должны замолкнуть...

— Да; но мнѣ не хотѣлось заговаривать съ теткой до нынѣшней недѣли, до полученія письма. Я знаю, она не о любви моей спроситъ, а объ имѣннн, войдетъ въ подробности, а этого ничего я не могу объяснить, пока не получу отвѣта отъ повѣреннаго.

Она вздохнула.

— Если бъ я не знала тебя, — въ раздумѣ говорила она: — я Богъ знаетъ, что могла бы подумать. Боялся тревожить меня толками лакеевъ, а не боялся мнѣ сдѣлать тревогу! Я перестаю понимать тебя.

— Я думалъ, что болтовня ихъ взволнуетъ тебя. Катя, Марѳа, Семень и этотъ дуракъ Никита, Богъ знаетъ, что говорятъ...

— Я давно знаю, что они говорятъ, — равнодушно сказала она.

— Какъ, знаешь?

— Такъ, Катя и няня давно донесли мнѣ объ этомъ, спрашивали о тебѣ, поздравляли меня...

— Ужели поздравляли? — съ ужасомъ спросилъ онъ. — Что жъ ты?

— Ничего, поблагодарила; нянѣ подарила платокъ, а она общала сходить къ Сергію пѣшкомъ. Катѣ взялась выхлопотать отдать ее замужъ за кондитера: у ней есть свой романъ...

Онъ смотрѣлъ на нее испуганными и изумленными глазами.

— Ты бываешь каждый день у насъ: очень натурально, что люди толкуютъ объ этомъ, — прибавила она: — они первые начинаютъ говорить. Съ Соничкой было то же: что же это такъ пугаетъ тебя?

— Такъ вотъ откуда эти слухи? — сказалъ онъ протяжно.

— Развѣ они неосновательны? Вѣдь это правда?

— Правда! — ни вопросительно, ни отрицательно повторилъ Обломовъ. — Да, — прибавилъ онъ потомъ: — въ самомъ дѣлѣ, ты права: только я не хочу, чтобъ они знали о нашихъ свиданіяхъ, оттого и боюсь...

— Ты боишься, дрожишь, какъ мальчикъ... Не понимаю! Развѣ ты крадешь меня?

Ему было неловко; она внимательно глядѣла на него.

— Послушай, — сказала она: — тутъ есть какая-то ложь, что-то не то... Поди сюда и скажи все, что у тебя на душѣ. Ты могъ не быть день, два — пожалуй, недѣлю, изъ предосторожности, но все бы ты предупредилъ меня, написалъ. Ты знаешь, я ужъ не дитя и меня не такъ легко смутить вздоромъ. Что это все значить?

Онъ задумался, потомъ поцѣловалъ у ней руку и вздохнулъ.

— Вотъ что, Ольга, я думаю,—сказаль онъ:—у меня все это время такъ напугано воображеніе этими ужасами за тебя, такъ истерзанъ умъ заботами, сердце наболѣло, то отъ сбывающихся, то отъ пропадающихъ надеждъ, отъ ожиданій, что весь организмъ мой потрясень: онъ нѣмѣеть, требуетъ хоть временнаго успокоенія...

— Отчего жъ у меня не нѣмѣеть, и я ищу успокоенія только подлѣ тебя?

— У тебя молодыя, крѣпкія силы и ты любишь ясно, покойно, а я... но ты знаешь, какъ я тебя люблю!—сказаль онъ, сползая на полъ и цѣлуя ея руки.

— Нѣтъ еще, мало знаю,—ты такъ страненъ, что я теряюсь въ соображеніяхъ; у меня гаснутъ умъ и надежда... скоро мы перестанемъ понимать другъ друга: тогда худо!

Они замолчали.

— Что жъ ты дѣлаль эти дни?—спросила она, въ первый разъ оглядывая глазами комнату. — У тебя не хорошо:—какія низенькія комнаты! Окна маленькія, обои старыя... Гдѣ жъ еще у тебя комнаты?

Онъ бросился показывать ей квартиру, чтобъ замять вопросъ о томъ, что онъ дѣлаль эти дни. Потомъ она сѣла на диванъ, онъ помѣстился опять на коврѣ, у ногъ ея.

— Что жъ ты дѣлаль двѣ недѣли?—допрашивала она.

— Читаль, писалъ, думаль о тебѣ.

— Прочель мои книги? Что онѣ? Я возьму ихъ съ собой.

Она взяла со стола книгу и посмотрѣла на развернутую страницу: страница запылилась.

— Ты не читаль!—сказала она.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

Она посмотрѣла на измятыя, шитыя подушки, на безпорядокъ, на запыленные окна, на письменный столъ, перебрала нѣсколько покрытыхъ пылью бумагъ, пошевелила перо въ сухой чернильницѣ и съ изумленіемъ поглядѣла на него.

— Что жъ ты дѣлалъ?—повторила она.—Ты не читалъ и не писалъ?

— Времени мало было,—началъ онъ, запинаясь:—утромъ встанешь, убирають комнаты, мѣшаютъ, потомъ начнутся толки объ обѣдѣ, тутъ хозяйскія дѣти придутъ, просятъ задачу повѣрить, а тамъ и обѣдъ. Послѣ обѣда... когда читать?

— Ты спалъ послѣ обѣда, — сказала она такъ положительно, что послѣ минутнаго колебанія, онъ тихо отвѣчалъ:

— Спалъ...

— Зачѣмъ же?

— Чтобъ не замѣчать времени: тебя не было со мной, Ольга, и жизнь скучна, несносна безъ тебя...

Онъ остановился, а она строго глядѣла на него.

— Илья!—серьезно заговорила она.—Помнишь, въ паркѣ, когда ты сказалъ, что въ тебѣ загорѣлась жизнь, увѣрялъ, что я — цѣль твоей жизни, твой идеалъ, взялъ меня за руку и сказалъ, что она твоя—помнишь, какъ я дала тебѣ согласіе?

— Да развѣ это можно забыть? Развѣ это не перевернуло всю мою жизнь? Ты не видишь, какъ я счастливъ?

— Нѣтъ, не вижу; ты обманулъ меня,—холодно сказала она:—ты опять опускаешься...

— Обманулъ! Не грѣхъ тебѣ? Богомъ клянусь, я кинулся бы сейчасъ въ бездну!..

— Да, если бѣ бездна была вотъ тутъ, подъ ногами, сію минуту, — перебила она:—а если бѣ отложили на три дня, ты бы передумалъ, испугался, особенно если бѣ Захаръ или Анісія стали болтать объ этомъ... Это не любовь.

— Ты сомнѣваешься въ моей любви?—горячо заговорилъ онъ.—Думаешь, что я медлю отъ боязни за себя, а не за тебя? Не оберегаю, какъ стѣной, твоего имени, не бодрствую, какъ мать, чтобъ не смѣлъ коснуться слухъ тебя... Ахъ, Ольга! Требуй доказательствъ! Повторю тебѣ, что

если бы ты съ другимъ могла быть счастливѣе, я бы безъ ропота уступилъ права свои; если бы надо было умереть за тебя, я бы съ радостью умеръ!—со слезами досказалъ онъ.

— Этого ничего не нужно, никто не требуетъ! Зачѣмъ мнѣ твоя жизнь? Ты сдѣлай, что надо. Это уловка лукавыхъ людей предлагать жертвы, которыхъ не нужно, или нельзя приносить, чтобъ не приносить нужныхъ. Ты не лукавъ—я знаю, но...

— Ты не знаешь, сколько здоровья унесли у меня эти страсти и заботы!—продолжалъ онъ.—У меня нѣтъ другой мысли съ тѣхъ поръ, какъ я тебя знаю... Да, и теперь, повторю, ты моя цѣль, и только ты одна. Я сейчасъ умру, сойду съ ума, если тебя не будетъ со мной! Я теперь дышу, смотрю, мыслю и чувствую тобой. Что жъ ты удивляешься, что въ тѣ дни, когда не вижу тебя, я засыпаю и падаю? Мнѣ все противно, все скучно; я машина: хожу, дѣлаю и не замѣчаю, что дѣлаю. Ты огонь и сила этой машины,—говорилъ онъ, становясь на колѣни и выпрямляясь.

Глаза заблестали у него, какъ, бывало, въ паркѣ. Опять гордость и сила воли засіяли въ нихъ.

— Я сейчасъ готовъ идти, куда ты велишь, дѣлать, что хочешь. Я чувствую, что живу, когда ты смотришь на меня, говоришь, поешь...

Ольга съ строгой задумчивостью слушала эти изліянія страсти.

— Послушай, Илья,—сказала она:—я вѣрю твоей любви и своей силѣ надъ тобой. Зачѣмъ же ты пугаешь меня своей нерѣшительностью, доводишь до сомнѣній? Я цѣль твоя, говоришь ты, и идешь къ ней такъ робко, медленю; а тебѣ еще далеко идти; ты долженъ стать выше меня. Я жду этого отъ тебя! И видала счастливыхъ людей, какъ они любятъ,—прибавила она со вздохомъ:—у нихъ все кипитъ, и покой ихъ не похожъ на твой; они не опускаютъ головы; глаза у нихъ открыты; они едва спятъ, они дѣй-

ствують? А ты... нѣтъ, не похоже, чтобъ любовь, чтобъ я была твоей цѣлью...

Она съ сомнѣніемъ покачала головой.

— Ты, ты!.. — говорилъ онъ, цѣлуя опять у ней руки и волнуясь у ногъ ея.—Одна ты! Боже мой, какое счастье!—твердилъ онъ, какъ въ бреду.—И ты думаешь—возможно обмануть тебя, уснуть послѣ такого пробужденія, не сдѣлаться героемъ! Вы увидите, ты и Андрей, — продолжалъ онъ, озираясь вдохновенными глазами: — до какой высоты поднимаетъ человѣка любовь такой женщины, какъ ты! Смотри, смотри на меня: не воскресъ ли я, не живу ли въ эту минуту? Пойдемъ отсюда! Вонъ! Вонъ! Я не могу ни минуты оставаться здѣсь; мнѣ душно, гадко!—говорилъ онъ, съ неиритворнымъ отвращеніемъ оглядываясь вокругъ.— Дай мнѣ дожить сегодня этимъ чувствомъ... Ахъ, если бъ этотъ же огонь жегъ меня, какъ теперь жжетъ, и завтра, и всегда! А то нѣтъ тебя—я гасну, падаю! Теперь я ожилъ, воскресъ. Мнѣ кажется, я... Ольга, Ольга!—Ты прекраснѣе всего въ мірѣ, ты первая женщина, ты... ты!..

Онъ припалъ къ ея рукѣ лицомъ и замеръ. Слова не шли болѣе съ языка. Онъ прижалъ руку къ сердцу, чтобъ унять волненіе, устремилъ на Ольгу свой страстный, влажный взглядъ и сталъ неподвиженъ.

«Нѣженъ, нѣженъ, нѣженъ!» мысленно твердила Ольга, но со вздохомъ, не какъ, бывало, въ паркѣ, и погрузилась въ глубокую задумчивость.

— Мнѣ пора!—очнувшись сказала она ласково.

Онъ вдругъ отрезвился.

— Ты здѣсь, Боже мой! У меня?—говорилъ онъ, и вдохновенный взглядъ замѣнился робкимъ озираньемъ по сторонамъ. Горячая рѣчь не шла больше съ языка.

Онъ торопливо хваталъ шляпку и салопъ и, въ суматохѣ, хотѣлъ надѣть салопъ ей на голову.

Она засмѣялась.

— Не бойся за меня, — успокаивала она: — ma tante уѣхала на цѣлый день; дома только няня знаетъ, что меня нѣтъ, да Катя. Проводи меня.

Она подала ему руку, и безъ трепета, покойно, въ гордомъ сознаніи своей невинности, перешла дворъ, при отчаянномъ скаканьѣ на цѣпи и лаѣ собаки, сѣла въ карету и уѣхала.

Изъ оконъ, съ хозяйской половины, смотрѣли головы; изъ-за угла, за плетнемъ, выглянула изъ канавы голова Анисы.

Когда карета заворотила въ другую улицу, пришла Анисья и сказала, что она избѣгала весь рынокъ и спаржи не оказалось. Захаръ вернулся часа черезъ три и проспалъ цѣлыя сутки.

Обломовъ долго ходилъ по комнатѣ и не чувствовалъ подъ собою ногъ, не слышалъ собственныхъ шаговъ: онъ ходилъ, какъ будто на четверть отъ полу.

Лишь только замолкъ скрипъ колесъ кареты по снѣгу, увезшей его жизнь, счастье — безпокойство его прошло, голова и спина у него выпрямились, вдохновенное сіяніе воротилось на лицо и глаза были влажны отъ счастья, отъ умиленія. Въ организмъ разлилась какая-то теплота, свѣжесть, бодрость. И опять, какъ прежде, ему захотѣлось вдругъ всюду, куда-нибудь далеко: и туда, къ Штольцу, съ Ольгой, и въ деревню, на поля, въ рощи, хотѣлось уединиться въ своемъ кабинетѣ и погрузиться въ трудъ, и самому ѣхать на Рыбинскую пристань, и дорогу проводить, и прочесть только-что вышедшую новую книгу, о которой всѣ говорятъ, и въ оперу — сегодня...

Да, сегодня она у него, онъ у ней, потомъ въ оперѣ. Какъ полонъ день! Какъ легко дышится въ этой жизни, въ сферѣ Ольги, въ лучахъ ея дѣвственнаго блеска, бодрыхъ силъ, молодого, но тонкаго и глубокаго, здраваго ума! Онъ ходитъ, точно летаетъ; его будто кто-то носитъ по комнатѣ.

— Впередь, впередь! — говоритъ Ольга: — выше, выше, туда, къ той чертѣ, гдѣ сила нѣжности и граціи теряетъ свои права и гдѣ начинается царство мужчины!

Какъ она ясно видитъ жизнь! Какъ читаетъ въ этой мудреной книгѣ свой путь и инстинктомъ угадываетъ и его дорогу! Обѣ жизни, какъ двѣ рѣки, должны слиться: онъ ея руководитель, вождь!

Она видитъ его силы, способности, знаетъ, сколько онъ можетъ, и покорно ждетъ его владычества. Чудная Ольга! Невозмутимая, неробкая, простая, но рѣшительная женщина, естественная, какъ сама жизнь!

— Какая, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь гадость! — говорилъ онъ, оглядываясь. — И этотъ ангель спустился въ болото, осквернилъ его своимъ присутвіемъ!

Онъ съ любовью смотрѣлъ на стулъ, гдѣ она сидѣла, и вдругъ глаза его заблестали: на полу, около стула, онъ увидѣлъ крошечную перчатку.

— Залогъ! Ея рука: это предзнаменованіе! О!..—простоналъ онъ страстно, прижимая перчатку къ губамъ.

Хозяйка выглянула изъ двери, съ предложеніемъ посмотреть полотно: принесли продавать, такъ не понадобится ли?

Но онъ сухо поблагодарилъ ее, не подумавъ взглянуть на локти и извинился, что очень занятъ. Потомъ углубился въ воспоминанія лѣта, перебралъ всѣ подробности, вспомнилъ о всякомъ деревѣ, кустѣ, скамьѣ, о каждомъ сказанномъ словѣ, и нашелъ все это милѣе, нежели какъ было въ то время, когда онъ наслаждался этимъ.

Онъ рѣшительно пересталъ владѣть собой, пѣлъ, ласково заговаривалъ съ Анисьей, шутилъ, что у нея нѣтъ дѣтей, и общалъ крестить, лишь-только родится ребенокъ. Съ Машей поднялъ такую возню, что хозяйка выглянула и прогнала Машу домой, чтобъ не мѣшала жильцу «заниматься».

Остальной день подбавилъ сумасшествія. Ольга была весела, пѣла, и потомъ еще пѣли въ оперѣ, потомъ онъ пилъ у нихъ чай, и за чаемъ шелъ такой задушевный, искренній разговоръ между нимъ, теткой, барономъ и Ольгой, что Обломовъ чувствовалъ себя совершенно членомъ этого маленькаго семейства. Полно жить одиноко: есть у него теперь уголь; онъ крѣпко намоталъ свою жизнь; есть у него свѣтъ и тепло—какъ хорошо жить съ этимъ!

Ночь онъ спалъ мало: все дочитывалъ присланныя Ольгой книги и прочиталъ полтора тома.

«Завтра письмо должно придти изъ деревни», думалъ онъ, и сердце у него билось... билось... Наконецъ-то!

VIII.

На другой день Захаръ, убирая комнату, нашелъ на письменномъ столѣ маленькую перчатку, долго разглядывалъ ее, усмѣхнулся, потомъ подаль Обломову.

— Должно-быть, Ильинская барышня забыла, — сказала онъ.

— Дьяволь! — грянулъ Илья Ильичъ, вырывая у него перчатку изъ рукъ. — Врешь! Какая Ильинская барышня! Это портниха пріѣзжала изъ магазина рубашки примѣрять. Какъ ты смѣешь выдумывать!

— Что за дьяволь? Что я выдумываю? Вонъ, ужъ на хозяйской половинѣ говорятъ...

— Что говорить?—спросилъ Обломовъ.

— Да что, слышь, Ильинская барышня съ дѣвушкой была...

— Боже мой!—съ ужасомъ произнесъ Обломовъ.—А почему они знаютъ Ильинскую барышню? Ты же или Анисья разболтали...

Вдругъ Анисья высунулась до половины изъ дверей передней.

— Какъ тебѣ не грѣхъ, Захаръ Трофимычъ, пустяки мо-

лоть? Не слушайте его, батюшка,—сказала она:—никто и не говорилъ, и не знаетъ, Христомъ Богомъ...

— Ну-ну-ну! — захрипѣлъ на нее Захарь, замахиваясь локтемъ въ грудь.—Туда же суешься, гдѣ тебя не спрашиваютъ.

Анисья скрылась. Обломовъ погрозилъ обоими кулаками Захару, потомъ быстро отворилъ дверь на хозяйскую половину. Агаея Матвѣевна сидѣла на полу и перебирала рухлядь въ старомъ сундукѣ; около нея лежали груды тряпокъ, ваты, старыхъ платьевъ, пуговицъ и отрѣзковъ мѣховъ.

— Послушайте, — ласково, но съ волненіемъ заговорилъ Обломовъ: — мои люди болтаютъ разный вздоръ; вы, ради Бога, не вѣрьте имъ.

— Я ничего не слыхала, — сказала хозяйка. — Чтѣ они болтаютъ?

— Насчетъ вчерашняго визита,—продолжалъ Обломовъ: — они говорятъ, будто пріѣзжала какая-то барышня...

— Что намъ за дѣло, кто къ жильцамъ ѣздитъ?—сказала хозяйка.

— Да нѣтъ, вы, пожалуйста, не вѣрьте: это совершенная клевета! Никакой барышни не было: пріѣзжала просто портниха, которая рубашки шьетъ. Примѣрять пріѣзжала...

— А вы гдѣ заказали рубашки? Кто вамъ шьетъ?—живо спросила хозяйка.

— Во французскомъ магазинѣ...

— Покажите, какъ принесутъ; у меня есть двѣ дѣвушки: такъ шьютъ, такую строчку дѣлаютъ, что никакой французкѣ не сдѣлать. Я видѣла, онѣ приносили показать, графу Метлинскому шьютъ: никто такъ не сошьетъ. Куда ваши, вотъ эти, что на васъ.

— Очень хорошо, я припомню. Вы только, ради Бога, не подумайте, что это была барышня...

— Что за дѣло, кто къ жильцу ходитъ? Хоть бы и барышня...

— Нѣтъ, нѣтъ!—опровергаль Обломовъ.—Помилуйте, та барышня, про которую болтаетъ Захаръ, огромнаго роста, говоритъ басомъ, а эта, портниха-то, чай, слышали, какимъ тоненькимъ голосомъ говоритъ: у ней чудесный голосъ. Пожалуйста, не думайте...

— Что намъ за дѣло?—говорила хозяйка, когда онъ уходилъ.—Такъ не забудьте, когда понадобится рубашки шить, сказать мнѣ: мои знакомыя такую строчку дѣлаютъ... ихъ зовутъ Лизавета Николавна и Марья Николавна.

— Хорошо, хорошо, не забуду; только вы не подумайте, пожалуйста.

И онъ ушелъ, потомъ одѣлся и уѣхалъ къ Ольгѣ.

Воротясь вечеромъ домой, онъ нашелъ у себя на столѣ письмо изъ деревни, отъ сосѣда, его повѣреннаго. Онъ бросился къ лампѣ, прочелъ—и у него опустились руки.

«Прошу покорно передать довѣренность другому лицу (писалъ сосѣдъ), а у меня накопилось столько дѣла, что, по совѣсти сказать, не могу, какъ слѣдуетъ, присматривать за вашимъ имѣніемъ. Всего лучше вамъ самимъ пріѣхать сюда, и еще лучше поселиться въ имѣніи. Имѣніе хорошее, но сильно запущено. Прежде всего надо аккуратное распредѣлить барщину и оброкъ; безъ хозяина этого сдѣлать нельзя: мужики избалованы, старосты новаго не слушаютъ, а старый плуговать, за нимъ надо смотрѣть. Количество дохода опредѣлить нельзя. При нынѣшнемъ безпорядкѣ едва ли вы получите больше трехъ тысячъ, и то при себѣ. Я считаю доходъ съ хлѣба, а на оброчныхъ надежда плоха: надо ихъ взять въ руки и разобрать недоимки—на это на все понадобится мѣсяца три. Хлѣбъ былъ хорошъ и въ цѣнѣ, и въ мартѣ, или апрѣлѣ, вы получите деньги, если сами присмотрите за продажей. Теперь же денегъ наличныхъ нѣтъ ни гроша. Что касается дороги черезъ Верхлѣво и моста, то,

не получая отъ васъ долгое время отвѣта, я ужъ рѣшился съ Одонцовымъ и Бѣловодовымъ проводить дорогу отъ себя на Нельки, такъ что Обломовка остается далеко въ сторонѣ. Въ заключеніе, повторю просьбу пожаловать какъ можно скорѣе: мѣсяца въ три можно привести въ извѣстность, чего надѣяться на будущій годъ. Кстати, теперь выборы: не желали ли бы вы баллотироваться въ уѣздные судьи? Послѣшайте. Домъ вашъ очень плохъ (прибавлено было въ концѣ). Я велѣлъ скотницѣ, старому кучеру и двумъ старымъ дѣвкамъ выбраться оттуда въ избу: долѣе опасно бы было оставаться».

При письмѣ приложена была записка, сколько четвертей хлѣба снято, умолочено, сколько ссыпано въ магазины, сколько назначено въ продажу, и тому подобныя хозяйственныя подробности.

«Денегъ ни гроша, три мѣсяца, пріѣхать самому, разобрать дѣла крестьянъ, привести доходъ въ извѣстность, слупить по выборамъ» — все это, въ видѣ призраковъ, обступило Обломова. Онъ очутился будто въ лѣсу, ночью, когда въ каждомъ кустѣ и деревѣ чудится разбойникъ, мертвецъ, звѣрь.

— Однакожъ, это позоръ: я не поддамся! — твердилъ онъ, стараясь ознакомиться съ этими призраками, какъ и трусь силится, сквозь зашмуренные вѣки, взглянуть на призраки и чувствуетъ только холодъ у сердца и слабость въ рукахъ и ногахъ.

Чего жъ надѣялся Обломовъ! Онъ думалъ, что въ письмѣ сказано будетъ опредѣлительно, сколько онъ получитъ дохода и, разумѣется, какъ можно больше, тысячъ, напримѣръ, шесть, семь; что домъ еще хорошъ, такъ что по нуждѣ въ немъ можно жить, пока будетъ строиться новый; что, наконецъ, повѣренный пришлетъ тысячи три, четыре — словомъ, что въ письмѣ онъ прочтетъ тотъ же смѣхъ, игру жизни и любовь, что читалъ въ запискахъ Ольги.

Онъ уже не ходилъ на четверть отъ полу по комнатѣ, не шутилъ съ Анисьей, не волновался надеждами на счастье: ихъ надо было отодвинуть на три мѣсяца; да—нѣтъ! Въ три мѣсяца онъ только разберетъ дѣла, узнаетъ свое имѣніе, а свадьба...

— О свадьбѣ ближе года и думать нельзя,—боязливо сказалъ онъ:— да, да, черезъ годъ, не прежде! Ему еще надо дописать свой планъ, надо порѣшить съ архитекторомъ, потомъ... потомъ...

Онъ вздохнулъ.

«Занят!» блеснуло у него въ головѣ, но онъ оттолкнулъ эту мысль.

«Какъ можно! А какъ не отдашь въ срокъ? если дѣла пойдутъ плохо, тогда подадутъ ко взысканію, и имя Обломова, до сихъ поръ чистое, неприкосновенное...» Боже сохрани! Тогда прощай его спокойствіе, гордость... нѣтъ, нѣтъ! Другіе займутъ, да потомъ и мечутся, работаютъ, не спятъ, точно демона впускаютъ въ себя. Да, долгъ—это демонъ, бѣсъ, котораго ничѣмъ не изгонишь, кромѣ денегъ!

Есть такіе молодцы, что весь вѣкъ живутъ на чужой счетъ, наберутъ, нахватаютъ справа-слѣва, да и въ усъ не дуютъ! Какъ они могутъ покойно уснуть, какъ обѣдаютъ— непонятно! Долгъ! послѣдствія его—или неисходный трудъ, какъ каторжнаго, или безчестіе.

Заложить деревню? Развѣ это не тотъ же долгъ, только неумолимый, неотсрочимый? Плати каждый годъ—пожалуй, на прожитокъ не останется.

Еще на годъ отодвинулось счастье! Обломовъ застоналъ болѣзненно и повалился-было на постель, но вдругъ ошмякнулся и всталъ. А что говорила Ольга? Какъ зывала къ нему, какъ къ мужчине, довѣрилась его силамъ? Она ждетъ, какъ онъ пойдетъ впередъ и дойдетъ до той высоты, гдѣ протянетъ ей руку и поведетъ за собой, покажетъ ей путь! Да, да! Но съ чего начать?

Онъ подумалъ, подумалъ, потомъ вдругъ ударилъ себя по лбу и пошелъ на хозяйскую половину.

— Вашъ братецъ дома?—спросилъ онъ хозяйку.

— Дома, да спать легли.

— Такъ завтра попросите его ко мнѣ, — сказала Обломовъ: — мнѣ нужно видѣться съ нимъ.

IX.

Братецъ опять тѣмъ же порядкомъ вошли въ комнату, такъ же осторожно сѣли на стулъ, подобрали руки въ рукава и ждали, что скажетъ Илья Ильичъ.

— Я получилъ очень непріятное письмо изъ деревни, въ отвѣтъ на посланную довѣренность—помните?—сказалъ Обломовъ.—Вотъ потрудитесь прочесть.

Иванъ Матвѣвичъ взялъ письмо и привычными глазами бѣгалъ по строкамъ, а письмо слегка дрожало въ его пальцахъ. Прочитавъ, онъ положилъ письмо на столъ, а руки спряталъ за спину.

— Какъ вы полагаете, что теперь дѣлать?—спросилъ Обломовъ.

— Они совѣтуютъ вамъ ѣхать туда, — сказалъ Иванъ Матвѣвичъ. — Что же-съ: тысячу-двѣсти верстъ не Богъ знаетъ что! Черезъ недѣлю установится дорога, вотъ и съѣздили бы.

— Я отвыкъ совсѣмъ ѣздить; съ непривычки, да еще зимой, признаюсь, мнѣ бы трудно было, не хотѣлось бы... Притомъ же въ деревнѣ одному очень скучно.

— А у васъ много оброчныхъ?—спросилъ Иванъ Матвѣвичъ.

— Да... не знаю: давно не былъ въ деревнѣ.

— Надо знать-съ: безъ этого какъ же-съ? нельзя справку навести, сколько доходу получите.

— Да, надо бы, — повторилъ Обломовъ: — и сосѣдъ тоже пишеть, да вотъ дѣло-то подошло къ зимѣ.

— А сколько оброку вы полагаете?

— Оброку? Кажется... вот позвольте, у меня было гдѣ-то расписаніе... Штольцъ еще тогда составилъ, да трудно отыскать: Захаръ, должно-быть, сунуль куда-нибудь. Я послѣ покажу... кажется, тридцать рублей съ тягла.

— Мужики-то у васъ каковы? Какъ живутъ? — спрашивалъ Иванъ Матвѣевичъ. — Богатые, или разорены, бѣдные? Барщина-то какова?

— Послушайте, — сказалъ, подойдя къ нему, Обломовъ и довѣрчиво взявъ его за оба борта вицмундира.

Иванъ Матвѣевичъ проворно всталъ, но Обломовъ усадилъ его опять.

— Послушайте, — повторилъ онъ разстановисто, почти шопотомъ: — я не знаю, что такое барщина, что такое сельскій трудъ, что значитъ бѣдный мужикъ, что богатый; не знаю, что значитъ четверть ржи или овса, что она стоитъ, въ какомъ мѣсяцѣ и что сѣютъ и жнутъ, какъ и когда продаютъ; не знаю, богатъ ли я, или бѣденъ, буду ли я черезъ годъ сытъ, или буду нищій — я ничего не знаю! — заключилъ онъ съ уныніемъ, выпустивъ борты вицмундира и отступая отъ Ивана Матвѣевича: — слѣдовательно, говорите и совѣтуйте мнѣ какъ ребенку...

— Какъ же-съ, надо знать: безъ этого ничего сообразить нельзя, — съ покорной умѣшкой сказалъ Иванъ Матвѣевичъ, привставъ и заложивъ одну руку за спину, а другую за пазуху. — Помѣщикъ долженъ знать свое имѣніе какъ съ нимъ обращаться... — говорилъ онъ поучительно.

— А я не знаю. Научите меня, если можете.

— Я самъ не занимался этимъ предметомъ, надо посоветоваться съ знающими людьми. Да вотъ-съ, въ письмѣ пишутъ вамъ, — продолжалъ Иванъ Матвѣевичъ, указывая среднимъ пальцемъ, ногтемъ внизъ, на страницу письма: — чтобъ вы послужали по выборамъ: вотъ и славно бы! По-

жили бы тамъ, послужили бы въ уѣздномъ судѣ и узнали бы между тѣмъ временемъ и хозяйство.

— Я не знаю, что такое уѣздный судъ, что въ немъ дѣлаютъ, какъ служить! — выразительно, но вполголоса опять говорилъ Обломовъ, подойдя вплотъ къ носу Ивана Матвѣевича.

— Привыкнете-съ. Вы вѣдь служили здѣсь, въ департаментѣ: дѣло вездѣ одно, только въ формахъ будетъ маленькая разница. Вездѣ предписанія, отношенія, протоколь... Былъ бы хорошій секретарь, а вамъ что заботы? подписать только. Если знаете, какъ въ департаментахъ дѣло дѣлается...

— Я не знаю, какъ дѣло дѣлается въ департаментахъ. — монотонно сказалъ Обломовъ.

Иванъ Матвѣевичъ бросилъ свой двойной взглядъ на Обломова и молчалъ.

— Должно-быть, все книги читали-съ? — съ той же покорной усмѣшкой замѣтилъ онъ.

— Книги! — съ горечью возразилъ Обломовъ и остановился.

Не достало духа и не нужно было обнажаться до дна души передъ чиновникомъ.

«Я и книгъ не знаю», шевельнулось въ немъ, но не сошло съ языка и выразилось печальнымъ вздохомъ.

— Изволили же чѣмъ-нибудь заниматься, — смиренно прибавилъ Иванъ Матвѣевичъ, какъ будто дочитавъ въ умѣ Обломова отвѣтъ о книгахъ: — нельзя, чтобъ...

— Можно, Иванъ Матвѣичъ: вотъ вамъ живое доказательство — я! Кто же я? Что я такое? Подите спросите у Захара, и онъ скажетъ вамъ: «баринъ!» Да, я баринъ и дѣлать ничего не умѣю! Дѣлайте вы, если знаете, и помогите, если можете, а за трудъ возьмите себѣ, что хотите — на то и наука!

Онъ началъ ходить по комнатѣ, а Иванъ Матвѣевичъ

стоялъ на своемъ мѣстѣ и всякій разъ слегка ворочался всѣмъ корпусомъ въ тотъ уголъ, куда пойдетъ Обломовъ. Оба они молчали нѣкоторое время.

— Гдѣ вы учились? — спросилъ Обломовъ, остановясь опять передъ нимъ.

— Началь-было въ гимназін, да изъ шестого класса взялъ меня отецъ и опредѣлил въ правленіе. Что наша наука! Читать, писать, грамматикѣ, ариѳметикѣ, а дальше и не пошелъ-съ. Кое-какъ приспособился къ дѣлу, да и перебиваюсь помаленьку. Ваше дѣло другое-съ: вы проходили настоящія науки...

— Да, — со вздохомъ подтвердилъ Обломовъ:— правда, я проходилъ и высшую алгебру, и политическую экономію, и права, а все къ дѣлу не приспособился. Вотъ видите, съ высшей алгеброй не знаю, много ли у меня дохода. Приѣхалъ въ деревню, послушалъ, посмотрѣлъ — какъ дѣлалось у насъ въ домѣ и въ имѣніи, и кругомъ насъ — совсѣмъ не гдѣ права. Уѣхалъ сюда, думалъ какъ-нибудь съ политической экономіей выйду въ люди... А мнѣ сказали, что науки пригодятся мнѣ со временемъ, развѣ подъ старость, а прежде надо выйти въ чины, и для этого нужна одна наука — писать бумаги. Вотъ я и не приспособился къ дѣлу, а сдѣлался просто баринкомъ, а вы приспособились: ну, такъ рѣшите же, какъ изворотиться.

— Можно-съ, ничего, — сказалъ, наконецъ, Иванъ Матвѣвичъ.

Обломовъ остановился противъ него и ждалъ, что онъ скажетъ.

— Можно поручить это все знающему человѣку и добренность перевести на него, — прибавилъ Иванъ Матвѣвичъ.

— А гдѣ взять такого человѣка? — спросилъ Обломовъ.

— У меня есть сослуживецъ, Исая Ѳомичъ Затертый: онъ заикается немного, а дѣловой и знающій человѣкъ. Три

года управлять большимъ имѣніемъ, да помѣщикъ отпустилъ его, по этой самой причинѣ, что заикается. Вотъ онъ и вступилъ къ намъ.

— Да можно ли положиться на него?

— Честнѣйшая душа, не извольте беспокоиться! Онъ свое проживетъ, лишь бы довѣрителю угодить. Двѣнадцатый годъ у насъ состоитъ на службѣ.

— Какъ же онъ поѣдетъ, если служить?

— Ничего-съ, отпускъ на четыре мѣсяца возьметъ. Вы извольте рѣшиться, а я привезу его сюда. Вѣдь онъ не даромъ поѣдетъ...

— Конечно нѣтъ,—подтвердилъ Обломовъ.

— Вы ему извольте положить прогоны, на прожитокъ, сколько понадобится въ сутки, а тамъ, по окончаніи дѣла, вознагражденіе, по условію. Поѣдетъ-съ, ничего!

— Я вамъ очень благодаренъ: вы меня отъ большихъ хлопотъ избавите,—сказалъ Обломовъ, подавая ему руку.— Какъ его?...

— Исай Ѳомичъ Затертый, — повторилъ Иванъ Матвѣвичъ, отирая наскоро руку обшлагомъ другого рукава, и, взявъ на минуту руку Обломова, тотчасъ спряталъ свою въ рукавъ.—Я завтра поговорю съ нимъ-съ и приведу.

— Да приходите обѣдать, мы и потолкуемъ. — Очень, очень благодаренъ вамъ! — говорилъ Обломовъ, провожая Ивана Матвѣвича до дверей.

X.

Вечеромъ въ тотъ же день, въ двухъэтажномъ домѣ, выходившемъ одной стороною въ улицу, гдѣ жилъ Обломовъ, а другой на набережную, въ одной изъ комнатъ верхняго этажа сидѣли Иванъ Матвѣвичъ и Тарантьевъ.

Это было такъ-называемое «заведеніе», у дверей котораго всего стояло двое-трое пустыхъ дрожекъ, а извозчики сидѣли въ нижнемъ этажѣ, съ блюдечками въ ру-

кахъ. Верхній этажъ назначался для «господь» Выборгской Стороны.

Передъ Иваномъ Матвѣвичемъ и Тарантьевымъ стоялъ чай и бутылка рому.

— Чистѣйшій ямайскій, — сказала Иванъ Матвѣвичъ, наливая дрожащей рукой себѣ въ стаканъ рому: — не побрезгуй, кумъ, угощеніемъ.

— Признайся, есть за что и угостить, — отозвался Тарантьевъ: — домъ сгнилъ бы, а этакаго жильца не дождался.

— Правда, правда, — перебилъ Иванъ Матвѣвичъ. — А если наше дѣло состоится и Затертый поѣдетъ въ деревню — могорычъ будетъ!

— Да ты скупъ, кумъ: съ тобой надо торговаться, — говорилъ Тарантьевъ: — пятьдесятъ рублей за этакаго жильца!

— Боюсь, грозитя съѣхать, — замѣтилъ Иванъ Матвѣвичъ.

— Ахъ ты: а еще дока! Куда онъ съѣдетъ! Его не выгонишь теперь.

— А свадьба-то? Женится, говорятъ.

Тарантьевъ захохоталъ.

— Онъ женится! Хочешь объ закладъ, что не женится? — возразилъ онъ. — Да ему Захаръ и спать-то помогаетъ, а то жениться! Доселѣ я ему все благодѣтельствовалъ: вѣдь безъ меня, братецъ ты мой, онъ бы съ голоду умеръ, или въ тюрьму попалъ. Надзиратель придетъ, хозяинъ домовый что-нибудь спросить, такъ, вѣдь, ни въ зубъ толкнуть — все я! Ничего не смыслить...

— Подлинно ничего: въ уѣздномъ судѣ, говоритъ, не знаю, что дѣлають, въ департаментъ то же; какіе мужики у него — не вѣдаетъ. Что за голова! Меня даже смѣхъ взялъ!.

— А контрактъ-то, контрактъ-то каковъ заключили? — хвастался Тарантьевъ. — Мастеръ ты, братъ, строчить бумаги, Иванъ Матвѣвичъ, ей-Богу мастеръ! Вспомнишь по-

войника отца! И я бытъ гораздъ, да отвыкъ, видитъ Богъ, отвыкъ. Присяду: слеза такъ и бьетъ изъ глазъ. Не читай, такъ и подмахнуть! А тамъ и огороды, и конюшни, и амбары.

— Да, кумь, пока не перевелись олухи на Руси, что подписываютъ бумаги, не читая, нашему брату можно жить. А то хоть пропадай, плохо стало! Послышнись отъ стариковъ, такъ не то! Въ двадцать-пять лѣтъ службы, какой я капиталъ составилъ? Можно прожить на Выборгской Стронѣ, не показывая носа на свѣтъ Божій: кусокъ будетъ хорошій, не жалуюсь, хлѣба не перебьшь! А чтобъ тамъ квартиры на Литейной, ковры, да жениться на богатой, дѣтей въ знать выводить — прошло времечко! И рожа-то, слышь, не такая, и пальцы, видишь, красны, зачѣмъ водку пьешь... А какъ ее не пить - то? Попробуй! Хуже лакея, говорятъ: нынче и лакей этакихъ сапогъ не носить и рубашку каждый день мѣнять. Воспитаніе не такое — все молокососы перебили: ломаются, читаютъ, да говорятъ по-французски...

— А дѣла не смыслятъ,—прибавилъ Тарантьевъ.

— Нѣтъ, братъ, смыслятъ: дѣло-то нынче не такое; всякій хочетъ проще, все гадятъ намъ. Такъ не нужно писать: это лишняя переписка, трата времени; можно скорѣе... гадятъ!

— А контрактъ - то подписанъ: не изгадили! — сказалъ Тарантьевъ.

— То ужъ, конечно, свято. Выпьемъ, кумь! Вотъ пошлетъ Затертаго въ Обломовку, тотъ повысосетъ немного: пусть достается потомъ наслѣдникамъ...

— Пусть! — замѣтилъ Тарантьевъ. — Да наслѣдники-то какіе: троюродные, седьмая вода на киселѣ.

— Вотъ только свадьбы боюсь! — сказалъ Иванъ Матвѣвичъ.

— Не бойся, тебѣ говорятъ. Вотъ помани мое слово.

— Ой-ли? — весело возразилъ Иванъ Матвѣевичъ. — А вѣдь онъ пялить глаза на мою сестру...—шопотомъ прибавилъ онъ.

— Что ты?—съ изумленіемъ сказала Тарантьевъ.

— Молчи только! Ей-Богу такъ...

— Ну, братъ,—дивился Тарантьевъ, насилу приходя въ себя:—мнѣ бы и во снѣ не приснилось! Ну, а она что?

— Что она? Ты ее знаешь—вотъ что!

Онъ кулакомъ постучалъ объ столъ.

— Развѣ умѣеть свои выгоды соблюсти? Корова, сушая корова: ее хоть ударь, хоть обними—все ухмыляется, какъ лошадь на овесъ. Другая бы... ой-ой! Да я глазъ не спущу—понимаешь, чѣмъ это пахнетъ!

XI.

«Четыре мѣсяца! Еще четыре мѣсяца принужденій, свиданій тайкомъ, подозрительныхъ лицъ, улыбок!» думалъ Обломовъ, поднимаясь на лѣстницу къ Ильинскимъ. «Боже мой! когда это кончится? А Ольга будетъ торопить: сегодня, завтра. Она такъ настойчива, непреклонна! Ее трудно убѣдить...»

Обломовъ дошелъ почти до комнаты Ольги, не встрѣтивъ никого. Ольга сидѣла въ своей маленькой гостиной, передъ спальней, и углубилась въ чтеніе какой-то книги.

Онъ вдругъ явился передъ ней, такъ что она вздрогнула, потомъ ласково, съ улыбкой, протянула ему руку, но глаза еще какъ будто дочитывали книгу: она смотрѣла разсѣянно.

— Ты одна?—спросилъ онъ ее.

— Да; ma tante уѣхала въ Царское Село; звала меня съ собой. Мы будемъ обѣдать почти одни: Марья Семеновна только придетъ; иначе бы я не могла принять тебя. Сегодня ты не можешь объяснить. Какъ это все скучно! Зато завтра...—прибавила она и улыбнулась.—А что, если бъ я сегодня уѣхала въ Царское Село?—спросила она шутливо.

Онъ молчалъ.

— Ты озабоченъ?—продолжала она.

— Я получилъ письмо изъ деревни,—сказалъ онъ монотонно.

— Гдѣ оно? съ тобой?

Онъ подалъ ей письмо.

— Я ничего не разберу,—сказала она, посмотрѣвъ на бумагу.

Онъ взялъ у ней письмо и прочелъ вслухъ. Она задумалась.

— Что жъ теперь?—спросила она, помолчавъ.

— Я сегодня совѣтовался съ братомъ хозяйки,—отвѣчалъ Обломовъ:—и онъ рекомендуетъ мнѣ повѣреннаго, Исаю Оумича Затертаго: я поручу ему обдѣлать все это...

— Чужому, незнакому человѣку!—съ удивленіемъ возразила Ольга.—Собирать оброкъ, разбирать крестьянъ, смотрѣть за продажей хлѣба...

— Онъ говоритъ, что это честиѣйшая душа, двѣнадцать лѣтъ съ нимъ служить... Только заикается немного...

— А самъ братъ твоей хозяйки каковъ? Ты его знаешь?

— Нѣтъ; да онъ, кажется, такой положительный, дѣловой человѣкъ, и притомъ я живу у него въ домѣ: посоветится обмануть!

Ольга молчала и сидѣла, потупя глаза.

— Иначе вѣдь самому надо ѣхать,—сказалъ Обломовъ:—мнѣ бы, признаться, этого не хотѣлось. Я совсѣмъ отвыкъ ѣздить по дорогамъ, особенно зимой... никогда даже не ѣзжалъ.

Она все глядѣла внизъ, шевеля носкомъ ботинки.

— Если даже я и поѣду,—продолжалъ Обломовъ:—то вѣдь рѣшительно изъ этого ничего не выйдетъ: я толку не добьюсь; мужики меня обманутъ; староста скажетъ, что хочеть—я долженъ вѣрить всему; денегъ дать, сколько взду-

маеть. Ахъ, Андрея нѣтъ здѣсь: онъ бы все уладилъ!—съ огорченіемъ прибавилъ онъ.

Ольга усмѣхнулась, то-есть у ней усмѣхнулись только губы, а не сердце: на сердцѣ была горечь. Она начала глядѣть въ окно, прищуря немного одинъ глазъ и слѣдя за каждой проѣзжавшей каретой.

— Между тѣмъ повѣренный этотъ управлялъ большимъ имѣніемъ, — продолжалъ онъ: — да помѣщикъ отослалъ его именно потому, что заикается. Я дамъ ему довѣренность, передамъ планы: онъ распорядится закупкой матеріаловъ для постройки дома, соберетъ оброкъ, продастъ хлѣбъ, привезетъ деньги, и тогда... Какъ я радъ, милая Ольга,—сказалъ онъ, цѣлуя у ней руку:—что мнѣ не нужно покидать тебя! Я бы не вынесъ разлуки; безъ тебя въ деревнѣ, одному... это ужасъ! Но только теперь намъ надо быть очень осторожными.

Она взглянула на него такимъ большимъ взглядомъ и ждала.

— Да,—началъ онъ говорить медленно, почти заикаясь: — видѣться изрѣдка; вчера опять заговорили у насъ, даже на хозяйской половинѣ... а я не хочу этого... Какъ только всѣ дѣла устроятся, повѣренный распорядится стройкой и привезетъ деньги... все это кончится въ какой-нибудь годъ... тогда нѣтъ болѣе разлуки, мы скажемъ тѣткѣ, и... и...

Онъ взглянулъ на Ольгу: она безъ чувствъ. Голова у ней склонилась на сторону, изъ-за посинѣвшихъ губъ видны были зубы. Онъ не замѣтилъ, въ избыткѣ радости и мечтанья, что при словахъ: «когда устроятся дѣла, повѣренный распорядится», Ольга поблѣднѣла и не слыхала заключенія его фразы.

— Ольга!.. Боже мой, ей дурно!—сказалъ онъ и дернулъ звонокъ.

-- Барышнѣ дурно!—сказалъ онъ приѣзжавшей Катѣ.— Скорѣе, воды!.. спирту...

— Господи! Все утро такія веселія были... Чтò съ ними?— шептала Катя, принеся со стола тётки спиртъ и суетясь со стаканомъ воды.

Ольга очнулась, встала, съ помощью Кати и Обломова, съ кресла и, шатаясь, пошла къ себѣ въ спальню.

— Это пройдетъ,—слабо сказала она:—это нервы; я дурно спала ночь. Катя, затвори дверь, а вы подождите меня: я оправлюсь и выйду.

Обломовъ остался одинъ, прикладывая къ двери ухо, смотрѣлъ въ щель замка, но ничего не слышно и не видно.

Черезъ полчаса онъ пошелъ по коридору до дѣвичьей и спросилъ Катю:

— Чтò барышня?

— Ничего,—сказала Катя:—онѣ легли, а меня выслали; потомъ я входила: онѣ сидятъ въ креслѣ.

Обломовъ опять пошелъ въ гостиную, опять смотрѣлъ въ дверь—ничего не слышно.

Онъ чуть-чуть постучалъ пальцемъ—нѣтъ отвѣта.

Онъ сѣлъ и задумался. Много передумалъ онъ въ эти полтора часа, много измѣнилось въ его мысляхъ, много онъ принялъ новыхъ рѣшеній. Наконецъ, онъ остановился на томъ, что самъ поѣдетъ съ повѣреннымъ въ деревню, но прежде выпросить согласіе тётки на свадьбу, обручится съ Ольгой, Ивану Герасимовичу поручить отыскать квартиру и даже займетъ денегъ... немного, чтобъ свадьбу сыграть.

Этотъ долгъ можно заплатить изъ выручки за хлѣбъ. Что жъ онъ такъ приунылъ? Ахъ, Боже мой, какъ все можетъ переѣнить видъ въ одну минуту! А тамъ, въ деревнѣ, они распорядятся съ повѣреннымъ собрать оброкъ; да, наконецъ, Штольцу напишеть: тотъ дастъ денегъ и потомъ приѣдетъ и устроитъ ему Обломовку на славу, онъ всюду дороги проведетъ, и мостовъ настроитъ, и школы заведетъ... А тамъ они, съ Ольгой!.. Боже, вотъ оно, счастье! Какъ это все ему въ голову не пришло!

Вдругъ ему стало такъ легко, весело; онъ началъ ходить изъ угла въ уголь, даже пощёлкивалъ тихонько пальцами, чуть не закричалъ отъ радости, подошелъ къ двери Ольги и тихо позвалъ ее веселымъ голосомъ.

— Ольга, Ольга! Чтò я вамъ скажу!—говорилъ онъ, приложивъ губы сквозь дверь.—Никакъ не ожидаете...

Онъ даже рѣшилъ не уѣзжать сегодня отъ нея, а дожидаться тѣтки. «Сегодня же объявимъ ей, и я уѣду отсюда женихомъ».

Дверь тихо отворилась, и явилась Ольга: онъ взглянулъ на нее и вдругъ упалъ духомъ; радость его какъ въ воду канула: Ольга какъ-будто немного постарѣла. Блѣдна, но глаза блестятъ, въ замкнутыхъ губахъ, во всякой чертѣ таится внутренняя напряженная жизнь, окованная, точно льдомъ, насильственнымъ спокойствіемъ и неподвижностью.

Во взглядѣ ея онъ прочелъ рѣшеніе, но какое — еще не зналъ, только у него сердце стукнуло, какъ никогда не стучало. Такихъ минутъ не бывало въ его жизни.

— Послушай, Ольга, не гляди на меня такъ: мнѣ страшно! — сказалъ онъ. — Я передумалъ: совсѣмъ иначе надо устроить...—продолжалъ потомъ, постепенно понижая тонъ, останавливаясь и стараясь вникнуть въ этотъ новый для него смыслъ ея глазъ, губъ и говорящихъ бровей. —Я рѣшилъ самъ уѣхать въ деревню, вмѣстѣ съ повѣреннымъ... чтобъ тамъ...—едва слышно досказалъ онъ.

Она молчала, глядя на него пристально, какъ привидѣніе.

Онъ смутно догадывался, какой приговоръ ожидалъ его, и взялъ шляпу, но медилъ спрашивать: ему страшно было услышать роковое рѣшеніе и, можетъ-быть, безъ апелляціи. Наконецъ, онъ осилилъ себя.

— Такъ ли я понялъ?...—спросилъ онъ ее измѣнившимся голосомъ.

Она медленно, съ кротостью наклонила, въ знакъ согла-

сія, голову. Онъ хотя до этого угадалъ ея мысль, но поблѣднѣлъ и все стоялъ передъ ней.

Она была нѣсколько томна, но казалась такою покойною и неподвижною, какъ будто каменная статуя. Это былъ тотъ сверхъестественный покой, когда сосредоточенный замысль, или пораженное чувство даютъ человѣку вдругъ всю силу, чтобъ сдержатъ себя, но только на одинъ моментъ. Она походила на раненаго, который зажалъ рану рукой, чтобъ досказать, что нужно, и потомъ умереть.

— Ты не возненавидишь меня?—спросилъ онъ.

— За что?—сказала она слабо.

— За все, что я сдѣлалъ съ тобой...

— Что ты сдѣлалъ?

— Любилъ тебя: это оскорбленіе!

Она съ жалостью улыбнулась.

— За то, — говорилъ онъ, поникнувъ головой: — что ты ошибалась... Можетъ-быть, ты простишь меня, если вспомнишь, что я предупреждалъ, какъ тебѣ будетъ стыдно, какъ ты станешь раскаиваться...

— Я не раскаиваюсь. Мнѣ такъ больно, такъ больно...— сказала она и остановилась, чтобы перевести духъ.

— Мнѣ хуже, — отвѣчалъ Обломовъ: — но я стою этого: за что *ты* мучишься?

— За гордость, — сказала она: — я наказана, я слишкомъ понадѣялась на свои силы — вотъ въ чемъ я ошиблась, а не въ томъ, чего ты боялся. Не о первой молодости и красотѣ мечтала я: я думала, что я оживлю тебя, что ты можешь еще жить для меня — а ты ужъ давно умеръ. Я не предвидѣла этой ошибки, а все ждала, надѣялась... и вотъ!..— съ трудомъ, со вздохомъ досказала она.

Она замолчала, потомъ сѣла.

— Я не могу стоять: ноги дрожать. Камень ожилъ бы отъ того, что я сдѣлала, — продолжала она томнымъ голосомъ. — Теперь не сдѣлаю ничего, ни шагу, даже не пойду

въ Лѣтній садъ: все бесполезно — ты умерь! Ты согласишь со мной, Илья? — прибавила она потомъ, помолчавъ. — Не упрекнешь меня никогда, что я по гордости или по капризу разсталась съ тобой?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Убѣжденъ ли ты, что намъ ничего не осталось, никакой надежды?

— Да, — сказалъ онъ: — это правда... Но, можетъ-быть... — нерѣшительно прибавилъ потомъ: — черезъ годъ...

У него не доставало духа нанести рѣшительный ударъ своему счастью.

— Ужели ты думаешь, что черезъ годъ ты устроишь бы свои дѣла и жизнь? — спросила она. — Подумай!

Онъ вздохнулъ и задумался, боролся съ собой. Она прочла эту борьбу на лицѣ.

— Послушай, — сказала она: — я сейчасъ долго смотрѣла на портретъ моей матери и, кажется, заняла въ ея глазахъ совѣта и силы. Если ты теперь, какъ честный человѣкъ... Помни, Илья, мы не дѣти и не шутимъ: дѣло идетъ о цѣлой жизни! Спроси же строго у своей совѣсти и скажи — я повѣрю тебѣ, я тебя знаю: станеть ли тебя на всю жизнь? Будешь ли ты для меня тѣмъ, что мнѣ нужно? Ты меня знаешь, слѣдовательно понимаешь, что я хочу сказать. Если ты скажешь смѣло и обдуманно да: я беру назадъ свое рѣшеніе: вотъ моя рука и пойдемъ, куда хочешь, за границу, въ деревню, даже на Выборгскую Сторону!

Онъ молчалъ.

— Если бѣ ты знала, какъ я люблю...

— Я жду не увѣреній въ любви, а короткаго отвѣта, — перебила она почти сухо.

— Не мучь меня, Ольга! — съ уныніемъ умолялъ онъ.

— Что жъ, Илья, права я или нѣтъ?

— Да, — внятно и рѣшительно сказалъ онъ: — ты права!

— Такъ намъ пора разстаться,—рѣшила она:—пока не застали тебя и не видали, какъ я разстроена!

Онъ все не шелъ.

— Если бъ ты и женился, что потомъ?—спросила она.

Онъ молчалъ.

— Ты засыпалъ бы съ каждымъ днемъ все глубже — не правда ли? А я? Ты видишь, какая я? Я не состарѣюсь, не устану жить никогда. А съ тобой мы стали бы жить изо-дня-въ-день, ждать Рождества, потомъ масленицы, ѣздить въ гости, танцевать, и не думать ни о чемъ; ложились бы спать и благодарили Бога, что день скоро прошелъ, а утромъ просыпались бы съ желаніемъ, чтобъ сегодня походило на вчера... вотъ наше будущее — да? Развѣ это жизнь? Я захочу, умру... за что, Илья? Будешь ли ты счастливъ...

Онъ мучительно провелъ глазами по потолку, хотѣлъ сойти съ мѣста, бѣжать — ноги не повиновались. Хотѣлъ сказать что-то:—во рту было сухо, языкъ не ворочался, голосъ не выходилъ изъ груди. Онъ протянулъ ей руку.

— Стало-быть...—началъ онъ упавшимъ голосомъ, но не кончилъ и взглядомъ досказалъ: «прости!»

И она хотѣла что-то сказать, но ничего не сказала, протянула ему руку, но рука, не коснувшись его руки, упала; хотѣла-было также сказать: «прощай», но голосъ у ней на половинѣ слова сорвался и взялъ фальшивую ноту; лицо исказилось судорогой, она положила руку и голову ему на плечо и зарыдала. У ней какъ будто вырвали оружіе изъ рукъ. Умница пропала — явилась просто женщина, беззащитная противъ горя.

— Прощай, прощай...—вырвалось у ней среди рыданій.

Онъ молчалъ и въ ужасѣ слушалъ ея слезы, не смѣя мѣшать имъ. Онъ не чувствовалъ жалости ни къ ней, ни къ себѣ; онъ былъ самъ жалокъ. Она опустила въ кресло и, прижавъ голову къ платку, оперлась на столъ и плакала горько. Слезы текли не какъ мгновенно вырвавшаяся жар-

кая струя, отъ внезапной и временной боли, какъ тогда въ паркѣ, а изливались безотрадно, холодными потоками, какъ осенній дождь, беспощадно поливающій нивы.

— Ольга,—наконецъ сказалъ онъ:—за что ты терзаешь себя? Ты меня любишь, ты не перенесешь разлуки! Возьми меня, какъ я есть, люби во мнѣ что есть хорошаго.

Она отрицательно покачала головой, не поднимая ея.

— Нѣтъ... нѣтъ... — силилась выговорить потомъ: — за меня и за мое горе не бойся. Я знаю себя: я выплачу его и потомъ ужъ больше плакать не стану. А теперь не мѣшай плакать... уйди... Ахъ, нѣтъ, постой!.. Богъ наказываетъ меня!.. Мнѣ больно, ахъ, какъ больно... здѣсь, у сердца...

Рыданія возобновились.

— А если боль не пройдетъ,—сказалъ онъ:—и здоровье твое пошатнется? Такія слезы ядовиты. Ольга, ангелъ мой, не плачь... забудь все...

— Нѣтъ, дай мнѣ плакать! Я плачу не о будущемъ, а о прошедшемъ...—выговаривала она съ трудомъ:—оно «поблело, отошло»... Не я плачу, воспоминанія плачутъ!.. Лѣто... паркъ... помнишь? Мнѣ жаль нашей аллеи, сирени... Это все приросло къ сердцу: больно отрывать!..

Она, въ отчаяніи, качала головой и рыдала, повторяя:

— О, какъ больно, больно!

— Если ты умрешь?—вдругъ съ ужасомъ сказалъ онъ.— Подумай, Ольга...

— Нѣтъ, — перебила она, поднявъ голову и стараясь взглянуть на него сквозь слезы.—Я узнала недавно только, что я любила въ тебѣ то, что я хотѣла, чтобъ было въ тебѣ, что указалъ мнѣ Штольцъ, что мы выдумали съ нимъ. Я любила будущаго Обломова! Ты кротокъ, честенъ, Илья; ты нѣженъ... голубъ; ты прячешь голову подъ крыло — и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей... да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ

нужно чего-то еще, а чего—не знаю! Можешь ли научить меня, сказать, что это такое, чего мнѣ недостаетъ, дать это все, чтобъ я... А нѣжность... гдѣ ея нѣтъ!

У Обломова подкосились ноги; онъ сѣлъ въ кресло и стеръ платкомъ руки и лобъ.

Слово было жестоко: оно глубоко уязвило Обломова: внутри оно будто обожгло его, снаружи повѣяло на него холодомъ. Онъ въ отвѣтъ улыбнулся какъ-то жалко, болѣзненно-стыдливо, какъ нищій, котораго упрекнули его наготой. Онъ сидѣлъ съ этой улыбкой безсилія, ослабѣвшій отъ волненія и обиды; потухшій взглядъ его ясно говорилъ: «да, я скуденъ, жалокъ, нищъ... бейте, бейте меня!..»

Ольга вдругъ увидѣла, сколько яду было въ ея словѣ; она стремительно бросилась къ нему.

— Прости меня, мой другъ! — заговорила она нѣжно, будто слезами.—Я не помню, что говорю: я безумная! Забудь все; будемъ попрежнему; пусть все останется какъ было...

— Нѣтъ! — сказалъ онъ, вдругъ всталъ и, устранивъ рѣшительнымъ жестомъ ея порывъ: — Не останется! Не тревожься, что сказала правду: я стою...—прибавилъ онъ съ уныніемъ.

— Я мечтательница, фантазёрка! — говорила она. — Несчастный характеръ у меня. Отчего другія, отчего Соничка такъ счастлива...

Она заплакала.

— Уйди!—рѣшила она, терзая мокрый платокъ руками.—Я не выдержу; мнѣ еще дорого прошедшее...

Она опять закрыла лицо платкомъ и старалась заглушить рыданія.

— Отчего погибло все?—вдругъ, поднявъ голову, спросила она. — Кто проклялъ тебя, Илья? Что ты сдѣлалъ? Ты добръ, уменъ, нѣженъ, благороденъ... и.. гибнешь! Что сгубило тебя? Нѣтъ имени этому злу...

— Есть,—сказалъ онъ чуть-слышно.

Она вопросительно, полными слезъ глазами взглянула на него.

— Обломовщина! — прошепталъ онъ, потомъ взявъ ея руку, хотѣлъ поцѣловать, но не могъ, только прижалъ крѣпко къ губамъ, и горячія слезы закапали ей на пальцы. Не поднимая головы, не показывая ей лица, онъ обернулся и пошелъ.

XII.

Богъ знаетъ, гдѣ онъ бродилъ, что дѣлалъ цѣлый день, но домой вернулся поздно ночью. Хозяйка первая услышала стукъ въ ворота и лай собаки, и растолкала отъ сна Анисью и Захара, сказавъ, что баринъ воротился.

Илья Ильичъ почти не замѣтилъ, какъ Захаръ раздѣлъ его, стащилъ сапоги и накинулъ на него—халатъ!

— Что это?—спросилъ онъ только, поглядѣвъ на халатъ.

— Хозяйка сегодня принесла: вымыли и починили халатъ,—сказалъ Захаръ.

Обломовъ какъ сѣлъ, такъ и остался въ креслѣ.

Все погрузилось въ сонъ и мракъ около него. Онъ сидѣлъ опершись на руку, не замѣчалъ мрака, не слышалъ боя часовъ. Умъ его утонулъ въ хаосъ безобразныхъ, неясныхъ мыслей; онѣ неслись, какъ облака въ небѣ, безъ цѣли и безъ связи—онъ не ловилъ ни одной.

Сердце было убито: тамъ на время затихла жизнь. Возвращеніе къ жизни, къ порядку, къ теченію правильнымъ путемъ скопившагося напора жизненныхъ силъ совершалось медленно.

Приливъ былъ очень жестокъ, и Обломовъ не чувствовалъ тѣла на себѣ, не чувствовалъ ни усталости, никакой потребности. Онъ могъ лежать, какъ камень, цѣлыя сутки, или цѣлыя сутки идти, ѣхать, двигаться, какъ машина.

Понемногу, труднымъ путемъ вырабатывается въ чело-

вѣкъ или покорность судьбѣ — и тогда организмъ медленно и постепенно вступаетъ во всѣ свои отправления, — или горе сломитъ человѣка и онъ не встанетъ больше, смотря по горю, и по человѣку тоже.

Обломовъ не помнилъ, гдѣ онъ сидитъ, даже сидѣлъ ли онъ: машинально смотрѣлъ и не замѣчалъ, какъ забрезжилось утро; слышалъ и не слышалъ, какъ раздался сухой кашель старухи, какъ сталъ дворникъ колоть дрова на дворѣ, какъ застучали и загремѣли въ домѣ, видѣлъ и не видалъ, какъ хозяйка и Акулина пошли на рынокъ, какъ мелькнулъ пакетъ мимо забора.

Ни пѣтухи, ни лай собаки, ни скрипъ воротъ не могли вывести его изъ столбняка. Загремѣли чашки, зашипѣлъ самоваръ.

Наконецъ, часу въ десятомъ Захаръ отворилъ подносомъ дверь въ кабинетъ, лягнувъ, по обыкновенію, назадъ ногой, чтобъ затворить ее и, по обыкновенію, промахнувся, но удержалъ, однакожъ, подносъ: наметался отъ долговременной практики, да притомъ зналъ, что сзади смотреть въ дверь Анисья, и только урони онъ что-нибудь, она сейчасъ подскочитъ и сконфузитъ его.

Онъ благополучно дошелъ, уткнувъ бороду въ подносъ и обнявъ его крѣпко, до самой постели, и только располагалъ поставить чашки на столъ подлѣ кровати и разбудить барана — глядь, постель не измята, барина нѣтъ!

Онъ встрепенулся, и чашка полетѣла на полъ, за ней сахарница. Онъ сталъ ловить вещи на воздухѣ и качалъ подносомъ, другія летѣли. Онъ успѣлъ удержать на подносѣ только ложечку.

— Что это за напасть такая? — говорилъ онъ, глядя, какъ Анисья подбирала куски сахару, черепки чашки, хлѣбъ. — Гдѣ же баринъ?

А баринъ сидитъ въ креслѣ и лица на немъ нѣтъ. Захаръ посмотрѣлъ на него съ разинутымъ ртомъ.

— Вы зачѣмъ это, Илья Ильичъ, всю ночь просидѣли въ креслѣ, не ложились?—спросилъ онъ.

Обломовъ медленно обернулъ къ нему голову, разсѣянно посмотрѣлъ на Захара, на розлитый кофе, на разбросанный по ковру сахаръ.

— А ты зачѣмъ чашку-то разбилъ?—сказалъ онъ, потомъ подошелъ къ окну.

Снѣгъ валилъ хлопьями и густо устилалъ землю.

— Снѣгъ, снѣгъ, снѣгъ! — твердилъ онъ бессмысленно, глядя на снѣгъ, густымъ слоемъ покрывшій заборъ, плетень и гряды на огородѣ.—Все засыпалъ!—шепнулъ потомъ отчаянно, легъ въ постель и заснулъ свинцовымъ, безотраднѣмъ сномъ.

Ужь было за полдень, когда его разбудилъ скрипъ двери съ хозяйской половины; изъ двери просунулась обнаженная рука, съ тарелкой; на тарелкѣ дымился пирогъ.

— Сегодня воскресенье,—говорилъ ласково голосъ:—пирогъ пекли; не угодно ли закусить?

Но онъ не отвѣчалъ ничего: у него была горячка.

Часть четвертая.

I.

Годъ прошелъ со времени болѣзни Ильи Ильича. Много переменъ принесъ этотъ годъ въ разныхъ мѣстахъ міра: тамъ взволновалъ край, а тамъ успокоилъ; тамъ закатилось какое-нибудь свѣтило міра, тамъ засіяло другое; тамъ міръ усвоилъ себѣ новую тайну бытія, а тамъ рушились въ прахъ жилища и поколѣнія. Гдѣ падала старая жизнь, тамъ, какъ молодая зелень, пробивалась новая...

И на Выборгской Сторонѣ, въ домѣ вдовы Пшеницыной, хотя дни и ночи текутъ мирно, не внося буйныхъ и внезапныхъ переменъ въ однообразную жизнь, хотя четыре времени года повторили свои отправленія, какъ въ прошедшемъ году, но жизнь все-таки не останавливалась, все мѣнялась въ своихъ явленіяхъ, но мѣнялась съ такою медленною постепенностью, съ какою происходятъ геологическія видоизмѣненія нашей планеты: тамъ потихоньку осыпается гора, здѣсь цѣлые вѣка море наноситъ илъ, или отступаетъ отъ берега и образуетъ приращеніе почвы.

Илья Ильичъ выздоровѣлъ. Повѣренный Затертый отправился въ деревню и прислалъ вырученные за хлѣбъ деньги сполна и былъ изъ нихъ удовлетворенъ прогонами, суточными деньгами и вознагражденіемъ за трудъ.

Что касается оброка, то Затертый писалъ, что денегъ

этихъ собрать нельзя, что мужики частью разорились, частью ушли по разнымъ мѣстамъ и гдѣ находятся—неизвѣстно, и что онъ собираетъ на мѣстѣ дѣятельныя справки.

О дорогѣ, о мостахъ, писалъ онъ, что время терпѣть, что мужики охотнѣе предпочитаютъ переваливаться черезъ гору и черезъ оврагъ до торговаго села, чѣмъ работать надъ устройствомъ новой дороги и мостовъ.

Словомъ, свѣдѣнія и деньги получены удовлетворительныя, и Илья Ильичъ не встрѣтилъ крайней надобности ѣхать самому и былъ съ этой стороны успокоенъ до будущаго года.

Повѣренный распорядился и насчетъ постройки дома: опредѣливъ, вмѣстѣ съ губернскимъ архитекторомъ, количество нужныхъ матеріаловъ, онъ оставилъ старостѣ приказъ, съ открытіемъ весны, возить лѣсъ и велѣлъ построить сарай для кирпича, такъ что Обломову оставалось только пріѣхать весной и, благословясь, начать стройку при себѣ. Къ тому времени предполагалось собрать оброкъ и, кромѣ того, было въ виду заложить деревню, слѣдовательно, расходы было изъ чего покрыть.

Послѣ болѣзни Илья Ильичъ долго былъ мраченъ, по цѣлымъ часамъ повергался въ болѣзненную задумчивость и иногда не отвѣчалъ на вопросы Захара, не замѣчалъ, какъ онъ ронялъ чашки на полъ и не сметалъ со стола пыль, или хозяйка, являясь по праздникамъ съ пирогомъ, заставляла его въ слезахъ.

Потомъ, мало-по-малу, мѣсто живого горя заступило нѣмое равнодушіе. Илья Ильичъ по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ, какъ падалъ снѣгъ и наносилъ сугробы на дворъ и на улицѣ, какъ покрылъ дрова, курятники, конуру, садикъ, гряды огорода, какъ изъ столбовъ забора образовались пирамиды, какъ все умерло и окуталось въ саванъ.

Подолгу слушалъ онъ трескъ кофейной мельницы, ска-

канье на пѣши и лай собаки, чищенье сапогъ Захаромъ и мѣрный стукъ маятника.

Къ нему, попрежнему, входила хозяйка, съ предложениемъ купить что-нибудь, или откушать чего-нибудь; бѣгали хозяйскія дѣти: онъ равнодушно-ласково говорилъ съ первой, послѣднимъ задавалъ уроки, слушалъ, какъ они читаютъ, и улыбался на ихъ дѣтскую болтовню вяло и нѣхотя.

Но гора осыпалась понемногу, море отступало отъ берега, или приливало къ нему, и Обломовъ мало-по-малу входилъ въ прежнюю нормальную свою жизнь.

Осень, лѣто и зима прошли вяло, скучно. Но Обломовъ ждалъ опять весны и мечталъ о поѣздкѣ въ деревню.

Въ мартѣ напекли жаворонковъ, въ апрѣлѣ у него выставили рамы и объявили, что вскрылась Нева и наступила весна.

Онъ бродилъ по саду. Потомъ стали сажать овощи въ огородѣ; пришли разные праздники. Троица, семикъ, первое мая: все это ознаменовалось березками, вѣнками; въ рошѣ пили чай.

Съ начала лѣта въ домѣ стали поговаривать о двухъ большихъ предстоящихъ праздникахъ: Ивановѣ днѣ, именинахъ брата, и объ Ильинѣ днѣ—именинахъ Обломова: это были двѣ важныя эпохи въ виду. И когда хозяйкѣ случилось купить, или видѣть на рынкѣ отличную четверть телятины, или удавался особенно хорошо пирогъ, она приговаривала:

— Ахъ, если бъ такая телятина попалась, или такой пирогъ удался въ Ивановъ или въ Ильинъ день!

Поговаривали объ ильинской пятницѣ и о совершаемой ежегодно на Пороховые заводы прогулкѣ ильникомъ, о праздникѣ на Смоленскомъ кладбищѣ, въ Колинѣ.

Подъ окнами снова раздалось тяжелое кудахтанье насѣдки и искъ новаго поколѣнія цыплятъ; пошли пироги

съ цыплятами и свѣжими грибами, свѣжепросольные огурцы; вскорѣ появились и ягоды.

— Потроха ужъ теперъ не хороши, — сказала хозяйка Обломову: — вчера за двѣ пары маленькихъ просили семь гривенъ, зато лососина свѣжая есть: ботвинью хоть каждый день можно готовить.

Хозяйственная часть въ домѣ Пшеницыной процвѣтала не потому только, что Агаѣя Матвѣевна была образцовая хозяйка, что это было ея призваніемъ, но и потому еще, что Иванъ Матвѣвичъ Мухоморовъ былъ, въ гастрономическомъ отношеніи, великій эпигурецъ. Онъ былъ болѣе нежели небреженъ въ платьѣ, въ бѣльѣ: платье носилъ по многимъ годамъ и тратилъ деньги на покупку новаго съ отвращеніемъ и досадой, не развѣшивалъ его тщательно, а сваливалъ въ уголь, въ кучу. Бѣлье, какъ чернорабочій, мѣнялъ только въ субботу; но что касалось стола, онъ не щадилъ издержекъ.

Въ этомъ онъ отчасти руководствовался своею собственной, созданной имъ, со времени вступленія въ службу, логикой: «не увидятъ что въ брюхѣ—и толковать пустяковъ не стануть; тогда какъ тяжелая цѣпочка на часахъ, новый фракъ, свѣтлые сапоги — все это порождаетъ лишніе разговоры».

Отъ этого на столѣ у Пшеницыныхъ являлась телятина перваго сорта, лютарная осетрина, бѣлые рябчики. Онъ иногда самъ обходить и обнюхаетъ, какъ легавая собака, рынокъ, или Милютины лавки, подъ полой принесеть лучшую пулярку, не пожалѣетъ четырехъ рублей на индѣйку.

Вино онъ бралъ съ биржи и пряталъ самъ, и самъ доставалъ; но на столѣ никогда никто не видалъ ничего, кромѣ графина водки, настоянной смородинымъ листомъ; вино же вышивалось въ свѣтлицѣ.

Когда онъ съ Тарантьевымъ отправлялся на тону, въ пальто у него всегда спрятана была бутылка высокаго сорта

мадеры, а когда пили они «въ заведеніи» чай, онъ принесли свой ромъ.

Постепенная осадка, или выступленіе дна морского и осыпка горы совершались надъ всѣмъ и, между прочимъ, надъ Анисей: взаимное влеченіе Анисьи и хозяйки превратилось въ неразрывную связь, въ одно существованіе.

Обломовъ, видя участіе хозяйки въ его дѣлахъ, предложили однажды ей, въ видѣ шутки, взять всѣ заботы о его продовольствіи на себя и избавить его отъ всякихъ хлопотъ.

Радость разлилась у ней по лицу; она усмѣхнулась даже сознательно. Какъ расширилась ея арена: вмѣсто одного, два хозяйства, или одно, да какое большое! Кромѣ того, она приобрѣтала Анисью.

Хозяйка поговорила съ братцемъ, и на другой день изъ кухни Обломова все было перетаскано на кухню Пшеничной: серебро его и посуда поступили въ ея буфетъ, а Акулина была разжалована изъ кухарокъ въ птичницы и въ огородницы.

Все пошло на большую ногу; закупка сахару, чаю, провизіи, соленье огурцовъ, моченье яблокъ и вишенъ, варенье—все приняло обширные размѣры.

Агаѣя Матвѣевна выросла, Анисья расправила свои руки, какъ орлица крылья, и жизнь закипѣла и потекла рѣкой.

Обломовъ обѣдалъ съ семьей въ три часа, только братецъ обѣдали особо, послѣ, больше въ кухнѣ, потому что очень поздно приходили изъ должности.

Чай и кофе носила Обломову сама хозяйка, а не Захаръ.

Послѣдній, если хотѣлъ, стиралъ пыль, а если не хотѣлъ, такъ Анисья влетитъ какъ вихрь, и отчасти фартукомъ, отчасти голой рукой, почти носомъ, разомъ все сдуетъ, смахнетъ, сдернетъ, уберетъ и исчезнетъ; не то, такъ сама хозяйка, когда Обломовъ выйдетъ въ садъ, заглянетъ къ нему въ комнату, найдетъ безпорядокъ, покачаетъ голо-

вой и, ворча что-то про себя, взобьет подушки горой, тут же посмотреть наволочки, опять шепнетъ себѣ, что надо перемѣнить, и сдернетъ ихъ, оботретъ окна, заглянетъ за спинку дивана и уйдетъ.

Постепенная осадка дна морского, осыпанье горъ, наносный илъ, съ прибавкой легкихъ вулканическихъ взрывовъ — все это совершилось всего болѣе въ судьбѣ Агаеи Матвѣевны, и никто, всего менѣе она сама, не замѣчалъ это. Оно стало замѣтно только по обильнымъ, неожиданнымъ и безконечнымъ послѣдствіямъ.

Отчего она съ нѣкоторыхъ поръ стала сама не своя?

Отчего прежде, если подгорить жаркое, переварится рыба въ ухѣ, не положится зелени въ супъ, она строго, но съ спокойствіемъ и достоинствомъ сдѣлаетъ замѣчаніе Акулинѣ и забудетъ, а теперь, если случится что-нибудь подобное, она выскочитъ изъ-за стола, побѣжитъ на кухню, осыплетъ всюю горечью упрековъ Акулину и даже надуется на Анисью, а на другой день присмотритъ сама, положена ли зелень, не переварилась ли рыба.

Скажутъ, можетъ-быть, что она совѣстится показаться неисправной въ глазахъ посторонняго человѣка въ такомъ предметѣ, какъ хозяйство, на которомъ сосредоточивалось ея самолюбіе и вся ея дѣятельность!

Хорошо. А почему прежде, бывало, съ восьми часовъ вечера у ней слипаются глаза, а въ девять, уложивъ дѣтей и осмотрѣвъ, потушены ли огни на кухнѣ, закрыты ли трубы, прибрано ли все, она ложится — и уже никакая пушка не разбудитъ ее до шести часовъ?

Теперь же, если Обломовъ поѣдетъ въ театръ или засидится у Ивана Герасимовича и долго не ѣдетъ, ей не спится, она ворочается съ боку на бокъ, крестится, вздыхаетъ, закрываетъ глаза — нѣтъ сна, да и только!

Чуть застучать на улицѣ, она подниметъ голову, иногда

вскочить съ постели, отворить форточку и слушает: не онъ ли?

Если застучать въ ворота, она накинеть юбку и бѣжитъ въ кухню, расталкиваетъ Захара, Анисью и посылаетъ отворить ворота.

Скажутъ, можетъ-быть, что въ этомъ высказывается добросовѣстная домохозяйка, которой не хочется, чтобъ у ней въ домѣ былъ безпорядокъ, чтобъ жилецъ ждалъ ночью на улицѣ, пока пьяный дворникъ услышитъ и отопретъ, что, наконецъ, продолжительный стукъ можетъ перебудить дѣтей...

Хорошо. А отчего, когда Обломовъ сдѣлался боленъ, она никого не впускала къ нему въ комнату, устлала ее войлоками и коврами, завѣсила окна и приходила въ ярость — она, такая добрая и кроткая,—если Ваня или Маша чуть вскрикнуть или громко засмѣются?

Отчего по ночамъ, не надѣясь на Захара и Анисью, она просиживала у его постели, не спуская съ него глазъ, до ранней обѣдни, а потомъ, накинувъ салогъ и написавъ крупными буквами на бумажкѣ: «Илья», бѣжала въ церковь, подавала бумажку въ алтарь, помянуть за здравіе, потомъ отходила въ уголь, бросалась на колѣни и долго лежала, припавъ головой къ полу, потомъ поспѣшно шла на рынокъ и съ боязнью возвращалась домой, взглядывала въ дверь и шопотомъ спрашивала у Анисьи:

— Что?

Скажутъ, что это ничего больше, какъ жалость, состраданіе, господствующіе элементы въ существѣ женщины.

Хорошо. Отчего же, когда Обломовъ, выздоравливая, всю зиму былъ мраченъ, едва говорилъ съ ней, не заглядывалъ къ ней въ комнату, не интересовался, что она дѣлаетъ, не шутилъ, не смѣялся съ ней—она похудѣла, на нее вдругъ палъ такой холодъ, такая нѣхоть ко всему: мелеть она кофе — и не помнить что дѣлаетъ, или наладеть такую

пропасть цикорія, что пить нельзя—и не чувствуетъ, точно языка нѣтъ. Не доваритъ Акулина рыбу, разворчатся братецъ, уйдутъ изъ-за стола: она, точно каменная, будто и не слышитъ.

Прежде, бывало, ее никто не видалъ задумчивой, да это и не къ лицу ей: все она ходитъ, да движется, на все смотритъ зорко и видитъ все, а тутъ вдругъ, со ступкой на колѣняхъ, точно заснетъ и не двигается, потомъ вдругъ такъ начнетъ колотить пестикомъ, что даже собака залаетъ, думая, что стучатся въ ворота.

Но только Обломовъ ожилъ, только появилась у него добрая улыбка, только онъ началъ смотрѣть на нее, попрежнему, ласково, заглядывать къ ней въ дверь и шутить—она опять пополнила, опять хозяйство ея пошло живо, бодро, весело, съ маленькимъ оригинальнымъ оттѣнкомъ: бывало, она движется цѣлый день, какъ хорошо-устроенная машина, стройно, правильно, ходитъ плавно, говоритъ ни тихо, ни громко, намелетъ кофе, наколетъ сахару, просѣетъ что-нибудь, сядетъ за шитье, игла у ней ходитъ мѣрно, какъ часовая стрѣлка; потомъ она встанетъ, не суетясь; тамъ остановится на подорогѣ въ кухню, отворитъ шкапъ, вынетъ что-нибудь, отнесетъ—все какъ машина.

А теперь, когда Илья Ильичъ сдѣлался членомъ ея семейства, она и толчетъ, и сѣетъ иначе. Свои кружева почти забыла. Начнетъ шить, усядется покойно, вдругъ Обломовъ кричитъ Захару, чтобъ кофе подавалъ—она, въ три прыжка, является въ кухню и смотритъ во всѣ глаза такъ, какъ будто прицѣливается во что-нибудь, схватитъ ложечку, перельетъ на свѣту ложечки три, чтобъ узнать, уварился ли, отстоялся ли кофе, не подали бы съ гущей, посмотреть, есть ли пѣнки въ сливкахъ.

Готовится ли его любимое блюдо, она смотритъ на кастрюлю, подниметъ крышку, понюхаетъ, отвѣдаетъ, потомъ схватитъ кастрюлю сама и держитъ на огнѣ. Третъ ли

миндаль, или толчетъ что-нибудь для него, такъ третъ и толчетъ съ такимъ огнемъ, съ такой силой, что ее бросить въ потъ.

Все ея хозяйство, толченье, глаженъе, просѣванье и т. п.— все это получило новый, живой смыслъ: покой и удобство Ильи Ильича. Прежде она видѣла въ этомъ обязанность, теперь это стало ея наслажденіемъ. Она стала жить, по-своему, полно и разнообразно.

Но она не знала, что съ ней дѣлается, никогда не спрашивала себя, а перешла подъ это сладостное иго безусловно, безъ сопротивленій и увлеченій, безъ трепета, безъ страсти, безъ смутныхъ предчувствій, томленій, безъ игры и музыки нервъ.

Она какъ-будто вдругъ перешла въ другую вѣру и стала исповѣдывать ее, не разсуждая, что это за вѣра, какіе догматы въ ней, а слѣпо повинуюсь ея законамъ.

Это какъ-то легло на нее само собой, и она подошла точно подъ тучу, не пятясь назадъ и не забѣгая впередъ, а полюбила Обломова просто, какъ будто простудилась и схватила неизлѣчимую лихорадку.

Она сама и не подозрѣвала ничего: если бъ это ей сказать, то это было бы для нея новостью—она бы усмѣхнулась и застыдилась.

Она молча приняла обязанности въ отношеніи къ Обломову, выучила фізіономію каждой его рубашки, сосчитала протертые пятки на чулкахъ, знала, какой ногой онъ встаетъ съ постели, замѣчала, когда хочетъ сѣсть ячмень на глазъ, какого блюда и по сколько сѣдаетъ онъ, весель онъ или скучень, много спалъ или нѣтъ, какъ будто дѣлала это всю жизнь, не спрашивая себя, зачѣмъ, что такое ей Обломовъ, отчего она такъ суетится.

Если бъ ее спросили, любить ли она его, она бы опять усмѣхнулась и отвѣчала утвердительно, но она отвѣчала бы такъ и тогда, когда Обломовъ жилъ у нея всего съ недѣлю.

За что или отчего полюбила она его именно, отчего, не любя, вышла замужъ, не любя дождала до тридцати лѣтъ, а тутъ вдругъ какъ будто на нее нашло?

Хотя любовь и называютъ чувствомъ капризнымъ, безотчетнымъ, рождающимся какъ болѣзнь, однакожь и она, какъ все, имѣетъ свои законы и причины. А если до сихъ поръ эти законы изслѣдованы мало, такъ это потому, что человеку, пораженному любовью, не до того, чтобъ ученымъ окомъ слѣдить, какъ вкрадывается въ душу впечатлѣніе, какъ оковываетъ будто сномъ чувства, какъ сначала ослѣпнуть глаза, съ какого момента пульсъ, а за нимъ сердце начинаетъ биться сильнѣе, какъ является со вчерашняго дня вдругъ преданность до могилы, стремленіе жертвовать собою, какъ мало-по-малу исчезаетъ свое *я* и переходитъ въ *него*, или въ *нее*, какъ умъ необыкновенно тупѣетъ или необыкновенно изощряется, какъ воля отдается въ волю другого, какъ клонится голова, дрожать колѣни, являются слезы, горячка...

Агаоыя Матвѣевна мало прежде видала такихъ людей, какъ Обломовъ, а если видала, такъ издали, и, можетъ-быть, они нравились ей, но жили они въ другой, не въ ея сферѣ, и не было никакого случая къ сближенію съ ними.

Илья Ильичъ ходитъ не такъ, какъ ходилъ ея покойный мужъ, коллежскій секретарь Пшеницынъ, мелкой, дѣловой прытью, не пишетъ безпрестанно бумагъ, не трясется отъ страха, что опоздастъ въ должность, не глядитъ на всякаго такъ, какъ будто проситъ осѣдлатъ его и поѣхать, а глядитъ онъ на всѣхъ и на все такъ смѣло и свободно, какъ будто требуетъ покорности себѣ.

Лицо у него не грубое, не красноватое, а бѣлое, нѣжное; руки не похожи на руки брата—не трясутся, не красныя, а бѣлыя, небольшія. Сядетъ онъ, положитъ ногу на ногу, подопретъ голову рукой—все это дѣлаетъ такъ вольно, покойно и красиво; говоритъ такъ, какъ не говорятъ ея бра-

тецъ и Тарантьевъ, какъ не говорилъ мужъ; многого она даже не понимаетъ, но чувствуетъ, что это умно, прекрасно, необыкновенно; да и то, что она понимаетъ, онъ говоритъ какъ-то иначе, нежели другіе.

Бѣлье носитъ тонкое, мѣняетъ его каждый день, моется душистымъ мыломъ, ногти чиститъ—весь онъ такъ хорошъ, такъ чистъ, можетъ ничего не дѣлать и не дѣлаетъ, ему дѣлаютъ все другіе: у него есть Захаръ и еще триста Захаровъ!..

Онъ баринъ, онъ сіяетъ, блещетъ! Притомъ онъ такъ добръ: какъ мягко онъ ходитъ, дѣлаетъ движенія, дотронется до руки — какъ бархатъ, а тронетъ, бывало, рукой мужъ—какъ ударить! И глядитъ онъ, и говоритъ такъ же мягко, съ такой добротой...

Она не думала, не сознавала всего этого, но если бъ кто другой вздумалъ услѣдить и объяснить впечатлѣніе, сдѣланное на ея душу появленіемъ въ ея жизни Обломова, тотъ бы долженъ былъ объяснить его такъ, а не иначе.

Илья Ильичъ понималъ, какое значеніе онъ внесъ въ этотъ уголокъ, начиная съ брата до цѣпной собаки, которая, съ появленіемъ его, стала получать вдвое больше костей, но онъ не понималъ, какъ глубоко пустило корни это значеніе и какую неожиданную побѣду онъ сдѣлалъ надъ сердцемъ хозяйки.

Въ ея суетливой заботливости о его столѣ, бѣльѣ и комнатахъ онъ видѣлъ только проявленіе главной черты ея характера, замѣченной имъ еще въ первое посѣщеніе, когда Акулина внесла внезапно въ комнату трепещущаго пѣтуха и когда хозяйка, несмотря на то, что смущена была неумѣстной ревностью кухарки, успѣла, однако, сказать ей, чтобъ она отдала лавочнику не этого, а сѣраго пѣтуха.

Сама Агаея Матвѣевна не въ силахъ была не только пококетничать съ Обломовымъ, показать ему какимъ-нибудь признакомъ, что въ ней происходитъ, но она, какъ сказано,

никогда не сознавала и не понимала этого, даже забыла, что, нѣсколько времени назадъ, этого ничего не происходило въ ней, и любовь ея высказалась только въ безграничной преданности до гроба.

У Обломова не были открыты глаза на настоящее свойство ея отношеній къ нему, и онъ продолжалъ принимать это за характеръ. И чувство Пшеницыной, такое нормальное, естественное, безкорыстное, оставалось тайною для Обломова, для окружающихъ ее и для нея самой.

Оно было въ самомъ дѣлѣ безкорыстно, потому что она ставила свѣчку въ церкви, поминала Обломова за здравіе затѣмъ только, чтобъ онъ выздоровѣлъ, и онъ никогда не узналъ объ этомъ. Сидѣла она у изголовья его ночью и уходила съ зарей, и потомъ не было разговора о томъ.

Его отношенія къ ней были гораздо проще: для него въ Агаѣ Матвѣевѣ, въ ея вѣчно движущихся локтяхъ, въ заботливо останавливающихся на всемъ глазахъ, въ вѣчномъ хожденіи изъ шкапа въ кухню, изъ кухни въ кладовую, оттуда въ погребъ, во всезнаніи всѣхъ домашнихъ и хозяйственныхъ удобствъ, воплощался идеалъ того необозримого, какъ океанъ, и ненарушимого покоя жизни, картина котораго неизгладимо легла на его душу въ дѣтствѣ, подъ отеческой кровлей.

Какъ тамъ отецъ его, дѣдъ, дѣти, внучата и гости сидѣли или лежали въ лѣнивомъ покоѣ, зная, что есть въ домѣ вѣчно ходящее около нихъ и промышленяющее око и непокладныя руки, которыя обошьютъ ихъ, накормятъ, напоятъ, одѣнутъ и обуютъ и спать положить, а при смерти закроютъ имъ глаза, такъ и тутъ Обломовъ, сидя и не трогаясь съ дивана, видѣлъ, что движется что-то живое и проворное въ его пользу, и что не взойдетъ завтра солнце, застелютъ небо вихри, понесется бурный вѣтръ изъ концовъ въ концы вселенной, а супъ и жаркое явятся у него на столѣ, и бѣлье его будетъ чисто и свѣжо, а паутина снята со стѣны,

и онъ не узнаеть, какъ это сдѣлается, не дастъ себѣ труда подумать чего ему хочется, а оно будетъ угадано и принесено ему подъ-носъ, не съ лѣнью, не съ грубостью, не грязными руками Захара, а съ бодрымъ и кроткимъ взглядомъ, съ улыбкой глубокой преданности, чистыми, бѣлыми руками и съ голыми локтями.

Онъ каждый день все болѣе и болѣе дружился съ хозяйкой: о любви и въ умъ ему не приходило, то-есть о той любви, которую онъ недавно перенесъ, какъ какую-нибудь оспу, корь или горячку, и содрогался, когда вспоминалъ о ней.

Онъ сближался съ Агаѳею Матвѣевною—какъ будто подвигался къ огню, отъ котораго становится все теплѣе и теплѣе, но котораго любить нельзя.

Онъ послѣ обѣда охотно оставался и курилъ трубку въ ея комнатѣ, смотрѣлъ, какъ она укладывала въ буфетъ серебро, посуду, какъ вынимала чашки, наливала кофе, какъ, особенно тщательно вымывъ и обтеревъ одну чашку, наливала прежде всѣхъ, подавала ему и смотрѣла, доволенъ ли онъ.

Онъ охотно останавливалъ глаза на ея полной шеѣ и круглыхъ локтяхъ, когда отворялась дверь къ ней въ комнату, и даже, когда она долго не отворялась, онъ потихоньку ногой отворялъ ее самъ и шутилъ съ ней, игралъ съ дѣтьми.

Но ему не было скучно, если утро проходило и онъ не видалъ ея; послѣ обѣда, вмѣсто того, чтобъ остаться съ ней, онъ часто уходилъ соснуть часа на два; но онъ зналъ, что лишь только онъ проснется, чай ему готовъ, и даже въ ту самую минуту, какъ проснется.

И главное, все это дѣлалось покойно: не было у него ни опухоли у сердца, ни разу онъ не волновался тревогой о томъ, увидитъ ли онъ хозяйку или нѣтъ, что она подумаетъ,

что сказать ей, какъ отвѣчать на ея вопросъ, какъ она взглянетъ—ничего, ничего.

Тоски, бессонныхъ ночей, сладкихъ и горькихъ слезъ—ничего не испыталъ онъ. Сидитъ и курить, и глядитъ, какъ она шьетъ, иногда скажетъ что-нибудь или ничего не скажетъ, а между тѣмъ покойно ему, ничего не надо, никуда не хочется, какъ будто все тутъ есть, что ему надо.

Никакихъ понуканій, никакихъ требованій не предъявляетъ Агаѣя Матвѣевна. И у него не рождается никакихъ самолюбивыхъ желаній, позывовъ, стремленій на подвиги, мучительныхъ терзаній о томъ, что уходитъ время, что гибнуть его силы, что ничего не сдѣлалъ онъ, ни зла, ни добра, что празденъ онъ и не живетъ, а прозябаетъ.

Его какъ будто невидимая рука посадила, какъ драгоценное растеніе, въ тѣнь отъ жара, подъ кровъ отъ дождя, и ухаживаетъ за нимъ, летѣтъ.

— Что это какъ у васъ проворно ходитъ игла мимо носа, Агаѣя Матвѣевна!—сказала Обломовъ.—Вы такъ живо снизу поддѣваете, что я, право, боюсь, какъ бы вы не пришли носа къ юбкѣ.

Она усмѣхнулась.

— Вотъ только дострочу эту строчку,—говорила она почти про-себя:—ужинать станемъ.

— А что къ ужину?—спрашиваетъ онъ.

— Капуста кислая съ лососиной, — сказала она. — Осетрины нѣтъ нигдѣ: ужъ я всѣ лавки выходила и братецъ спрашивали—нѣтъ. Вотъ развѣ попадется живой осетръ—купецъ изъ каретнаго ряда заказалъ—такъ обѣщали часть отрѣзать. Потомъ телятина, каша на сковородѣ...

— Вотъ это прекрасно! Какъ вы милы, что вспомнили, Агаѣя Матвѣевна! Только не забыла бы Анисья.

— А я-то на что? Слышите, шипитъ?—отвѣчала она, отворивъ немного дверь въ кухню.—Ужъ жарится.

Потомъ дошла, откусила нитку, свернула работу и отнесла въ спальню.

Итакъ, онъ подвигался къ ней, какъ къ теплomu огню, и однажды подвинулся очень близко, почти до пожара, по крайней мѣрѣ до вспышки.

Онъ ходилъ по своей комнатѣ и, оборачиваясь къ хозяйской двери, видѣлъ, что локти дѣйствуютъ съ необыкновеннымъ проворствомъ.

— Вѣчно заняты!—сказалъ онъ, входя къ хозяйкѣ.—Что это такое?

— Корицу толку,—отвѣчала она, глядя въ ступку, какъ въ пропасть, и немилосердно стуча пестикомъ.

— А если я вамъ помѣшаю?—спросилъ онъ, взявъ ее за локти и не давая толочь.

— Пустите! Еще надо сахару натолочь, да вина отпустить на пуддингъ.

Онъ все держалъ ее за локти, и лицо его было у нея затылка.

— Скажите, что если бъ я васъ... полюбилъ?

Она усмѣхнулась.

— А вы бы полюбили меня?—опять спросилъ онъ.

— Отчего же не полюбить? Богъ всѣхъ велѣлъ любить.

— А если я поцѣлую васъ?—шепнулъ онъ, наклоняясь къ ея щекѣ, такъ что дыханіе его обожгло ей щеку.

— Теперь не святая недѣля,—сказала она съ усмѣшкой.

— Ну, поцѣлуйте же меня!

— Вотъ, Богъ дастъ, доживемъ до Пасхи, такъ поцѣлуемся,—сказала она, не удивляясь, не смущаясь, не робѣя, а стоя прямо и неподвижно, какъ лошадь, на которую надѣваютъ хомутъ. Онъ слегка поцѣловалъ ее въ шею.

— Смотрите, просыплю корицу; вамъ же нѣчего будетъ въ пирожное положить,—замѣтила она.

— Не бѣда!—отвѣчалъ онъ.

— Что это у васъ на халатѣ опять пятно?—заботливо

спросила она, взявъ въ руки полу халата. — Кажется, масло? — Она понюхала пятно. — Гдѣ это вы? Не съ лампы ли накапало?

— Не знаю, гдѣ это я приобрѣлъ.

— Вѣрно, за дверь задѣли? — вдругъ догадалась Агаѣя Матвѣевна. — Вчера мазали петли: все скрипятъ. Скиньте, да дайте скорѣе, я выведу и замою: завтра ничего не будетъ.

— Добрая Агаѣя Матвѣевна! — сказалъ Обломовъ, лѣниво сбрасывая съ плечъ халатъ. — Знаете что: поѣдемте-ка въ деревню жить: тамъ-то хозяйство! Чего, чего нѣтъ: грибовъ, ягодъ, варенья, птичій, скотный дворъ...

— Нѣтъ, зачѣмъ? — заключила она со вздохомъ. — Здѣсь родились, вѣкъ жили, здѣсь и умереть надо.

Онъ глядѣлъ на нее съ легкимъ волненіемъ, но глаза не блистали у него, не наполнялись слезами, не рвался духъ на высоту, на подвиги. Ему только хотѣлось сѣсть на диванъ и не спускать глазъ съ ея локтей.

II.

Ивановъ-день прошелъ торжественно. Иванъ Матвѣевичъ наканунѣ не ходилъ въ должность, ѣздилъ, какъ угорѣлый, по городу, и всякій разъ пріѣзжалъ домой то съ кулкомъ, то съ корзиной.

Агаѣя Матвѣевна трое сутки жила однимъ кофе и только для Ильи Ильича готовились три блюда, а прочіе ѣли какъ-нибудь и что-нибудь.

Анисья наканунѣ даже вовсе не ложилась спать. Только одинъ Захаръ выспался за нее и за себя, и на всѣ эти приготовленія смотрѣлъ небрежно, съ полупрезрѣніемъ.

— У насъ, въ Обломовѣ, такъ, каждый праздникъ готовили, — говорилъ онъ двумъ поварамъ, которые приглашены были съ графской кухни: — бывало, пять широжныхъ подадутъ, а соусъ что, такъ и не пересчитаешь! И цѣ-

мый день господа-то кушаютъ, и на другой день. А мы дней пять дождаемъ остатки. Только добли, смотришь гости приѣхали—опять пошло, а здѣсь разъ въ годъ!

Онъ за обѣдомъ подавалъ первому Обломову и ни за что не соглашался подать какому-то господину, съ большимъ крестомъ на шеѣ.

— Нашъ-то столбовой,—гордо говорилъ онъ:—а это что за гости!

Тарантьеву, сидѣвшему на концѣ, вовсе не подавалъ, или самъ сваливалъ ему на тарелку кушанье, сколько за-благоразсудить!

Всѣ сослуживцы Ивана Матвѣевича были налицо, человекъ тридцать.

Огромная форель, фаршированные цыплята, перепелки, мороженое и отличное вино—все это достойно ознаменовало годичный праздникъ.

Гости, подъ конецъ, обнимались, до небесъ превозносили вкусъ хозяина и потомъ сѣли за карты. Мухояровъ кланялся и благодарилъ, говоря, что онъ, для счастья угостить дорогихъ гостей, не пожалѣлъ третного будто бы жалованья.

Къ утру гости разъѣхались и разошлись, съ грѣхомъ пополамъ, и опять все смолкло въ домѣ до Ильина-дня.

Въ этотъ день, изъ постороннихъ были только въ гостяхъ у Обломова Иванъ Герасимовичъ и Алексѣевъ, безмолвный и безотвѣтный гость, который звалъ въ началѣ разсказа Илью Ильича на первое мая. Обломовъ не только не хотѣлъ уступить Ивану Матвѣевичу, но старался блеснуть тонкостью и изяществомъ угощенія, неизвѣстными въ этомъ углу.

Вмѣсто жирной кулебяки, явились начиненные воздухомъ пирожки; передъ супомъ подали устрицъ; цыплята въ папильоткахъ, съ трюфелями, сладкія мяса, тончайшая зелень, англійскій супъ.

Посрединѣ стола красовался громадный ананасъ и кругомъ лежали персики, вишни, абрикосы. Въ вазахъ живые цвѣты.

Только принялись за супъ; только Тарантьевъ обругалъ пирожки и повара, за глупую выдумку ничего не класть въ нихъ, какъ послышалось отчаянное скаганье и лай собаки на цѣпи.

На дворъ въѣхалъ экипажъ и кто-то спрашивалъ Обломова. Всѣ и рты разинули.

— Кто-нибудь изъ прошлогоднихъ знакомыхъ вспомнилъ мои именины,—сказалъ Обломовъ:—дома нѣтъ, скажи дома нѣтъ!—кричалъ онъ шопотомъ Захару.

Обѣдали въ саду, въ бесѣдкѣ. Захаръ бросился-было отказать и столкнулся на дорожкѣ съ Штольцомъ.

— Андрей Ивановичъ,—прохрипѣлъ онъ радостно.

— Андрей! — громко воззвалъ къ нему Обломовъ и бросился обнимать его.

— Какъ я кстати, къ самому обѣду!—сказалъ Штольцъ:—накорми меня; я голоденъ. Насилу отыскалъ тебя!

— Пойдемъ, пойдемъ, садись! — суетливо говорилъ Обломовъ, сажая его подлѣ себя.

При появленіи Штольца, Тарантьевъ первый проворно переправился черезъ плетень и шагнулъ въ огородъ; за нимъ скрылся за бесѣдку Иванъ Матвѣвичъ и исчезъ въ свѣтлицу. Хозяйка тоже поднялась съ мѣста.

— Я помѣшалъ,—сказалъ Штольцъ, вскакивая.

— Куда это, зачѣмъ? Иванъ Матвѣвичъ! Михай Андреевичъ!—кричалъ Обломовъ.

Хозяйку онъ усадилъ на свое мѣсто, а Ивана Матвѣвича и Тарантьева дозваться не могъ.

— Откуда, какъ, надолго ли?—посыпались вопросы.

Штольцъ пріѣхалъ на двѣ недѣли, по дѣламъ, и отправлялся въ деревню, потомъ въ Кіевъ и еще Богъ знаетъ куда.

Штольцъ за столомъ говорилъ мало, но ѣлъ много: видно, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ голоденъ. Прочіе и подавно ѣли молча.

Послѣ обѣда, когда все убрали со стола, Обломовъ велѣлъ оставить въ бесѣдкѣ шампанское и сельтерскую воду и остались вдвоемъ съ Штольцомъ.

Они молчали нѣкоторое время. Штольцъ пристально и долго глядѣлъ на него.

— Ну, Илья!?!—сказалъ онъ, наконецъ, но такъ строго, такъ вопросительно, что Обломовъ смотрѣлъ внизъ и молчалъ.

— Стало-быть «никогда»?

— Что «никогда»? — спросилъ Обломовъ, будто не понимая.

— Ты ужъ забылъ: «теперь, или никогда!»

— Я не такой теперь... что былъ тогда, Андрей, — сказалъ онъ наконецъ:— дѣла мои, слава Богу, въ порядкѣ: я не лежу праздно, планъ почти конченъ, выписываю два журнала; книги, что ты оставилъ, почти всѣ прочиталъ...

— Отчего жъ не пріѣхалъ за границу?—спросилъ Штольцъ.

— За границу мнѣ помѣщала пріѣхать...

Онъ замаялся.

— Ольга? — сказалъ Штольцъ, глядя на него выразительно.

Обломовъ всыхнулъ.

— Какъ, ужели ты слышалъ... Гдѣ она теперь?—быстро спросилъ онъ, взглянувъ на Штольца.

Штольцъ, не отвѣчая, продолжалъ смотрѣть на него, глубоко заглядывая ему въ душу.

— Я слышалъ, она съ теткой уѣхала за границу, — говорилъ Обломовъ:— вскорѣ...

— Вскорѣ послѣ того, какъ узнала свою ошибку, — договорилъ Штольцъ.

— Развѣ ты знаешь... — говорилъ Обломовъ, не зная куда дѣваться отъ смущенья.

— Все,—сказаль Штольцъ:—даже и о вѣткѣ сирени. И тебѣ не стыдно, не больно, Илья? не жжетъ тебя раскаяніе, сожалѣніе?..

— Не говори, не поминай! — торопливо перебилъ его Обломовъ: — я и то вынесъ горячку, когда увидѣлъ, какая бездна лежитъ между мной и ею, когда убѣдился, что я не стою ея... Ахъ, Андрей! если ты любишь меня, не мучь, не поминай о ней: я давно указывалъ ей ошибку, она не хотѣла вѣрить... право, я не очень виноватъ...

— Я не виню тебя, Илья,—дружески, мягко продолжалъ Штольцъ:—я читалъ твое письмо. Виноватъ больше всѣхъ я, потому она, потому ужъ ты, и то мало.

— Чтò она теперь?—робко спросилъ Обломовъ.

— Чтò: груститъ, плачетъ неутѣшными слезами и проклинаеть тебя...

Испугъ, состраданіе, ужасъ, раскаяніе съ каждымъ словомъ являлись на лицѣ Обломова.

— Чтò ты говоришь, Андрей!—сказаль онъ, вставая съ мѣста. — Поѣдемъ, ради Бога, сейчасъ, сію минуту; я у ногъ ея выпрошу прощеніе...

— Сиди смирно! — перебилъ Штольцъ, засмѣявшись: — она весела, даже счастлива, велѣла кланяться тебѣ и хотѣла писать, но я отговорилъ, сказалъ, что это тебя взволнуетъ.

— Ну, слава Богу! — почти со слезами произнесъ Обломовъ: — какъ я радъ, Андрей, позволь поцѣловать тебя и выпьемъ за ея здоровье.

Они выпили по бокалу шампанскаго.

— Гдѣ жъ она теперь?

— Теперь въ Швейцаріи. Къ осени она съ теткой поѣдетъ къ себѣ въ деревню. Я за этимъ здѣсь теперь: нужно

еще окончательно похлопотать въ палатѣ. Баронъ не додѣлалъ дѣла; онъ вздумалъ посвататься за Ольгу...

— Ужели? Такъ это правда,—спросилъ Обломовъ:—ну, что жъ она?

— Разумѣется, что: отказала; онъ огорчился и уѣхалъ, а я вотъ теперь доканчивай дѣла! На той недѣлѣ все кончится. Ну, ты что? Зачѣмъ ты забился въ эту глушь?

— Покойно здѣсь, тихо, Андрей, никто не мѣшаетъ...

— Въ чемъ?

— Заниматься...

— Помилуй, здѣсь та же Обломовка, только гаже, — говорилъ Штольцъ, оглядываясь. — Поѣдемъ-ка въ деревню, Илья.

— Въ деревню... хорошо, пожалуй: тамъ же стройка начнется скоро, только не вдругъ, Андрей, дай сообразить...

— Опять сообразить! Знаю я твои соображенія: сообразишь, какъ года два назадъ сообразилъ ѣхать за границу. Поѣдемъ на той недѣлѣ.

— Какъ же вдругъ, на той недѣлѣ? — защищался Обломовъ. — Ты на ходу, а мнѣ, вѣдь, надо приготовиться... У меня здѣсь все хозяйство: какъ я кину его? У меня ничего нѣтъ.

— Да ничего и не надо. Ну, что тебѣ нужно?

Обломовъ молчалъ.

— Здоровье плохо, Андрей,—сказалъ онъ:—одышка одолеваетъ. Ячмени опять пошли, то на томъ, те на другомъ глазу, и ноги стали отекають. А иногда заспишься ночью, вдругъ точно ударить кто-нибудь по головѣ, или по спинѣ, такъ что вскочишь...

— Послушай, Илья, серьезно скажу тебѣ, что надо перемѣнить образъ жизни, иначе, ты наживешь себѣ водяную или ударъ. Ужъ съ надеждами на будущность — кончено: если Ольга, этотъ ангелъ, не унесъ тебя на своихъ крыльяхъ изъ твоего болота, такъ я ничего не сдѣлаю. Но избрать

себѣ маленькій кругъ дѣятельности, устроить деревушку, возиться съ мужиками, входить въ ихъ дѣла, строить, садить—все это ты долженъ и можешь сдѣлать... Я отъ тебя не отстану. Теперь ужъ слушаюсь не одного своего желанія, а воли Ольги: она хочетъ — слышишь? чтобъ ты не умиралъ совсѣмъ, не погребался заживо, и я обѣщала открывать тебя изъ могилы...

— Она еще не забыла меня! Да стю ли я! — сказалъ Обломовъ съ чувствомъ.

— Нѣтъ, не забыла и, кажется, никогда не забудеть: это не такая женщина. Ты еще долженъ ѣхать къ ней въ деревню, въ гости.

— Не теперь только, ради Бога, не теперь, Андрей! Дай забыть. Ахъ, еще здѣсь...

Онъ указалъ на сердце.

— Чтò здѣсь? Не любовь ли?—спросилъ Штольцъ.

— Нѣтъ, стыдъ и горе! — со вздохомъ отвѣтилъ Обломовъ.

— Ну, хорошо! Поѣдемъ къ тебѣ: вѣдь тебѣ строиться надо; теперь лѣто, драгоценное время уходитъ...

— Нѣтъ, у меня повѣренный есть. Онъ и теперь въ деревнѣ, а я могу послѣ приѣхать, когда соберусь, подумаю.

Онъ сталъ хвастаться передъ Штольцемъ, какъ, не сходя съ мѣста, онъ отлично устроилъ дѣла, какъ повѣренный собираетъ справки о бѣглыхъ мужикахъ, выгодно продаетъ хлѣбъ и какъ прислалъ ему полторы тысячи и, вѣроятно, соберетъ и пришлетъ въ этомъ году оброкъ.

Штольцъ руками всплеснулъ при этомъ разсказѣ.

— Ты ограбленъ кругомъ!—сказалъ онъ. — Съ трехсотъ душъ полторы тысячи рублей! Кто повѣренный? Чтò за человекъ?

— Больше полуторы тысячи, — поправилъ Обломовъ: — онъ изъ выручки же за хлѣбъ получилъ вознагражденіе за трудъ...

— Сколько жъ?

— Не помню, право, да я тебѣ покажу: у меня гдѣ-то есть расчетъ.

— Ну, Илья! Ты въ самомъ дѣлѣ умеръ, погибъ! — заключилъ онъ.—Одѣвайся, поѣдемъ ко мнѣ!

Обломовъ сталь-было дѣлать возраженія, но Штольцъ почти насильно увезъ его къ себѣ, написалъ довѣренность на свое имя, заставилъ Обломова подписать, и объявилъ ему, что онъ беретъ Обломовку на аренду до тѣхъ поръ, пока Обломовъ самъ пріѣдетъ въ деревню и привыкнетъ къ хозяйству.

— Ты будешь получать втрое больше, — сказалъ онъ: — только я долго твоимъ арендаторомъ не буду,—у меня свои дѣла есть. Поѣдемъ въ деревню теперь, или пріѣзжай вслѣдъ за мной. Я буду въ имѣніи Ольги: это въ трехстахъ верстахъ, заѣду и къ тебѣ, выгоню повѣреннаго, распоряжусь, а потомъ являйся самъ. Я отъ тебя не отстану.

Обломовъ вздохнулъ.

— Ахъ жизнь!—сказалъ онъ.

— Чтó жизнь?

— Трогаетъ, нѣтъ покоя! Легъ бы и заснулъ... навсегда...

— То-есть, погасилъ бы огонь и остался въ темнотѣ! Хороша жизнь! Эхъ, Илья! ты хоть пофилософствовалъ бы немного, право! Жизнь мелькнетъ, какъ мгновеніе, а онъ легъ бы да заснулъ! Пусть она будетъ постояннымъ горѣніемъ! Ахъ, если бъ прожить лѣтъ двѣсти, триста!—заключилъ онъ:—сколько бы можно было передѣлать дѣла!

— Ты—другое дѣло, Андрей, — возразилъ Обломовъ: — у тебя крылья есть: ты не живешь; ты летаешь: у тебя есть дарованія, самолюбіе, ты, вонъ, не толстъ, не одолеваятъ ячмени, не чешется затылокъ. Ты какъ-то иначе устроенъ...

— Э, полно! Человѣкъ созданъ самъ устраивать себя и даже мѣнять свою природу, а онъ отрастилъ брюхо, да и

думаетъ, что природа послала ему эту ношу! У тебя были крылья, да ты отвязалъ ихъ.

— Гдѣ они, крылья-то? — уныло говорилъ Обломовъ.—Я ничего не умѣю...

— То-есть не хочешь умѣть,—перебилъ Штольцъ.—Нѣтъ человѣка, который бы не умѣлъ чего-нибудь, ей-Богу, нѣтъ!

— А вотъ я не умѣю!—сказалъ Обломовъ.

— Тебя послушать, такъ ты и бумаги не умѣешь въ управу написать и письма къ домовому хозяину, а къ Ольгѣ письмо написалъ же? Не путалъ тамъ *какого* и *что*? И бумага нашлась атласная, и чернила изъ англійскаго магазина, и почеркъ бойкій: что?

Обломовъ покраснѣлъ.

— Понадобилось, такъ явились и мысли и языкъ, хоть напечатать въ романѣ гдѣ-нибудь. А нѣтъ нужды, такъ и не умѣю, и глаза не видятъ, и въ рукахъ слабость! Ты свое умѣнье затерялъ еще въ дѣтствѣ, въ Обломовкѣ, среди тетокъ, нянекъ и дядекъ. Началось съ неумѣнья надѣвать чулки и кончилось неумѣньемъ жить.

— Все это, можетъ-быть, правда, Андрей, да дѣлать нечего, не воротись! — съ рѣшительнымъ вздохомъ сказалъ Илья.

— Какъ не воротись! — сердито возразилъ Штольцъ. — Какіе пустяки. Слушай, да дѣлай, что я говорю, вотъ и воротись!

Но Штольцъ уѣхалъ въ деревню одинъ, а Обломовъ остался, обѣщаясь пріѣхать къ осени.

— Что сказать Ольгѣ?—спросилъ Штольцъ Обломова передъ отъѣздомъ.

Обломовъ наклонилъ голову и печально молчалъ; потомъ вздохнулъ.

— Не поминай ей обо мнѣ! — наконецъ сказалъ онъ въ смущеніи:—скажи, что не видалъ, не слыхалъ...

— Она не повѣритъ,—возразилъ Штольцъ.

— Ну, скажи, что я погибъ, умеръ, пропаль...

— Она заплачетъ и долго не утѣшится: за что же печалить ее?

Обломовъ задумался съ умилениемъ; глаза были влажны.

— Ну, хорошо; я солгу ей, скажу, что ты живешь ей памятью,—заключилъ Штольцъ:—и ищешь строгой и серьезной цѣли. Ты замѣть, что сама жизнь и трудъ есть цѣль жизни, а не женщина: въ этомъ вы ошибались оба. Какъ она будетъ довольна!

Они простились.

III.

Тарантьевъ и Иванъ Матвѣевичъ на другой день Ильина Дня опять сошлись вечеромъ въ заведеніи.

— Чаю! — мрачно приказывалъ Иванъ Матвѣевичъ, и когда половой подаль чай и ромъ, онъ съ досадой сунулъ ему бутылку назадъ. — Это не ромъ, а гвозди! — сказалъ онъ и, вынувъ изъ кармана пальто свою бутылку, откупорилъ и далъ понюхать половому. — Не суйся же впередъ съ своей, — замѣтилъ онъ. — Чтò, кумъ, вѣдь плохо! — сказалъ онъ, когда ушелъ половой.

— Да, чортъ его принесъ! — яростно возразилъ Тарантьевъ. — Каковъ шельма, этотъ нѣмецъ! Уничтожилъ довѣренность, да на аренду имѣніе взялъ? Слыханное ли это дѣло у васъ? Обдереть же онъ овечку-то.

— Если онъ дѣло знаетъ, кумъ, я боюсь, чтобъ тамъ чего не вышло. Какъ узнаеть, что оброкъ-то собранъ, а получили-то его мы, да, пожалуй, дѣло затѣеть...

— Ужъ и дѣло! Трусливъ ты сталъ, кумъ! Затертый не первый разъ запускаетъ лапу въ помѣщицьи деньги, умѣетъ концы прятать. Росписки, что ли, онъ даетъ мужикамъ: чай, съ-глазу-на-глазь беретъ. Погорячится нѣмецъ, покричитъ, и будетъ съ него. А то еще дѣло!

— Ой ли? — развеселясь, сказалъ Мухояровъ. — Ну, выпьемъ же

Онъ подлилъ рому себѣ и Тарантьеву.

— Глядишь, кажется, нельзя и жить на бѣломъ свѣтѣ, а выпьешь, можно жить!—утѣшался онъ.

— А ты тѣмъ временемъ вотъ что сдѣлаешь, кумъ, — продолжалъ Тарантьевъ: — ты выведи какіе-нибудь счеты, какіе хочешь, за дрова, за капусту, ну, за что хочешь, благо Обломовъ теперь передалъ кумѣ хозяйство, и покажи сумму въ расходъ. А Затертый, какъ пріѣдетъ, скажемъ, что привезъ оброчныхъ денегъ столько-то и что въ расходъ ушли.

— А какъ онъ возьметъ счеты, да покажетъ послѣ нѣмцу, тотъ сосчитаетъ, такъ, пожалуй, того...

— Во-на! Онъ ихъ сунетъ куда-нибудь и самъ чортъ не сыщетъ. Когда-то еще нѣмецъ пріѣдетъ, до тѣхъ поръ забудется...

— Ой ли? Выпьемъ, кумъ, — сказалъ Иванъ Матвѣевичъ, наливая въ рюмку: — жалко разбавлять чаемъ добро. Ты понюхай: три цѣлковыхъ. Не заказать ли селянку?

— Можно.

— Эй!

— Нѣтъ, каковъ шельма! «Дай, говоритъ, мнѣ на аренду», — опять съ яростью началъ Тарантьевъ: — вѣдь намъ съ тобой, русскимъ людямъ, этого въ голову бы не пришло! Это заведеніе-то нѣмецкой стороною пахнетъ. Тамъ все какія-то фермы, да аренды. Вотъ постой, онъ его еще акціями допечеть.

— Что это за акціи такія, я все не разберу хорошенько? — спросилъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Нѣмецкая выдумка! — сказалъ Тарантьевъ злобно. — Это, напримѣръ, мошенникъ какой-нибудь выдумаетъ дѣлать несгораемые дома и возьмется городъ построить: нужны деньги, онъ и пуститъ въ продажу бумажки, положимъ, по пятисотъ рублей, а толпа олуховъ и покупаетъ, да и перепродаетъ другъ другу. Послышится, что предирія-

тіе идетъ хорошо, бумажки вздорожаютъ, худо—все и лопнетъ. У тебя останутся бумажки, а денегъ-то нѣтъ. Гдѣ городъ? спросишь: сгорѣлъ, говорятъ, не достроился, а изобрѣтатель бѣжалъ съ твоими деньгами. Вотъ онѣ, акціи-то! Нѣмецъ ужъ втянетъ его! Диво, какъ до сихъ поръ не втянулъ? Я все мѣшалъ, благодѣтельствовалъ земляку!

— Да, эта статья кончена: дѣло рѣшено и сдано въ архивъ; заговѣлись мы оброкъ-то получать съ Обломовки... — говорилъ, опьянѣвъ немного, Мухояровъ.

— А чортъ съ нимъ, кумъ! У тебя денегъ-то лопатой не переверочаешь! — возражалъ Тарантьевъ, тоже немного въ туманѣ: — источникъ есть вѣрный, черпай только, не устывай. Выпьемъ!

— Что, кумъ, за источникъ? По цѣлковому, да по трехрублевому собираешь весь вѣкъ...

— Да вѣдь двадцать лѣтъ собираешь, кумъ: не грѣши!

— Ужъ и двадцать! — нетвердымъ языкомъ отозвался Иванъ Матвѣевичъ:—ты забылъ, что я всего десятый годъ секретаремъ. А прежде гривенники, да двугривенные болтались въ карманѣ, а иногда, срамъ сказать, зачастую и мѣдью приходилось собирать. Что это за жизнь! Эхъ, кумъ! Какіе это люди на свѣтѣ есть счастливые, что за одно словцо, такъ вотъ шепнетъ на ухо другому, или строчку продиктуетъ, или, просто, имя свое напишетъ на бумагѣ— и вдругъ такая опухоль сдѣлается въ карманѣ, словно подушка, хоть спать ложись. Вотъ бы поработать этакъ-то,— замечталъ онъ, пьянѣя все болѣе и болѣе: — просители и въ лицо почти не видятъ и подойти не смѣютъ. Сядетъ въ карету «въ клубъ!» крикнетъ, а тамъ, въ клубъ-то, въ звѣздахъ руку жмутъ, играетъ-то не по пятаку, а обѣдаетъ-то, обѣдаетъ — ахъ! Про селянку и говорить постыдится: сморщится, да плюнетъ. Нарочно зимой цыплятъ дѣлаютъ къ обѣду, землянику въ апрѣлѣ подадутъ! Дома жена въ блондахъ, у дѣтей гувернантка, ребятишки приче-

санные, разряженные. Эхъ, кумъ! Есть рай, да грѣхи не пускають. Выпьемъ! Вонъ и селянку несутъ!

— Не жалуйся, кумъ, не грѣши: капиталъ есть, и хороший... — говорить опянѣвшій Тарантьевъ, съ красными, какъ въ крови, глазами. — Тридцать пять тысячъ серебромъ — не шутка!

— Тише, тише, кумъ! — прервалъ Иванъ Матвѣевичъ. — Что жъ, все тридцать пять! Когда до пятидесяти дотянешь? Да съ пятидесятью въ рай не попадешь. Женишься, такъ живи съ оглядкой, каждый рубль считай, объ ямайскомъ забудь и думать — что это за жизнь!

— Зато покойно, кумъ; тотъ цѣлковый, тотъ два — смотришь, въ день рублей семь и спряталъ. Ни привязки, ни придирки, ни пятенъ, ни дыму. А подъ большимъ дѣломъ подпишешь иной разъ имя, такъ послѣ всю жизнь и выскабливаешь боками. Нѣтъ, братъ, не грѣши, кумъ!

Иванъ Матвѣевичъ не слушалъ и давно о чемъ-то думалъ.

— Послушай-ка, — вдругъ началъ онъ, выпучивъ глаза и чему-то обрадовавшись, такъ что хмель почти прошелъ: — да нѣтъ, боюсь, не скажу, не выпущу изъ головы такую птицу. Вотъ сокровище-то залетѣло... Выпьемъ, кумъ, выпьемъ скорѣй!

— Не стану, пока не скажешь, — говорилъ Тарантьевъ, отодвигая рюмку.

— Дѣло-то, кумъ, важное, — шепталъ Мухояровъ, поглядывая на дверь.

— Ну?.. — нетерпѣливо спросилъ Тарантьевъ.

— Вотъ набрелъ на находку. Ну, знаешь что, кумъ, вѣдь это все равно, что имя подъ большимъ дѣломъ подписать, ей-Богу такъ!

— Да что, скажешь ли?

— А могоарычъ-то какой? могоарычъ?

— Ну? — понукалъ Тарантьевъ.

— Погоди, дай еще подумать. Да, тутъ нечего уничтожить, тутъ законъ. Такъ и быть, кумъ, скажу, и то потому, что ты нуженъ; безъ тебя неловко. А то, видитъ Богъ, не сказала бы, не такое дѣло, чтобъ другая душа знала.

— Развѣ я другая душа для тебя, кумъ? Кажется, не разъ служилъ тебѣ, и свидѣтелемъ бывалъ, и копил... помнишь? Свиныя ты этакая!

— Кумъ, кумъ! Держи языкъ за зубами. Вонъ, вѣдь, ты какой, изъ тебя, какъ изъ пушки, такъ и палить!

— Кой чортъ услышитъ здѣсь? Не помню, что ли, я себя?— съ досадою сказала Тарантьевъ. — Что ты меня мучишь? Ну, говори.

— Слушай же: вѣдь Илья Ильичъ трусоватъ, никакихъ порядковъ не знаетъ: тогда отъ контракта голову потерялъ, довѣренность прислали, такъ не зналъ, за что приняться, не помнить даже, сколько оброку получаетъ, самъ говоритъ: «ничего не знаю»...

— Ну?—нетерпѣливо спросилъ Тарантьевъ.

— Ну, вотъ онъ къ сестрѣ-то больно часто повадился ходить. Намедни часу до перваго засидѣлся, столкнулся со мной въ прихожей и будто не видалъ. Такъ вотъ, поглядимъ еще, чтѣ будетъ, да и того... Ты стороной и поговори съ нимъ, что безчестье въ домѣ заводить не хорошо, что она вдова: скажи, что ужъ объ этомъ узнали; что теперь ей не выйти замужъ; что женихъ присватывался, богатый купецъ, а теперь прослышалъ, дескать, что онъ по вечерамъ сидитъ у нея, не хочетъ.

— Ну, что жъ, онъ перепугается, повалится на постель, да и будетъ ворочаться, какъ боровъ, да вздыхать— вотъ и все,—сказала Тарантьевъ.—Какая же выгода? Гдѣ могарычъ?

— Экой какой! А ты скажи, что пожаловаться хочу, что будто подглядѣли за нимъ, что свидѣтели есть...

— Ну?

— Ну, коли перепугается очень, ты скажи, что можно помириться, пожертвовать маленькій капиталъ.

— Гдѣ у него деньги-то?—спросилъ Тарантьевъ. — Онъ обѣщать-то обѣщаетъ со страху хоть десять тысячъ...

— Ты мнѣ только мигни тогда, а я ужъ заемное письмо заготовлю... на имя сестры: «занялъ я, дескать, Обломовъ у такой-то вдовы десять тысячъ, срокомъ, и т. д.».

— Что жъ толку-то, кумъ? Я не пойму: деньги достанутся сестрѣ и ея дѣтямъ? Гдѣ жъ могарычъ?

— А сестра мнѣ дастъ заемное письмо на такую же сумму; я дамъ ей подписать.

— Если она не подпишетъ? упрется?

— Сестра-то!

И Иванъ Матвѣевичъ залился тоненькимъ смѣхомъ.

— Подпишетъ, кумъ, подпишетъ, свой смертный приговоръ подпишетъ, и не спроситъ что, только усмѣхнется, «Агаѣя Пшеницына» подмахнетъ въ сторону, криво и не узнаетъ никогда, что подписала. Видишь ли: мы съ тобой будемъ въ сторонѣ: сестра будетъ имѣть претензію на коллежскаго секретаря Обломова, а я на коллежской секретаршѣ Пшеницыной. Пусть нѣмецъ горячится — законное дѣло!—говорилъ онъ, поднявъ трепещущія руки вверхъ.— Выпьемъ, кумъ!

— Законное дѣло! — въ восторгѣ сказалъ Тарантьевъ.— Выпьемъ.

— А какъ удачно пройдетъ, можно годика черезъ два повторить; законное дѣло!

— Законное дѣло!—одобрительно кивнувъ, провозгласилъ Тарантьевъ.—Повторимъ и мы!

— Повторимъ!

И они выпили.

— Вотъ какъ бы твой землякъ-то не уперся, да не написалъ предварительно къ нѣмцу,—опасливо замѣтилъ Му-

хояровъ:—тогда, братъ, плохо! Дѣла никакого затѣять нельзя: она вдова, не дѣвица!

— Напишеть! Какъ не напишеть! Года черезъ два напишеть, — сказалъ Тарантьевъ. — А упираться станеть— обругаю...

— Нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани! Все испортишь, кумъ: скажетъ, что принудили, пожалуй, упомянетъ про побой, уголовное дѣло. Нѣтъ, это не годится! А вотъ что можно: предварительно закусить съ нимъ и выпить: онъ смородиновку-то любить. Какъ въ головѣ зашумитъ, ты и мигни мнѣ: я и войду съ письмецомъ-то. Онъ и не посмотритъ сумму, подпишеть, какъ тогда контрактъ, а послѣ поди, какъ у маклера будетъ засвидѣтельствовано, допрашивайся! Совѣстно будетъ атакому барину сознаваться, что подписалъ въ нетрезвомъ видѣ; законное дѣло!

— Законное дѣло!—повторилъ Тарантьевъ.

— Пусть тогда Обломовка достается наслѣдникамъ.

— Пусть достается! Выпьемъ, кумъ.

— За здоровье олуховъ!—сказалъ Иванъ Матвѣевичъ.

Они выпили.

IV.

Надо теперь перенестись нѣсколько назадъ, до приѣзда Штольца на именины Обломова, и въ другое мѣсто, далеко отъ Выборгской Стороны. Тамъ встрѣтятся знакомыя читателю лица, о которыхъ Штолецъ не все сообщилъ Обломову, что зналъ, по какимъ-нибудь особеннымъ соображеніямъ, или, можетъ-быть, потому, что Обломовъ не все о нихъ спрашивалъ, тоже, вѣроятно, по особеннымъ соображеніямъ.

Однажды въ Парижѣ Штолецъ шелъ по бульвару и разсѣянно перебѣгалъ глазами по прохожимъ, по вывѣскамъ магазиновъ, не останавливая глазъ ни на чемъ. Онъ долго не получалъ писемъ изъ Россіи, ни изъ Кіева, ни изъ Одессы,

ни изъ Петербурга. Ему было скучно, и онъ отнесъ еще три письма на почту и возвращался домой.

Вдругъ глаза его остановились на чемъ-то неподвижно, съ изумленіемъ, но потомъ опять приняли обыкновенное выраженіе. Двѣ дамы свернули съ бульвара и вошли въ магазинъ.

«Нѣтъ, не можетъ быть», подумалъ онъ: «какая мысль! Я бы зналъ! Это не онѣ.»

Однакожь, онъ подошелъ къ окну этого магазина и разглядывалъ свозъ стекла дамъ: «ничего не разглядишь, онѣ стоятъ задомъ къ окнамъ».

Штольцъ вошелъ въ магазинъ и сталъ что-то торговать. Одна изъ дамъ обернулась къ свѣту, и онъ узналъ Ольгу Ильинскую—и не узналъ! Хотѣлъ броситься къ ней и остановился, сталъ пристально вглядываться.

Боже мой! Что за перемѣна! Она и не она. Черты ея, но она блѣдна, глаза немного будто впади, и нѣтъ дѣтской усмѣшки на губахъ, нѣтъ наивности, безпечности. Надъ бровями носится не то важная, не то скорбная мысль, глаза говорятъ много такого, чего не знали, не говорили прежде. Смотритъ она не попрежнему, открыто, свѣтло и покойно; на всемъ лицѣ лежитъ облако, или печали, или тумана.

Онъ подошелъ къ ней. Брови у ней сдвинулись немного; она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него минуту, потомъ узнала: брови раздвинулись и легли симметрично, глаза блеснули свѣтомъ тихой, не стремительной, но глубокой радости. Всякій братъ былъ бы счастливъ, если бъ ему такъ обрадовалась любимая сестра.

— Боже мой! Вы ли это? — сказала она проникающимъ до души, до нѣги радостнымъ голосомъ.

Тетка быстро обернулась, и всѣ трое заговорили разомъ. Онъ упрекалъ, что онѣ не писали къ нему; онѣ оправдывались. Онѣ пріѣхали всего третій день и вездѣ ищутъ его.

На одной квартирѣ сказали имъ, что онъ уѣхалъ въ Лонъ, и онѣ не знали, что дѣлать.

— Да какъ это вы вздумали? И мнѣ ни слова! — упрекалъ онъ.

— Мы такъ быстро собрались, что не хотѣли писать къ вамъ,—сказала тетка.—Ольга хотѣла вамъ сдѣлать сюрпризъ.

Онъ взглянулъ на Ольгу: лицо ея не подтверждало словъ тетки! Онъ еще пристальнѣе поглядѣлъ на нее, но она была непроницаема, недоступна его наблюденію.

«Что съ ней?» думалъ Штольцъ. «Я, бывало, угадывалъ ее сразу, а теперь... какая перемѣна!»

— Какъ вы развились, Ольга Сергѣевна, выросли, созрѣли,—сказалъ онъ вслухъ:—я васъ не узнаю! А всего годъ какой-нибудь не видались. Что вы дѣлали, что съ вами было? Расскажите, расскажите!

— Да... ничего особеннаго,—сказала она, рассматривая матерію.

— Что ваше пѣніе?—говорилъ Штольцъ, продолжая изучать новую для него Ольгу и стараясь прочесть незнакомую ему игру въ лицѣ; но игра эта, какъ молнія, вырывалась и пряталась.

— Давно не пѣла, мѣсяца два,—сказала она небрежно.

— А Обломовъ что? — вдругъ бросилъ онъ вопросъ.— Живъ ли? Не пишетъ?

Здѣсь, можетъ-быть, Ольга невольно выдала бы свою тайну, если бъ не подоспѣла на помощь тетка.

— Вообразите,—сказала она, выходя изъ магазина:—каждый день бывалъ у насъ, потомъ вдругъ пропалъ. Мы собрались за границу; я послала къ нему—сказали, что боленъ, не принимаетъ: такъ и не видались.

— И вы не знаете? — заботливо спросилъ Штольцъ у Ольги.

Ольга пристально лорнировала проѣзжавшую коляску.

— Онъ въ самомъ дѣлѣ захворалъ, — сказала она, съ притворнымъ вниманіемъ разсматривая проѣзжавшій экипажъ.—Посмотрите, *ma tante*, кажется, это наши спутники проѣхали.

— Нѣтъ, вы мнѣ отдайте отчетъ о моемъ Ильѣ, — настаивала Штольцъ: — что вы съ нимъ сдѣлали? Отчего не привезли съ собой?

— *Mais ma tante vient de dire*, — говорила она.

— Онъ ужасно лѣнивъ, — замѣтила тетка: — и дикарь такой, что лишь только соберутся трое-четверо къ намъ, сейчасъ уйдетъ. Вообразите, абонировался въ оперу и до половины абонементу не дослушалъ.

— Рубини не слыхалъ, — прибавила Ольга.

Штольцъ покачалъ головой и вздохнулъ.

— Какъ это вы рѣшились? Надолго ли? Что вамъ вдругъ вздумалось? — спрашивала Штольцъ.

— Для нея, по совѣту доктора, — сказала тетка, указывая на Ольгу. — Петербургъ замѣтно сталъ дѣйствовать на нее, мы и уѣхали на зиму, да вотъ еще не рѣшились, гдѣ провести ее: въ Ниццѣ, или въ Швейцаріи.

— Да, вы очень перемѣнились, — задумчиво говорилъ Штольцъ, впиваясь глазами въ Ольгу, изучая каждую жилку, глядя ей въ глаза.

Полгода прожили Ильинскія въ Парижѣ: Штольцъ былъ ежедневнымъ и единственнымъ ихъ собесѣдникомъ и путеводителемъ.

Ольга замѣтно начала оправляться; отъ задумчивости она перешла къ спокойствію и равнодушію, по крайней мѣрѣ, наружно. Что у ней дѣлалось внутри — Богъ вѣдаетъ, но она мало-по-малу становилась для Штольца прежнею приятельницею, хотя уже и не смѣялась попрежнему громкимъ, дѣтскимъ, серебрянымъ смѣхомъ, а только улыбалась сдержанной улыбкой, когда смѣшилъ ее Штольцъ. Иногда даже

ей какъ будто было досадно, что она не можетъ не засмѣяться.

Онъ тотчасъ увидѣлъ, что ее смѣшить уже нельзя: часто взглядомъ и несимметрично-лежащими одна надъ другой бровями со складкой на лбу, она выслушаетъ смѣшную выходку и не улыбнется, продолжаетъ, молча, глядѣть на него, какъ будто съ упрекомъ въ легкомысліи, или съ нетерпѣніемъ, или вдругъ, вмѣсто отвѣта на шутку, сдѣлаетъ глубокій вопросъ, и сопровождаетъ его такимъ настойчивымъ взглядомъ, что ему станетъ совѣстно за небрежный, пустой разговоръ.

Иногда въ ней выражалось такое внутреннее утомленіе отъ ежедневной людской пустой бѣготни и болтовни, что Штольцу приходилось внезапно переходить въ другую сферу, въ которую онъ рѣдко и неохотно пускался съ женщинами. Сколько мысли, изворотливости ума тратилось единственно на то, чтобъ глубокій, вопрошающій взглядъ Ольги прояснился и успокоивался, не жаждаль, не искалъ вопросительно чего-нибудь дальше, гдѣ-нибудь мимо его.

Какъ онъ тревожился, когда, за небрежное объясненіе, взглядъ ея становился сухъ, суровъ, брови сжимались и по лицу разливалась тѣнь безмолвнаго, но глубокаго неудовольствія. И ему надо было положить двой, трой сутки тончайшей игры ума, даже лукавства, огня, и все свое умѣнье обходиться съ женщинами, чтобъ вызвать, и то съ трудомъ, мало-по-малу, изъ сердца Ольги зарю ясности на лицо, кротость примиренія во взглядъ и въ улыбку.

Онъ къ концу дня приходилъ иногда домой, измученный этой борьбой, и бывалъ счастливъ, когда выходилъ побѣдителемъ.

«Какъ она созрѣла, Боже мой! какъ развилась эта дѣвочка! Кто жъ былъ ея учителемъ? Гдѣ она брала уроки жизни? У барона? Тамъ гладко, не почерпнешь въ его щегольскихъ фразахъ ничего! Не у Ильи же!..»

И онъ не могъ понять Ольгу, и бѣжалъ опять на другой день къ ней, и уже осторожно, съ боязнью читалъ ея лицо, затрудняясь часто и побуждая только съ помощью всего своего ума и знания жизни вопросы, сомнѣнія, требованія— все, что всплывало въ чертахъ Ольги.

Онъ, съ огнемъ опытности въ рукахъ, пускался въ лабиринтъ ея ума, характера, и каждый день открывалъ и изучалъ всѣ новыя черты и факты, и все не видѣлъ дна, только съ удивленіемъ и тревогой слѣдилъ, какъ ея умъ требуетъ ежедневно насущнаго хлѣба, какъ душа ея не умолкаетъ, все проситъ опыта и жизни.

Ко всей дѣятельности, ко всей жизни Штольца прирастала съ каждымъ днемъ еще чужая дѣятельность и жизнь: обставивъ Ольгу цвѣтами, обложивъ книгами, нотами и альбомами, Штолецъ успокоивался, полагая, что надолго наполнилъ досуги своей пріятельницы, и шелъ работать, или ѣхалъ осматривать какія-нибудь копии, какое-нибудь образцовое имѣніе, шелъ въ кругъ людей, знакомиться, сталкиваться съ новыми, или замѣчательными лицами; потомъ возвращался къ ней утомленный, сѣсть около ея рояля и отдохнуть подъ звуки ея голоса. И вдругъ на лицѣ ея заставалъ уже готовые вопросы, во взглядѣ настойчивое требованіе отчета. И незамѣтно, неволью, мало-по-малу, онъ выкладывалъ передъ ней, что онъ осмотрѣлъ, зачѣмъ.

Иногда выражала она желаніе сама видѣть и узнать, что видѣлъ и узналъ онъ. И онъ повторялъ свою работу: ѣхалъ съ ней смотрѣть зданіе, мѣсто, машину, читать старое событіе на стѣнахъ, на камняхъ. Мало-по-малу, незамѣтно, онъ привыкъ при ней вслухъ думать, чувствовать, и вдругъ однажды, строго повѣривъ себя, узналъ, что онъ началъ жить не одинъ, а вдвоемъ, и что живетъ этой жизнью со дня пріѣзда Ольги.

Почти безсознательно, какъ передъ самимъ собой, онъ вслухъ при ней дѣлалъ оцѣнку пріобрѣтеннаго имъ сокро-

вища и удивлялся себѣ и ей; потомъ повѣрялъ заботливо, не осталось ли вопроса въ ея взглядѣ, лежитъ ли заря удивительной мысли на лицѣ и провожаетъ ли его взглядъ ея, какъ побѣдителя.

Если это подтверждалось, онъ шелъ домой съ гордостью, съ трепетнымъ волненіемъ, и долго ночью втайнѣ готовилъ себя на завтра. Самыя скучныя, необходимыя занятія не казались ему сухи, а только необходимы: они входили глубже въ основу, въ ткань жизни; мысли, наблюденія, явленія не складывались, молча и небрежно, въ архивъ памяти, а придавали яркую краску каждому дню.

Какая жаркая заря охватывала блѣдное лицо Ольги, когда онъ, не дожидаясь вопросительнаго и жаждущаго взгляда, спѣшилъ бросать передъ нею, съ огнемъ и энергіей, новый запасъ, новый матеріалъ!

И самъ онъ, какъ полно счастливъ былъ, когда умъ ея, съ такой же заботливостью и съ милой покорностью, торопился ловить въ его взглядѣ, въ каждомъ словѣ, и оба зорко смотрѣли: онъ на нее, не осталось ли вопроса въ ея глазахъ, она на него, не осталось ли чего-нибудь недосказаннаго, не забылъ ли онъ и, пуще всего, Боже сохрани! не пренебрегъ ли открыть ей какой-нибудь туманный, для нея недоступный уголокъ, развить свою мысль?

Чѣмъ важнѣе, сложнѣе былъ вопросъ, чѣмъ внимательнѣе онъ повѣрялъ его ей, тѣмъ долѣе и пристальнѣе останавливался на немъ ея признательный взглядъ, тѣмъ этотъ взглядъ былъ теплѣе, глубже, сердечнѣе.

«Это дитя, Ольга!» думалъ онъ въ изумленіи: «она перерастаетъ меня!»

Онъ задумывался надъ Ольгой, какъ никогда и ни надъ чѣмъ не задумывался.

Весной они всѣ уѣхали въ Швейцарію. Штольцъ еще въ Парижѣ рѣшилъ, что отнынѣ безъ Ольги ему жить нельзя. Рѣшивъ этотъ вопросъ, онъ началъ рѣшать и вопросъ о

томъ, можетъ ли жить безъ него Ольга. Но этотъ вопросъ не давался ему такъ легко.

Онъ подбирался къ нему медленно, съ оглядкой, осторожно, шель то опущью, то смѣло, и думалъ вотъ-вотъ онъ близко у цѣли, вотъ уловить какой-нибудь несомнѣнный признакъ, взглядъ, слово, скуку или радость: еще нужно маленькій штрихъ, едва замѣтное движеніе бровей Ольги, вздохъ ея, и завтра тайна падеть: онъ любимъ!

На лицѣ у ней онъ читалъ довѣрчивость къ себѣ до ребячества; она глядѣла иногда на него, какъ ни на кого не глядѣла, а развѣ глядѣла бы такъ только на мать, если бъ у ней была мать.

Приходь его, досуги, цѣлые дни угождения, она не считала одолженіемъ, лестнымъ приношеніемъ любви, любезностью сердца, а просто обязанностью, какъ будто онъ былъ ея братъ, отецъ, даже мужъ: а это много, это все. И сама, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ шагѣ съ нимъ, была такъ свободна и искренна, какъ будто онъ имѣлъ надъ ней неоспоримый вѣсъ и авторитетъ.

Онъ и зналъ, что имѣетъ этотъ авторитетъ; она каждую минуту подтверждала это, говорила, что она вѣритъ ему одному и можетъ въ жизни положиться слѣзо только на него и ни на кого болѣе въ цѣломъ мірѣ.

Онъ, конечно, былъ гордъ этимъ, но вѣдь этимъ могъ гордиться и какой-нибудь пожилой, умный и опытный дядя, даже баронъ, если бъ онъ былъ человѣкъ съ свѣтлой головой, съ характеромъ.

Но былъ ли это авторитетъ любви—вотъ вопросъ? Входило ли въ этотъ авторитетъ сколько-нибудь ея обаятельнаго обмана, того лестнаго ослѣпленія, въ которомъ женщина готова жестоко ошибиться и быть счастлива ошибкой?..

Нѣтъ, она такъ сознательно покоряется ему. Правда, глаза ея горятъ, когда онъ развиваетъ какую-нибудь идею, или обнажаетъ душу передъ ней; она обливаетъ его лучами

взгляда, но всегда видно за что; иногда сама же она говорить и причину. А въ любви заслуга пріобрѣтается такъ слѣпо, безотчетно, и въ этой-то слѣпотѣ и безотчетности и лежитъ счастье. Оскорбляется она, сейчасъ же видно, за что оскорблена.

Ни внезапной краски, ни радости до испуга, ни томнаго или трепещущаго огнемъ взгляда онъ не подкараулилъ никогда, и если было что-нибудь похожее на это, показалось ему, что лицо ея будто исказилось болью, когда онъ скажетъ, что на-дняхъ уѣдетъ въ Италію, только лишь сердце у него замретъ и обольется кровью отъ этихъ драгоценныхъ и рѣдкихъ минутъ, какъ вдругъ опять все точно задержится флеромъ; она наивно и открыто прибавитъ:

— Какъ жаль, что я не могу поѣхать съ вами туда, а ужасно хотѣлось бы! Да вы мнѣ все расскажете и такъ передадите, что какъ будто я сама была тамъ.

И очарованіе разрушено этимъ явнымъ, нескрываемымъ ни передъ кѣмъ желаніемъ и этой пошлой, форменной похвалой его искусству рассказывать. Онъ только соберетъ всѣ мельчайшія черты, только удастся ему соткать тончайшее кружево, остается закончить какую-нибудь петлю—вотъ ужъ, вотъ сейчасъ...

И вдругъ она опять стала покойна, ровна, проста, иногда даже холодна. Сидитъ, работаетъ и молча слушаетъ его, поднимаетъ по временамъ голову, бросаетъ на него такіе любопытные, вопросительные, прямо идущіе къ дѣлу взгляды, такъ что онъ не разъ съ досадою бросалъ книгу, или прерывалъ какое-нибудь объясненіе, вскакивалъ и уходилъ. Оборотится — она провожаетъ его удивленнымъ взглядомъ: ему совѣстно станеть, онъ воротится и что-нибудь выдумаетъ въ оправданіе.

Она выслушаетъ такъ просто и повѣритъ. Даже сомнѣнія, лукавой улыбки нѣтъ у нея.

«Любить или не любить?» играли у него въ головѣ два вопроса.

Если любить, отчего же она такъ осторожна, такъ скрытна? Если не любить, отчего такъ предупредительна, покорна? Онъ уѣхалъ на недѣлю изъ Парижа въ Лондонъ и пришелъ сказать ей объ этомъ въ самый день отъѣзда, не предупредивъ заранее.

Если бъ она вдругъ испугалась, измѣнилась въ лицѣ— вотъ и кончено, тайна поймана, онъ счастливъ! А она крѣпко пожала ему руку, опечалилась: онъ былъ въ отчаяніи.

— Мнѣ ужасно скучно будетъ,—сказала она:—плакать готова, я точно сирота теперь. *Ma tante!* Посмотрите, Андрей Ивановичъ ѣдетъ!—плаксиво прибавила она.

Она срѣзала его.

«Еще къ теткѣ обратилась!» думалъ онъ: «этого не доставало! Вижу, что ей жаль, что любить, пожалуй... да этой любви можно, какъ товару на биржѣ, купить во столько-то времени, на столько-то вниманія, угодливости... Не ворочусь», угрюмо думалъ онъ. «Прощу покорно, Ольга, дѣвочка! по ниточкѣ, бывало, ходила. Что съ ней?»

И онъ погружался въ глубокую задумчивость.

Что съ ней? Онъ не зналъ бездѣлицы, что она любила однажды, что уже перенесла, насколько была способна, дѣвическій періодъ неумѣнья владѣть собой, внезапной краски, худо скрытой боли въ сердцѣ, лихорадочныхъ признаковъ любви, первой ея горячки.

Знай онъ это, онъ бы узналъ, если не ту тайну, любить ли она его, или нѣтъ, такъ, по крайней мѣрѣ, узналъ бы, отчего такъ мудрено стало разгадать, что дѣлается съ ней.

Въ Швейцаріи они перебивались вездѣ, куда ѣздить путешественники. Но чаще и съ большей любовью останавливались въ мало посѣщаемыхъ затиньяхъ. Ихъ, или по крайней мѣрѣ Штольца, такъ занимало «свое собственное

дѣло», что они утомлялись отъ путешествія, которое для нихъ отодвигалось на второй планъ.

Онъ ходилъ за ней по горамъ, смотрѣлъ на обрывы, на водопады, и во всякой рамкѣ она была на первомъ планѣ. Онъ идетъ за ней по какой-нибудь узкой тропинкѣ, пока тетка сидитъ въ коляскѣ внизу; онъ слѣдитъ втайнѣ зорко, какъ она остановится, взойдя на гору, переведетъ дыханіе и какой взглядъ остановить на немъ, непременно и прежде всего на немъ: онъ уже пріобрѣлъ это убѣжденіе.

Оно бы и хорошо: и тепло, и свѣтло станеть на сердцѣ, да вдругъ она окинетъ потомъ взглядомъ мѣстность и оцѣпенѣетъ, забудется въ созерцательной дремотѣ — и его уже нѣтъ передъ ней.

Чуть онъ пошевелится, напомнитъ о себѣ, скажетъ слово, она испугается, иногда вскрикнетъ: явно, что забыла, тутъ ли онъ, или далеко, просто—есть ли онъ на свѣтѣ.

Зато послѣ, дома, у окна, на балконѣ, она говоритъ ему одному, долго говоритъ, долго выбираетъ изъ души впечатлѣнія, пока не выскажется вся, и говоритъ горячо, съ увлеченіемъ, останавливается иногда, прибираетъ слово и на лету хватаетъ подсказанное имъ выраженіе, и во взглядѣ у ней успѣетъ мелькнуть лучъ благодарности за помощь. Или сядетъ, блѣдная отъ усталости, въ большое кресло, только жадные, неустающіе глаза говорятъ ему, что она хочетъ слушать его.

Она слушаетъ неподвижно, но не проронитъ слова, не пропуститъ ни одной черты. Онъ замолчитъ, она еще слушаетъ, глаза еще спрашиваютъ; и онъ, на этотъ нѣмой вызовъ, продолжаетъ высказываться съ новой силой, съ новымъ увлеченіемъ.

Оно бы и хорошо: свѣтло, тепло, сердце бьется; значитъ, она живетъ тутъ, больше ей ничего не нужно: здѣсь ея свѣтъ, огонь и разумъ! А она вдругъ встанетъ утомленная, и тѣ же, сейчасъ вопросительные, глаза просятъ его уйти,

или захочетъ кушать она, и кушаетъ съ такимъ аппетитомъ...

Все бы это прекрасно: онъ не мечтатель; онъ не хотѣлъ бы порывистой страсти, какъ не хотѣлъ ея и Обломовъ, только по другимъ причинамъ. Но ему хотѣлось бы, однако, чтобъ чувство потекло по ровной колеѣ, вскигивъ сначала горячо у источника, чтобъ черпнуть и упиться въ немъ, и потомъ всю жизнь знать, откуда бьетъ этотъ ключъ счастья...

— Любить ли она или нѣтъ? — говорилъ онъ съ мучительнымъ волненіемъ, почти до кроваваго пота, чуть не до слезъ.

У него все болѣе и болѣе разгорался этотъ вопросъ, охватывая его, какъ пламя, сковывая намѣренія: это былъ одинъ главный вопросъ уже не любви, а жизни. Ни для чего другого не было теперь мѣста у него въ душѣ.

Кажется, въ эти полгода за разъ собрались и разыгрались надъ нимъ всѣ мѣки и пытки любви, отъ которыхъ онъ такъ искусно берегся въ встрѣчахъ съ женщинами.

Онъ чувствовалъ, что и его здоровый организмъ не устоитъ, если продлятся еще мѣсяцы этого напряженія ума, воли, нервъ. Онъ понялъ, — что было чуждо ему доселѣ, — какъ тратятся силы въ этихъ скрытыхъ отъ глазъ борьбахъ души со страстью, какъ ложатся на сердце неизлѣчимыя раны безъ крови, но порождаютъ стоны, какъ уходитъ и жизнь.

Съ него немного спала спесивая увѣренность въ своихъ силахъ; онъ уже не шутилъ легкомысленно, слушая рассказы, какъ иные теряютъ рассудокъ, чахнутъ отъ разныхъ причинъ, между прочимъ... отъ любви.

Ему становилось страшно.

— Нѣтъ, я положу конецъ этому, — сказалъ онъ: — я взгляну ей въ душу, какъ прежде, и завтра — или буду счастливъ, или уѣду!

— Нѣтъ силъ! — говорилъ онъ дальше, глядясь въ зеркало. — Я ни на что не похожъ... Довольно!..

Онъ пошелъ прямо къ цѣли, то-есть къ Ольгѣ.

А что же Ольга? Она не замѣчала его положенія, или была безчувственна къ нему?

Не замѣчать этого она не могла: и не такія тонкія женщины, какъ она, умѣютъ отличить дружескую преданность и угожденія отъ нѣжнаго проявленія другого чувства. Кокетства въ ней допустить нельзя, по вѣрному пониманію истинной, неліцемерной, никѣмъ не навѣянной ей нравственности. Она была выше этой пошлой слабости.

Остается предположить одно, что ей нравилось, безъ всякихъ практическихъ видовъ, это непрерывное, исполненное ума и страсти поклоненіе такого человѣка, какъ Штольцъ. Конечно, нравилось: это поклоненіе возстановляло ее оскорбленное самолюбіе и мало-по-малу опять ставило ее на тотъ пьедесталь, съ котораго она упала; мало-по-малу возрожда-лась ее гордость.

Но какъ же она думала: чѣмъ должно разрѣшиться это поклоненіе? Не можетъ же оно всегда выражаться въ этой вѣчной борьбѣ пылливости Штольца съ ея упорнымъ молчаніемъ. По крайней мѣрѣ предчувствовала ли она, что вся эта борьба его не напрасна, что онъ выиграетъ дѣло, въ которое положили столько воли и характера? Даромъ ли онъ тратитъ это пламя, блескъ? Потонетъ ли въ лучахъ этого блеска образъ Обломова и той любви?..

Она ничего этого не понимала, не сознавала ясно, и боролась отчаянно съ этими вопросами, сама съ собой, и не знала, какъ выйти изъ хаоса.

Какъ ей быть? Оставаться въ нерѣшительномъ положеніи нельзя: когда-нибудь отъ этой нѣмой игры и борьбы запертыхъ въ груди чувствъ дойдетъ до словъ — что она отвѣтитъ о прошломъ! Какъ назоветъ его, и какъ назоветъ то, что чувствуетъ къ Штольцу?

Если она любитъ Штольца, что же такое была та любовь? — кокетство, вѣтреность, или хуже? Ее бросало въ

жарь и краску стыда при этой мысли. Такого обвиненія она не взведетъ на себя.

Если же то была первая, чистая любовь, что такое ея отношенія къ Штольцу?—Опять игра, обманъ, тонкій расчетъ, чтобъ увлечь его къ замужеству и покрыть этимъ вѣтреность своего поведенія?.. Ее бросало въ холодъ, и она блѣднѣла отъ одной мысли.

А не игра, не обманъ, не расчетъ—такъ... опять любовь?

Отъ этого предположенія она терялась: вторая любовь—чрезъ семь-восемь мѣсяцевъ послѣ первой! Кто жъ ей повѣритъ? Какъ она заикнется о ней, не вызвавъ изумленія, можетъ-быть... презрѣнія! Она и подумать не смѣетъ, не имѣетъ права!

Она порылась въ своей опытности: тамъ о второй любви никакого свѣдѣнія не отыскалось. Вспомнила про авторитеты тетокъ, старыхъ дѣвъ, разныхъ умницъ, наконецъ писателей, «мыслителей о любви» — со всѣхъ сторонъ слышитъ неумолимый приговоръ: «женщина истинно любитъ только однажды». И Обломовъ такъ изрекъ свой приговоръ. Вспомнила о Соничкѣ, какъ бы она отозвалась о второй любви, но отъ пріѣзжихъ изъ Россіи слышала, что пріятельница ея перешла на третью...

Нѣтъ, нѣтъ у ней любви къ Штольцу, рѣшала она, и быть не можетъ! Она любила Обломова, и любовь эта умерла, цвѣтъ жизни увялъ навсегда! У ней только дружба къ Штольцу, основанная на его блистательныхъ качествахъ, потомъ на дружбѣ его къ ней, на вниманіи, на довѣріи.

Такъ она отталкивала мысль, даже возможность о любви къ старому своему другу.

Вотъ причина, по которой Штольцъ не могъ уловить у ней на лицѣ и въ словахъ никакого знака, ни положительнаго равнодушія, ни мимолетной молніи, даже искры чувства, которое хоть бы на волосъ выходило за границы теплой, сердечной, но обыкновенной дружбы.

Чтобъ кончить все это разомъ, ей оставалось одно: замѣтивъ признаки рождающейся любви въ Штольцѣ, не дать ей нищи и хода и уѣхать поскорѣй. Но она уже потеряла время: это случилось давно, притомъ надо было ей предвидѣть, что чувство разыграется у него въ страсть; да это и не Обломовъ: отъ него никуда не уѣдешь.

Положимъ, это было бы физически и возможно, но ей морально невозможенъ отъѣздъ: сначала она пользовалась только прежними правами дружбы и находила въ Штольцѣ, какъ и давно, то игриваго, остроумнаго, насмѣшливаго собесѣдника, то вѣрнаго и глубокаго наблюдателя явленій жизни — всего, что случалось съ ними, или проносилось мимо ихъ, что ихъ занимало.

Но чѣмъ чаще они видѣлись, тѣмъ больше сближались нравственно, тѣмъ роль его становилась оживленнѣе: изъ наблюдателя онъ нечувствительно перешелъ въ роль истолкователя явленій, ея руководителя. Онъ невидимо сталъ ея разумомъ и совѣстью, и явились новыя права, новыя тайныя узы, опутавшія всю жизнь Ольги, все, кромѣ одного завѣтнаго уголка, который она тщательно прятала отъ его наблюденія и суда.

Она приняла эту нравственную опеку надъ своимъ умомъ и сердцемъ, и видѣла, что и сама получила на свою долю вліяніе на него. Они помѣнялись правами; она какъ-то незамѣтно, молча допустила размѣнъ.

Какъ теперь вдругъ все отнять?.. Да притомъ въ этомъ столько... столько занятія... удовольствія, разнообразія... жизни... Что она вдругъ станетъ дѣлать, если не будетъ этого? И когда ей приходила мысль бѣжать — было уже поздно, она была не въ силахъ.

Каждый проведенный не съ нимъ день, неповѣренная ему и нераздѣленная съ нимъ мысль — все это теряло для нея свой цвѣтъ и значеніе.

«Боже мой! Если бъ она могла быть его сестрой!» дума-

лось ей: «Какое счастье имѣть вѣчныя права на такого человека, не только на умъ, но и на сердце, наслаждаться его присутствіемъ законно, открыто, не платя за то никакими тяжелыми жертвами, огорченіями, довѣренностью жалкаго прошедшаго. А теперь что я такое? Уѣдетъ онъ — я не только не имѣю права удержать его, но должна желать разлуки; а удержу — что я скажу ему, по какому праву хочу его ежеминутно видѣть, слышать?.. Потому что мнѣ скучно, что я тоскую, что онъ учитъ, забавляетъ меня, что онъ мнѣ полезенъ и приятенъ. Конечно, это причина, но не право. А я что взамѣнъ приношу ему? Право любоваться мною безкорыстно и не смѣть подумать о взаимности, когда столько другихъ женщинъ сочли бы себя счастливыми...»

Она мучилась и задумывалась, какъ она выйдетъ изъ этого положенія, и не видала никакой цѣли, конца. Впереди былъ только страхъ его разочарованія и вѣчной разлуки. Иногда приходило ей въ голову открыть ему все, чтобъ кончить разомъ и свою, и его борьбу, да духъ захватывало, лишь только она задумаетъ это. Ей было стыдно, больно.

Страннѣе всего то, что она перестала уважать свое прошедшее, даже стала его стыдиться съ тѣхъ поръ, какъ стала неразлучна съ Штольцемъ, какъ онъ овладѣлъ ея жизнью. Узнай баронъ, напримѣръ, или другой кто-нибудь, она бы, конечно, смутилась, ей было бы неловко, но она не терзалась бы такъ, какъ терзается теперь, при мысли, что объ этомъ узнаетъ Штольць.

Она съ ужасомъ представляла себѣ, что выразится у него на лицѣ, какъ онъ взглянетъ на нее, что скажетъ, что будетъ думать потомъ? Она вдругъ покажется ему такой ничтожной, слабой, мелкой. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

Она стала наблюдать за собой, и съ ужасомъ открыла, что ей не только стыдно прошлоаго своего романа, но и ге-

роя... Тутъ жгло ее и раскаяніе въ неблагодарности за глупую преданность ея прежняго друга.

Можетъ-быть, она привыкла бы и къ своему стыду, обтерпѣлась бы: къ чему не привыкаетъ человѣкъ! если бы ея дружба къ Штольцу была чужда всякихъ корыстолюбивыхъ помысловъ и желаній. Но если она заглушала даже всякій лукавый и льстивый шопоть сердца, то не могла совладѣть съ грѣзами воображенія: часто передъ глазами ея, противъ ея власти, становился и сіялъ образъ этой другой любви; все обольстительнѣе, обольстительнѣе, росла мечта роскошнаго счастья, не съ Обломовымъ, не въ лѣнливой дремотѣ, а на широкой аренѣ всесторонней жизни, со всею ея глубиной, со всѣми прелестями и скорбями — счастья съ Штольцемъ...

Тогда-то она обливала слезами свое прошедшее и не могла смыть. Она отрезвлялась отъ мечты и еще тщательнѣе спасалась за стѣной непроницаемости, молчанія и того дружескаго равнодушія, которое терзало Штольца. Потомъ, забывшись, увлекалась опять безкорыстно присутствіемъ друга, была очаровательна, любезна, довѣрчива, пока опять незаконная мечта о счастьѣ, на которое она утратила права, не напомнитъ ей, что будущее для нея потеряно, что розовыя мечты уже назади, что опаль цвѣтъ жизни.

Вѣроятно, съ лѣтами она успѣла бы помириться съ своимъ положеніемъ и отвыкла бы отъ надеждъ на будущее, какъ дѣлаютъ всѣ старыя дѣвы, и погрузилась бы въ холодную апатію, или стала бы заниматься добрыми дѣлами; но вдругъ незаконная мечта ея приняла болѣе грозный образъ, когда изъ нѣсколькихъ вырвавшихся у Штольца словъ она ясно увидѣла, что потеряла въ немъ друга и приобрѣла страстнаго поклонника. Дружба утонула въ любви.

Она была блѣдна въ то утро, когда открыла это, не выходила цѣлый день, волновалась, боролась съ собою, думала, что ей дѣлать теперь, какой долгъ лежитъ на ней — и ни-

чего не придумала. Она только кляла себя, зачѣмъ она вначалѣ не побѣдила стыда и не открыла Штольцу раньше прошедшее, а теперь ей надо побѣдить еще ужасъ.

Бывали припадки рѣшимости, когда въ груди у ней наболить, накипать тамъ слезы, когда ей хочется броситься къ нему, и не словами, а рыданіями, судорогами, обмороками, рассказать про свою любовь, чтобъ онъ видѣлъ и искупленіе.

Она слыхала, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ другіе. Соничка, напримѣръ, сказала своему жениху про корнета, что она дурачила его, что онъ мальчишка, что она нарочно заставляла ждать его на морозѣ, пока она выйдетъ садиться въ карету, и т. д.

Соничка не задумалась бы сказать и про Обломова, что пошутила съ нимъ, для развлеченія, что онъ такой смѣшной, что можно ли любить «такой мѣшокъ», что этому никто не повѣритъ. Но такой образъ поведенія могъ бы быть оправданъ только мужемъ Сонички и многими другими, но не Штольцемъ.

Ольга могла бы благовиднѣе представить дѣло, сказать, что хотѣла извлечь Обломова только изъ пропасти и для того прибѣгала, такъ-сказать, къ дружескому кокетству... чтобъ оживить угасающаго человѣка и потомъ отойти отъ него. Но это было бы ужъ черезчуръ изысканно, натянуто и, во всякомъ случаѣ, фальшиво... Нѣтъ, нѣтъ спасенія!

«Боже, въ какомъ я омутѣ!» терзалась Ольга про себя. «Открыть!.. Ахъ, нѣтъ! пусть онъ долго, никогда не узнаетъ объ этомъ! А не открыть—все равно, что воровать. Это похоже на обманъ, на заискиванье. Боже, помоги мнѣ!..» Но помощи не было.

Какъ ни наслаждалась она присутствіемъ Штольца, но по временамъ она лучше бы желала не встрѣчаться съ нимъ болѣе, пройти въ жизни его едва замѣтною тѣнью, не мра-

чить его яснаго и разумнаго существованія незаконною страстью.

Она бы потосковала еще о своей неудавшейся любви, оплакала бы прошедшее, похоронила бы въ душѣ память о немъ, потомъ... потомъ, можетъ-быть, нашла бы «приличную партію», какихъ много, и была бы хорошей, умной, заботливой женой и матерью, а прошлое сочла бы дѣвической мечтой, и не прожила, а протерпѣла бы жизнь. Вѣдь всѣ такъ дѣлаютъ!

Но тутъ не въ ней одной дѣло, тутъ замѣшанъ другой, и этотъ другой на ней покоитъ лучшія и конечныя жизненныя надежды.

«Зачѣмъ... я любила?» въ тоскѣ мучилась она и вспомнила утро въ паркѣ, когда Обломовъ хотѣлъ бѣжать, а она думала тогда, что книга ея жизни закроется навсегда, если онъ бѣжитъ. Она такъ смѣло и легко рѣшала вопросъ любви, жизни, такъ все казалось ей ясно—и все запуталось въ неразрѣшимый узелъ.

Она поумничала, думала, что стѣбитъ только глядѣть просто, идти прямо—и жизнь послушно, какъ скатерть, будетъ разстилаться подъ ногами, и вотъ!.. Не на кого даже свалить вину: она одна преступна!

Ольга, не подозрѣвая, зачѣмъ пришелъ Штольцъ, беззаботно встала съ дивана, положила книгу и пошла ему навстрѣчу.

— Я не мѣшаю вамъ? — спросилъ онъ, садясь къ окну въ ея комнатѣ, обращенному на озеро.—Вы читали?

— Нѣтъ, я ужъ перестала читать: темно становится. Я ждала васъ!—мигко, дружески, довѣрчиво говорила она.

— Тѣмъ лучше: мнѣ нужно поговорить съ вами,—замѣтилъ онъ серьезно, подвинувъ ей другое кресло къ окну.

Она вздрогнула и онѣмѣла на мѣстѣ. Потомъ машинально опустила въ кресло и, наклонивъ голову, не поднимая

глазь, сидѣла въ мучительномъ положеніи. Ей хотѣлось бы быть въ это время за сто верстъ отъ того мѣста.

Въ эту минуту, какъ молнія, сверкнуло у ней въ памяти прошедшее. «Судь настала! Нельзя играть въ жизнь какъ въ куклы!» слышался ей какой-то посторонній голосъ: «Не шути съ ней—расплатишься!»

Они молчали нѣсколько минутъ. Онъ очевидно собирался съ мыслями. Ольга боязливо вглядывалась въ его похудѣвшее лицо, въ нахмуренныя брови, въ сжатыя губы съ выраженіемъ рѣшительности.

«Немезида!..» думала она, внутренне вздрагивая. Оба какъ будто готовились къ поединку.

— Вы, конечно, угадываете, Ольга Сергѣевна, о чемъ я хочу говорить? — сказалъ онъ, глядя на нее вопросительно.

Онъ сидѣлъ въ простѣнкѣ, который скрывалъ его лицо, тогда какъ свѣтъ отъ окна прямо падалъ на нее, и онъ могъ читать, что было у ней на умѣ.

— Какъ я могу знать?—отвѣчала она тихо.

Передъ этимъ опаснымъ противникомъ у ней ужъ не было ни той силы воли и характера, ни проницательности, ни умѣнья владѣть собой, съ какими она постоянно являлась Обломову.

Она понимала, что если она до сихъ поръ могла укрываться отъ зоркаго взгляда Штольца и вести удачно войну, то этимъ обязана была вовсе не своей силѣ, какъ въ борьбѣ съ Обломовымъ, а только упорному молчанію Штольца, его скрытому поведенію. Но въ открытомъ полѣ перевѣсъ былъ не на ея сторонѣ, и потому вопросомъ: «какъ я могу знать?» она хотѣла только выиграть вершокъ пространства и минуту времени, чтобъ непріятель яснѣе обнаружилъ свой замыселъ.

— Не знаете?—сказалъ онъ простодушно. — Хорошо, я скажу...

— Ахъ, нѣтъ!—вдругъ вырвалось у ней.

Она схватила его за руку и глядѣла на него, какъ будто моля о пощадѣ.

— Вотъ видите, я угадалъ, что вы знаете! — сказалъ онъ.— Отчего же «нѣтъ»?—прибавилъ потомъ съ грустью.

Она молчала.

— Если вы предвидѣли, что я когда-нибудь выскажусь, то знали, конечно, что и отвѣчать мнѣ?—спросилъ онъ.

— Предвидѣла и мучилась!—сказала она, откидываясь на спинку кресель и отворачиваясь отъ свѣта, призывая мысленно скорѣе сумерки себѣ на помощь, чтобъ онъ не читалъ борьбы смущенія и тоски у ней на лицѣ.

— Мучились! Это страшное слово,—почти шопотомъ произнесъ онъ:—это Дантово: «оставь надежду навсегда». Мнѣ больше и говорить нечего: тутъ все! Но благодарю и за то,—прибавилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ:—я вышелъ изъ хаоса, изъ тьмы, и знаю, по крайней мѣрѣ, что мнѣ дѣлать. Одно спасенье—бѣжать скорѣй!

Онъ всталъ.

— Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ!—бросившись къ нему, схвативъ его опять за руку, съ искугомъ и мольбой заговорила она.—Пожалуйте меня: что со мной будетъ?

Онъ сѣлъ, и она тоже.

— Но я васъ люблю, Ольга Сергѣевна!—сказалъ онъ почти сурово.—Вы видѣли, что въ эти полгода дѣлалось со мной! Чего же вамъ хочется: полнаго торжества? чтобъ я зачахъ, или рехнулся? Покорно благодарю!

Она измѣнилась въ лицѣ.

— Уѣзжайте!—сказала она съ достоинствомъ подавленной обиды и вмѣстѣ глубокой печали, которой не въ силахъ была скрыть.

— Простите, виновать!—извинялся онъ.— Вотъ мы, не видя ничего, ужъ и поссорились. Я знаю, что вы не можете хотѣть этого, но вы не можете и стать въ мое поло-

женіе, и оттого вамъ странно мое движеніе—бѣжать. Человѣкъ иногда бессознательно дѣлается эгоистомъ.

Она перемѣнила положеніе въ креслѣ, какъ будто ей неловко было сидѣть, но она ничего не сказала.

— Ну, пусть бы я остался: что изъ этого?—продолжалъ онъ.—Вы, конечно, предложите мнѣ дружбу; но вѣдь она и безъ того моя. Я уѣду, и черезъ годъ, черезъ два она все будетъ моя. Дружба—вещь хорошая, Ольга Сергѣевна, когда она—любовь между молодыми мужчиной и женщиной, или воспоминаніе о любви между стариками. Но Боже сохрани, если она съ одной стороны дружба, съ другой—любовь. Я знаю, что вамъ со мной не скучно, но мнѣ-то съ вами каково?

— Да, если такъ, уѣзжайте, Богъ съ вами!—чуть слышно прошептала она.

— Остаться!—размышлялъ онъ вслухъ:—ходить по лезвію ножа—хороша дружба!

— А мнѣ развѣ легче?—неожиданно возразила она.

— Вамъ отчего?—спросилъ онъ съ живостью.—Вы... вы не любите...

— Не знаю, клянусь Богомъ, не знаю! Но если вы... если измѣнится какъ-нибудь моя настоящая жизнь, что со мной будетъ?—уныло, почти про-себя прибавила она.

— Какъ я долженъ понимать это? Вразумите меня, ради Бога!—придвигая кресло къ ней, сказалъ онъ, озадаченный ея словами и глубокимъ, непритворнымъ тономъ, какимъ они были сказаны.

Онъ старался разглядѣть ея черты. Она молчала. У ней горѣло въ груди желаніе успокоить его, воротить слово «мучилась» или растолковать его иначе, нежели какъ онъ понималъ; но какъ растолковать—она не знала сама, только смутно чувствовала, что оба они подъ гнѣтомъ рокового недоумѣнія, въ фальшивомъ положеніи, что обнимъ тяжело отъ этого, и что онъ только могъ, или она, съ его помощью,

могла привести въ ясность и въ порядокъ и прошедшее, и настоящее. Но для этого нужно перейти бездну, открыть ему, что съ ней было: какъ она хотѣла и какъ боялась— его суда!

— Я сама ничего не понимаю; я больше въ хаосѣ, во тьмѣ, нежели вы!—сказала она.

— Послушайте, вѣрите ли вы мнѣ?—спросилъ онъ, взявъ ее за руку.

— Безгранично, какъ матери,—вы это знаете,—отвѣчала она слабо.

— Разскажите же мнѣ, что было съ вами съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались. Вы непроницаемы теперь для меня, а прежде я читалъ на лицѣ ваши мысли: кажется, это одно средство для насъ понять другъ друга. Согласны вы?

— Ахъ, да, это необходимо... надо кончить чѣмъ-нибудь...—проговорила она съ тоской отъ неизбежнаго признанія. «Немезида! Немезида!» думала она, клоня голову къ груди.

Она потупилась и молчала. А ему въ душу пахнуло ужасомъ отъ этихъ простыхъ словъ и еще болѣе отъ ея молчанія.

«Она терзается! Боже! Что съ ней было?» съ холодящимъ лбомъ думалъ онъ, и чувствовалъ, что у него дрожатъ руки и ноги. Ему вообразилось что-то очень страшное. Она все молчитъ и видимо борется съ собой.

— Итакъ... Ольга Сергѣевна...—торопилъ онъ.

Она молчала, только опять сдѣлала какое-то нервное движеніе, котораго нельзя было разглядѣть въ темнотѣ, лишь слышно было, какъ шаркнуло ея шелковое платье.

— Я собираюсь съ духомъ,—сказала она, наконецъ:— какъ трудно, если бъ вы знали!—прибавила потомъ, отворачиваясь въ сторону, стараясь одолѣть борьбу.

Ей хотѣлось, чтобъ Штольцъ узналъ все не изъ ея устъ, а какимъ-нибудь чудомъ. Къ счастью, стало темнѣе, и ея

лицо было ужъ въ тѣни: могъ только измѣнять голосъ и слова не сходили у ней съ языка, какъ будто она затруднялась, съ какой ноты начать.

«Боже мой! Какъ я должна быть виновата, если мнѣ такъ стыдно, больно!» мучилась она внутренно.

А давно ли она съ такой увѣренностью ворочала своей и чужой судьбой, была такъ умна, сильна! И вотъ настала ея чередъ дрожать какъ дѣвочки! Стыдъ за прошлое, пытка самолюбія за настоящее, фальшивое положеніе терзали ее... Невыносимо!

— Я вамъ помогу... вы... любили?..—насилу выговорил Штолицъ,—такъ стало больно ему отъ собственнаго слова.

Она подтвердила молчаніемъ. А на него опять пахнуло ужасомъ.

— Кого же? Это не секретъ? — спросилъ онъ, стараясь выговаривать твердо, но самъ чувствовалъ, что у него дрожать губы.

А ей было еще мучительнѣе. Ей хотѣлось бы сказать другое имя, выдумать другую исторію. Она съ минуту колебалась, но дѣлать было нечего: какъ человѣкъ, который, въ минуту крайней опасности, кидается съ крутого берега, или бросается въ пламя, она вдругъ выговорила:

— Обломова!

Онъ остолбѣнѣлъ. Минуты двѣ длилось молчаніе.

— Обломова! — повторилъ онъ въ изумленіи. — Это неправда!—прибавилъ потомъ положительно, понизивъ голосъ.

— Правда!—покойно сказала она.

— Обломова!—повторилъ онъ вновь.—Не можетъ быть!—прибавилъ опять увѣрительно.—Тутъ есть что-то: вы не поняли себя, Обломова или, наконецъ, любви.

Она молчала.

— Это не любовь, это что-нибудь другое, говорю я!—настойчиво твердилъ онъ.

— Да, я кокетничала съ нимъ, водила за носъ, сдѣлала

несчастливымъ... потому, по вашему мнѣнію, принимаюсь за васъ!—произнесла она сдержаннымъ голосомъ, и въ голосѣ ея опять закипѣли слезы обиды.

— Милая Ольга Сергѣевна! Не сердитесь, не говорите такъ: это не вашъ тонъ. Вы знаете, что я не думаю ничего этого. Но въ мою голову не входитъ, я не понимаю, какъ Обломовъ...

— Онъ стоить, однакожъ, вашей дружбы; вы не знаете, какъ цѣнить его: отчего жъ онъ не стоить любви?—защитила она.

— Я знаю, что любовь менѣе взыскательна, нежели дружба, — сказалъ онъ: — она даже часто слѣпа, любятъ не за заслуги—все такъ. Но для любви нужно что-то такое, иногда пустяки, чего ни опредѣлить, ни назвать нельзя и чего нѣтъ въ моемъ несравненномъ, но неповоротливомъ Ильѣ. Вотъ почему я удивляюсь. Послушайте, — продолжалъ онъ съ живостью: — мы никогда не дойдемъ такъ до конца, не поймемъ другъ друга. Не стыдитесь подробностей, не пощадите себя на полчаса, расскажите мнѣ все, а я скажу вамъ, что это такое было, и даже, можетъ-быть, что будетъ... Мнѣ все кажется, что тутъ... не то... Ахъ, если бъ это была правда!—прибавилъ онъ съ одушевленіемъ.—Если бъ Обломова, а не другого! Обломова! Вѣдь это значить, что вы принадлежите не прошлому, не любви, что вы свободны... Расскажите, расскажите скорѣй! — покойнымъ, почти веселымъ голосомъ заключилъ онъ.

— Да, ради Бога!—довѣрчиво отвѣтила она, обрадованная, что часть цѣпей съ нея снята.—Одна я съ ума схожу. Если бъ вы знали, какъ я жалка! Я не знаю, виновата ли я, или нѣтъ, стыдиться ли мнѣ прошедшаго, жалѣть ли о немъ, надѣяться ли на будущее, или отчаиваться... Вы говорили о своихъ мученіяхъ, а моихъ не подозрѣвали. Выслушайте же до конца, но только не уможь: я боюсь вашего ума; сердцемъ лучше: можетъ-быть, оно разсудитъ, что у меня

нѣтъ матери, что я была какъ въ лѣсу...—тихо, упавшимъ голосомъ прибавила она. — Нѣтъ, — торопливо поправились потомъ:—не шадите меня. Если это была любовь, то... уѣзжайте.—Она остановилась на минуту.—И пріѣзжайте послѣ, когда заговорить опять одна дружба. Если же это была вѣтренность, кокетство,—то казните, бѣгите дальше и забудьте меня. Слушайте.

Онъ въ отвѣтъ крѣпко пожалъ ей обѣ руки.

Началась исповѣдь Ольги, длинная, подробная. Она отчетливо, слово за словомъ, перекладывала изъ своего ума въ чужой все, что ее такъ долго грызло, чего она краснѣла, чѣмъ прежде умилялась, была счастлива, а потомъ вдругъ упала въ омутъ горя и сомнѣній.

Она рассказала о прогулкахъ, о паркѣ, о своихъ надеждахъ, о просвѣтлѣніи и паденіи Обломова, о вѣткѣ сирени, даже о поцѣлуѣ. Только прошла молчаніемъ душный вечеръ въ саду—вѣроятно потому, что все еще не рѣшила, что за припадокъ съ ней случился тогда.

Сначала слышался только ея смущенный шопотъ, но по мѣрѣ того, какъ она говорила, голосъ ея становился явственнѣе и свободнѣе; отъ шопота онъ перешелъ въ полутонъ, потомъ возвысился до полныхъ грудныхъ нотъ. Кончила она покойно, какъ будто пересказывала чужую исторію. Передъ ней самой снималась завѣса, развивалось прошлое, въ которое до этой минуты она боялась заглянуть пристально. На многое у ней открывались глаза, и она смѣло бы взглянула на своего собесѣдника, если бы не было темно.

Она кончила и ждала приговора. Но отвѣтомъ была могильная тишина.

Что онъ? Не слышать ни слова, ни движенія, даже дыханія, какъ будто никого не было съ нею.

Эта нѣмота опять бросила въ нее сомнѣніе. Молчаніе длилось. Что значитъ это молчаніе? Какой приговоръ гото-

вится ей отъ самаго пронизательнаго, снисходительнаго судьбы въ дѣломъ мірѣ? Все прочее безжалостно осудить ее, только одинъ онъ мотъ быть ея адвокатомъ, его бы избрала она... онъ бы все понялъ, взвѣсилъ и лучше ея самой рѣшилъ въ ея пользу! А онъ молчитъ: ужели дѣло ея потеряно?..

Ей стало опять страшно...

Отворились двери, и двѣ свѣчи, внесенныя горничной, озарили свѣтомъ ихъ уголь.

Она бросила на него робкій, но жадный, вопросительный взглядъ. Онъ сложилъ руки крестомъ и смотритъ на нее такими кроткими, открытыми глазами, наслаждается ея смущеніемъ.

У ней сердце отошло, отогрѣлось. Она успокоительно вздохнула и чуть не заплакала. Къ ней мгновенно воротилось снисхождение къ себѣ, довѣренность къ нему. Она была счастлива, какъ дитя, которое простили, успокоили и обласкали.

— Все?—спросилъ онъ тихо.

— Все!—сказала она.

— А письмо его?

Она вынула изъ портфеля письмо и подала ему. Онъ подошелъ къ свѣчкѣ, прочелъ и положилъ на столъ. А глаза опять обратились на нее съ тѣмъ же выраженіемъ, какого она ужъ давно не видала въ немъ.

Передъ ней стоялъ прежній, увѣренный въ себѣ, немного насмѣшливый и безгранично-добрый, балующій ее другъ. Въ лицѣ у него ни тѣни страданія, ни сомнѣнія. Онъ взялъ ее за обѣ руки, поцѣловалъ ту и другую, потомъ глубоко задумался. Она притихла въ свою очередь и, не смигнувъ, наблюдала движеніе его мысли на лицѣ.

Вдругъ онъ всталъ.

— Боже мой, если бъ я зналъ, что дѣло идетъ объ Обломовѣ, мучился ли бы я такъ!—сказалъ онъ, глядя на нее

такъ ласково, съ такою довѣрчивостью, какъ будто у ней не было этого ужаснаго прошедшаго.

На сердцѣ у ней такъ повеселѣло, стало празднично. Ей было легко. Ей стало ясно, что она стыдилась его одного, а онъ не казнить ея, не бѣжить! Чтò ей за дѣло до суда цѣлаго свѣта!

Онъ ужъ владѣлъ опять собою, былъ веселъ; но ей мало было этого. Она видѣла, что она оправдана; но ей, какъ подсудимой, хотѣлось знать приговоръ. А онъ взялъ шляпу.

— Куда вы?—спросила она.

— Вы взволнованы, отдохните! — сказалъ онъ. — Завтра поговоримъ.

— Вы хотите, чтобъ я не спала всю ночь? — перебила она, удерживая его за руку и сажая на стуль.—Хотите уйти, не сказавъ, чтò это... было, чтò я теперь, чтò я... буду. Пожалѣйте, Андрей Ивановичъ: кто же мнѣ скажетъ? Кто накажетъ меня, если я стою, или... кто простить?.. — прибавила она и взглянула на него съ такой нѣжной дружбой, что онъ бросилъ шляпу и чуть самъ не бросился предъ ней на колѣни.

— Ангель — позвольте сказать — мой! — говорилъ онъ.— Не мучьтесь напрасно: ни казнить, ни миловать васъ не нужно. Мнѣ даже нечего и прибавлять къ вашему разсказу. Какія могутъ быть у васъ сомнѣнія? Вы хотите знать, чтò это было, назвать по имени? Вы давно знаете... Гдѣ письмо Обломова?

Онъ взялъ письмо со стола.

— Слушайте же! — и читалъ: — «ваше настоящее *люблю* не есть настоящая любовь, а будущая. Это только безсознательная потребность любить, которая, за недостаткомъ настоящей пищи, высказывается иногда у женщинъ въ ласкахъ къ ребенку, къ другой женщинѣ, даже просто въ слезахъ или въ истерическихъ припадкахъ!.. Вы *ошиблись* (читалъ Штольцъ, ударяя на этомъ словѣ): предъ вами не

тотъ, кого вы ждали, о комъ мечтали. Погодите—онъ придетъ, и тогда вы очнетесь, вамъ будетъ досадно и стыдно за свою ошибку...»

— Видите, какъ это вѣрно! — сказала онъ. — Вамъ было и стыдно, и досадно за... ошибку. Къ этому ничего прибавить. Онъ былъ правъ, а вы не повѣрили, и въ этомъ вся ваша вина. Вамъ бы тогда и разойтись; но его одолѣла ваша красота... а васъ трогала... его голубиная нѣжность! — чуть-чуть насмѣшливо прибавилъ онъ.

— Я не повѣрила ему, я думала, что сердце не ошибается.

— Нѣтъ, ошибается, и какъ иногда губительно! Но у васъ до сердца и не доходило, — прибавилъ онъ: — воображеніе и самолюбіе съ одной стороны, слабость — съ другой... А вы боялись, что не будетъ другого праздника въ жизни, что этотъ блѣдный лучъ озаритъ жизнь и потомъ будетъ вѣчная ночь...

— А слезы? — сказала она. — Развѣ онѣ не отъ сердца были, когда я плакала? Я не лгала, я была искренна...

— Боже мой! О чемъ не заплачутъ женщины? Вы сами же говорите, что вамъ было жаль букета сирени, любимой скамьи. Къ этому прибавьте обманутое самолюбіе, неудавшуюся роль спасительницы, немного привычки... Сколько причинъ для слезъ!

— И свиданія наши, прогулки, тоже ошибка? Вы помните, что я... была у него... — досказала она съ смущеніемъ, и сама, кажется, хотѣла заглушить свои слова.

Она старалась сама обвинять себя затѣмъ только, чтобъ онъ жарче защищалъ ее, чтобъ быть все правѣе и правѣе въ его глазахъ.

— Изъ разсказа вашего видно, что въ послѣднихъ свиданіяхъ вамъ и говорить было не о чемъ. У вашей такъ-называемой «любви» не хватало и содержанія; она дальше пойти не могла. Вы еще до разлуки разошлись и были

вѣрны не любви, а призраку ея, который сами выдумали— вотъ и вся тайна.

— А поцѣлуй? — шепнула она такъ тихо, что онъ не слыхалъ, а догадался.

— О, это важно, — съ комической строгостью произнесъ онъ: — за это надо было лишить васъ... одного блюда за обѣдомъ.

Онъ глядѣлъ на нее все съ большей лаской, съ большей любовью.

— Шутка не оправданіе такой «ошибки»! — возразила она строго, обиженная его равнодушіемъ и небрежнымъ тономъ. — Мнѣ легче было бы, если бъ вы наказали меня какимъ-нибудь жесткимъ словомъ, назвали бы мой проступокъ его настоящимъ именемъ.

— Я бы и не шутилъ, если бъ дѣло шло не объ Ильѣ, а о другомъ,—оправдывался онъ: — тамъ ошибка могла бы кончиться... бѣдой: но я знаю Обломова...

— Другой, никогда!—вспыхнувъ, перебила она.—Я узнала его больше, нежели вы...

— Вотъ видите!—подтвердилъ онъ.

— Но если бъ онъ... измѣнился, ожилъ, послушался меня и... развѣ я не любила бы его тогда? Развѣ и тогда была бы ложь, ошибка?—говорила она, чтобъ осмотрѣть дѣло со всѣхъ сторонъ, чтобъ не осталось ни малѣйшаго пятна, никакой загадки.

— То-есть, если бъ на его мѣстѣ былъ другой человекъ, — перебилъ Штольцъ: — нѣтъ сомнѣнія, ваши отношенія разыгрались бы въ любовь, упрочились, и тогда... Но это другой романъ и другой герой, до котораго намъ дѣла нѣтъ.

Она вздохнула, какъ будто сбросила послѣднюю тяжесть съ души. Оба молчали.

— Ахъ, какое счастье... выздоравливать,—медленно произнесла она, какъ будто расцвѣтая, и обратила къ нему

взглядъ такой глубокой признательности, такой горячей, небывалой дружбы, что въ этомъ взглядѣ почудилась ему искра, которую онъ напрасно ловилъ почти годъ. По немъ пробѣжала радостная дрожь.

— Нѣтъ, выздоравливаю я! — сказалъ онъ и задумался. — Ахъ, если бѣ только я могъ знать, что герой этого романа — Илья! Сколько времени ушло, сколько крови испортилось! За что? За чѣмъ? — твердилъ онъ почти съ досадою.

Но вдругъ онъ какъ будто отрезвился отъ этой досады, очнулся отъ тяжелаго раздумья. Лобъ разгладился, глаза повеселѣли.

— Но, видно, это было неизбежно: зато, какъ я покоенъ теперь и... какъ счастливъ! — съ упоеніемъ прибавилъ онъ.

— Какъ сонъ, какъ будто ничего не было! — говорила она, задумчиво, едва слышно, удивляясь своему внезапному возрожденію. — Вы вынули не только стыдъ, раскаяніе, но и горечь, боль — все... Какъ это вы сдѣлали? — тихо спросила она. — И все это пройдетъ, эта... ошибка?

— Да ужъ, я думаю, и прошло! — сказалъ онъ, взглянувъ на нее въ первый разъ глазами страсти и не скрывая этого: — то-есть все, что было.

— А что... будетъ... не ошибка... истина?.. — спрашивала она, не договаривая.

— Вотъ тутъ написано, — рѣшилъ онъ, взявъ опять письмо: — «предъ вами не тотъ, кого вы ждали, о комъ мечтали: онъ придетъ, и вы очнетесь...» И полюбите, прибавлю я, такъ полюбите, что мало будетъ не года, а цѣлой жизни для той любви, только не знаю... кого? — досказалъ онъ, впиваясь въ нее глазами.

Она потупила глаза и сжала губы, но сквозь вѣки порывались наружу лучи, губы удерживали улыбку, но не удержали. Она взглянула на него и засмѣялась такъ отъ души, что у ней навернулись даже слезы.

— Я вамъ сказалъ, что съ вами было и даже, что будетъ, Ольга Сергѣевна,—заклучилъ онъ.—А вы мнѣ ничего не скажете въ отвѣтъ на мой вопросъ, который не дали кончить.

— Но что я могу сказать?—въ смущеніи говорила она.— Имѣла ли бы я право, если бь могла сказать то, что вамъ такъ нужно и чего... вы такъ стоите? — шопотомъ прибавила и стыдливо взглянула на него.

Во взглядѣ опять почудились ему искры небывалой дружбы; опять онъ дрогнулъ отъ счастья.

— Не торопитесь, — прибавилъ онъ: — скажите, чего я стою, когда кончится вашъ сердечный трауръ, трауръ приличія. Мнѣ кое-что сказалъ и этотъ годъ. А теперь рѣшите только вопросъ: ѣхать мнѣ, или... оставаться?

— Послушайте: вы кокетничаете со мной! — вдругъ весело сказала она.

— О, нѣтъ! — съ важностью замѣтилъ онъ. — Это не давешній вопросъ, теперь онъ имѣеть другой смыслъ: если я останусь, то... на какихъ правахъ?

Она вдругъ смутилась.

— Видите, что я не кокетничаю!—смѣялся онъ, довольный, что поймалъ ее. — Вѣдь намъ, послѣ нынѣшняго разговора, надо быть иначе другъ съ другомъ: мы оба ужъ не тѣ, что были вчера.

— Я не знаю...—шептала она, еще болѣе смущенная.

— Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ?

— Говорите... я слѣпо исполню! — почти съ страстною покорностью прибавила она.

— Выдѣте за меня замужъ, въ ожиданіи, пока онъ придетъ!

— Еще не смѣю...—шептала она, закрывая лицо руками, въ волненіи, но счастливая.

— Отчего жъ не смѣете? — шопотомъ же спросилъ онъ, наклоняя ей голову къ себѣ.

— А это прошлое? — шептала она опять, кладя ему голову на грудь, какъ матери.

Онъ тихонько отнялъ ея руки отъ лица, поцѣловалъ въ голову и долго любовался ея смущеніемъ, съ наслажденіемъ глядѣлъ на выступившія у ней и поглощенные опять глазами слезы.

— Поблѣкнетъ, какъ ваша сирень! — заключилъ онъ. — Вы взяли урокъ: теперь настала пора пользоваться имъ. Начинается жизнь: отдайте мнѣ ваше будущее и не думайте ни о чемъ — я ручаюсь за все. Пойдемте къ теткѣ.

Поздно ушелъ къ себѣ Штольцъ.

«Нашелъ свое», думалъ онъ, глядя влюбленными глазами на деревья, на небо, на озеро, даже на поднимавшійся съ воды туманъ. «Дождался! Столько лѣтъ жажды чувства, терпѣнія, экономіи силъ души! Какъ долго я ждалъ — все награждено: вотъ оно, послѣднее счастье чело-вѣка!»

Все теперь заслонилось въ его глазахъ счастьемъ: контора, телѣжка отца, замшевыя перчатки, замасленные счеты — вся дѣловая жизнь. Въ его памяти воскресла только благоухающая комната его матери, варьяціи Герца, княжеская галлерей, голубые глаза, каштановые волосы подъ пудрой — и все это покрывалъ какой-то нѣжный голосъ Ольги: онъ въ умѣ слышалъ ея пѣніе...

— Ольга — моя жена! — страстно вздрогнувъ, прошептала онъ. — Все найдено, нечего искать, некуда идти больше!

И въ задумчивомъ чаду счастья, шелъ домой, не замѣчая дороги, улицъ...

Ольга долго провожала его глазами, потомъ открыла окно, нѣсколько минутъ дышала ночной прохладой; волненіе понемногу улеглось, грудь дышала ровно.

Она устремила глаза на озеро, на даль, и задумалась такъ тихо, такъ глубоко, какъ будто заснула. Она хотѣла уловить, о чемъ она думаетъ, что чувствуетъ, и не могла.

Мысли неслись такъ ровно, какъ волны, кровь струилась такъ плавно въ жилахъ. Она испытывала счастье и не могла опредѣлить, гдѣ границы, что она такое. Она думала, отчего ей такъ тихо, мирно, ненарушимо-хорошо, отчего ей покойно, между тѣмъ...

— Я его невѣста...—прошептала она.

«Я невѣста!» съ гордымъ трепетомъ думаетъ дѣвушка, дождавшись этого момента, озаряющаго всю ея жизнь, и вырастетъ высоко, и съ высоты смотритъ на ту темную тропинку, гдѣ вчера шла одиноко и незамѣтно.

Отчего же Ольга не трепещетъ? Она тоже шла одиноко, незамѣтной тропой, также на перекресткѣ встрѣтился ей *онъ*, подавъ руку и вывелъ, не въ блескъ ослѣпительныхъ лучей, а какъ будто на разливъ широкой рѣки, къ пространнымъ полямъ и дружески улыбающимся холмамъ. Взглядъ ея не зажмурился отъ блеска, не замерло сердце, не вспыхнуло воображеніе.

Она съ тихой радостью успокоила взглядъ на разливѣ жизни, на ея широкихъ поляхъ и зеленыхъ холмахъ. Не бѣгала у ней дрожь по плечамъ, не горѣлъ взглядъ гордостью: только, когда она перенесла этотъ взглядъ съ полей и холмовъ на того, кто подавъ ей руку, она почувствовала, что по щекъ у ней медленно тянется слеза...

Она все сидѣла, точно спала — такъ тихъ былъ сонъ ея счастья: она не шевелилась, почти не дышала. Погруженная въ забытье, она устремила мысленный взглядъ въ какую-то тихую, голубую ночь, съ кроткимъ сіяніемъ, съ тепломъ и ароматомъ. Грѣза счастья распростерла широкия крылья и плыла медленно, какъ облако въ небѣ, надъ ея головой...

Не видала она себя въ этомъ снѣ завернутою въ газы и блонды на два часа и потомъ въ будничныя трики на всю жизнь. Не снился ей ни праздничный пиръ, ни огни, ни веселые кланки; ей снилось счастье, но такое простое,

такое неукрашенное, что она еще разъ, безъ трепета гордости, и только съ глубокимъ умилениемъ прошептала: — Я его невѣста!

V.

Боже мой! Какъ все мрачно, скучно смотрѣло въ квартирѣ Обломова, года полтора спустя послѣ именинъ, когда, нечаянно, пріѣхалъ къ нему обѣдать Штольцъ. И самъ Илья Ильичъ обрюзгъ, скука вѣлась въ его глаза и выглядывала оттуда, какъ немочь какая-нибудь.

Онъ походить-походить по комнатѣ, потомъ ляжетъ и смотритъ въ потолокъ; возьметъ книгу съ этажерки, пробѣжитъ нѣсколько строкъ глазами, зѣвнетъ и начнетъ барабанить пальцами по столу.

Захаръ сталъ еще неуклюжѣ, неопрятнѣ; у него появились заплаты на локтяхъ; онъ смотритъ такъ бѣдно, голодно, какъ будто плохо ѣстъ, мало спитъ и за троиухъ работаетъ.

Халатъ на Обломовѣ истаскался, и какъ ни заботливо зашивались дыры на немъ, но онъ расплзается вездѣ и не по швамъ: давно бы надо новый. Одѣяло на постели тоже истасканное, кое-гдѣ съ заплатами; занавѣски на окнахъ полиняли давно и, хотя онѣ вымыты, но похожи на тряпки.

Захаръ принесъ старую скатерть, постлалъ на половинѣ стола, подлѣ Обломова, потомъ осторожно, прикусивъ языкъ, принесъ приборъ съ графиномъ водки, положить хлѣбъ и ушелъ.

Дверь съ хозяйской половины отворилась, и вошла Агаея Матвѣвна, неся проворно шипящую сковороду съ яичницей.

И она ужасно измѣнилась, не въ свою пользу. Она похудѣла. Нѣтъ круглыхъ, бѣлыхъ, некрасивующихъ и неблѣднѣющихъ щекъ; не лоснятся рѣдкія брови; глаза у ней впали.

Одѣта она въ старое ситцевое платье; руки у ней не то загорѣли, не то загрубѣли отъ работы, отъ огня, или отъ воды, или отъ того и отъ другого.

Акулины уже не было въ домѣ. Анисья—и на кухнѣ, и на огородѣ, и за птицами ходить, и полы моетъ, и стираетъ; она не управится одна, и Агаѣя Матвѣевна, волей-неволей, сама работаетъ на кухнѣ: она толчетъ, сѣветъ и третъ мало, потому что мало выходитъ кофе, корицы и миндаля, а о кружевахъ она забыла и думать. Теперь ей чаще приходится крошить лукъ, тереть хрѣнь и тому подобныя пряности. Въ лицѣ у ней лежитъ глубокое уныніе.

Но не о себѣ, не о своемъ кофе вздыхаетъ она, тужить не оттого, что ей нѣтъ случая посуетиться, похозяйничать широко, потолочь корицу, положить ваниль въ соусъ, или варить густыя сливки, а оттого, что другой годъ не кушаетъ этого ничего Илья Ильичъ, оттого, что кофе ему не берется пудами изъ лучшаго магазина, а покупается на гривенники въ лавочкѣ; сливки приноситъ не чухонка, а снабжаетъ ими та же лавочка, оттого, что вмѣсто сочной котлетки, она несетъ ему на завтракъ личницу, заправленную жесткой, залежавшейся въ лавочкѣ же ветчиной.

Что же это значитъ? А то, что другой годъ доходы съ Обломовки, исправно присылаемые Штольцемъ, поступаютъ на удовлетвореніе претензій по заемному письму, данному Обломовымъ хозяйкѣ.

«Законное дѣло» брата удалось сверхъ ожиданія. При первомъ намекѣ Тарантьева на скандальное дѣло, Илья Ильичъ всныхнулъ и сконфузился; потомъ пошли на мировую, потомъ вышли всѣ трое, и Обломовъ подписалъ заемное письмо, срокомъ на четыре года; а черезъ мѣсяць Агаѣя Матвѣевна подписала такое же письмо на имя брата, не подозрѣвая, что такое и зачѣмъ она подписываетъ. Братецъ сказали, что это нужная бумага по дому и

ведѣли написать: «къ сему заемному письму такая-то (чинъ, имя и фамилія) руку приложила».

Она только затруднилась тѣмъ, что много понадобилось написать, и попросила брата заставить лучше Ванюшу что «онъ-де бойко сталъ писать», а она, пожалуй, что-нибудь напутаетъ. Но братецъ настоятельно потребовали, и она подписала криво, косо и крупно. Больше объ этомъ ужъ никогда и рѣчи не было.

Обломовъ, подписывая, утѣшался отчасти тѣмъ, что деньги эти пойдутъ на сиротъ, а потомъ, на другой денъ когда, голова у него была свѣжа, онъ со стыдомъ вспомнилъ объ этомъ дѣлѣ и старался забыть, избѣгалъ встрѣчи съ братцемъ, и если Тарантьевъ заговаривалъ о томъ, онъ грозилъ немедленно съѣхать съ квартиры и уѣхать въ деревню.

Потомъ, когда онъ получилъ деньги изъ деревни, братецъ пришли къ нему и объявили, что ему, Ильѣ Ильичу, легче будетъ начать уплату немедленно изъ дохода; что года въ три претензія будетъ покрыта, между тѣмъ какъ съ наступленіемъ срока, когда документъ будетъ поданъ ко взысканію, деревня должна будетъ поступить въ публичную продажу, такъ какъ суммы въ наличности у Обломова не имѣется и не предвидится.

Обломовъ понялъ, въ какіе тиски попалъ онъ, когда все, что присылалъ Штольцъ, стало поступать на уплату долга, а ему оставалось только небольшое количество денегъ на прожитокъ.

Братецъ спѣшилъ окончить эту добровольную сдѣлку съ своимъ должникомъ года въ два, чтобъ какъ-нибудь и что-нибудь не помѣшало дѣлу, и оттого Обломовъ вдругъ попалъ въ затруднительное положеніе.

Сначала это было не очень замѣтно, благодаря его привычкѣ не знать сколько у него въ карманѣ денегъ; но Иванъ Матвѣевичъ вздумалъ присвататься къ дочери какого-то лабазника, нанять особую квартиру и переѣхать.

Хозяйственные розмахи Агаѣи Матвѣевны вдругъ пріостановились: осетрина, бѣлоснѣжная телятина, индѣйки стали появляться на другой кухнѣ, въ новой квартирѣ Мухоморова.

Тамъ по вечерамъ горѣли огни, собирались будущіе родные братца, сослуживцы и Тарантьевъ; все очутилось тамъ. Агаѣя Матвѣевна и Анисья вдругъ остались съ разинутыми ртами и съ праздно-повисшими руками, надъ пустыми кастрюлями и горшками.

Агаѣя Матвѣевна въ первый разъ узнала, что у ней есть только домъ, огородъ и цыплята, и что ни корица, ни ваниль не растутъ въ ея огородѣ; увидала, что на рынкахъ лавочники мало-по-малу перестали ей низко кланяться, съ улыбкой, и что эти поклоны и улыбки стали доставаться новой, толстой, нарядной кухаркѣ ея братца.

Обломовъ отдалъ хозяйкѣ всѣ деньги, оставленные ему братцемъ на прожитокъ, и она, мѣсяца три-четыре, безъ памяти, попрежнему, молчала пудами кофе, толкла корицу, жарила телятину и индѣекъ, и дѣлала это до послѣдняго дня, въ который истратила послѣднія семь гривенъ и пришла къ нему сказать, что у ней денегъ нѣтъ.

Онъ три раза перевернулся на диванѣ отъ этого извѣстія, потомъ посмотрѣлъ въ ящикъ къ себѣ: и у него ничего не было. Сталъ припоминать, куда ихъ дѣлъ, и ничего не припомнилъ; пошарилъ на столѣ рукой, нѣтъ ли мѣдныхъ денегъ, спросилъ Захара, тотъ и во снѣ не видалъ. Она пошла къ братцу и наивно сказала, что въ домѣ денегъ нѣтъ.

— А куда вы съ вельможей ухлопали тысячу рублей, что я далъ ему на прожитье?—спросилъ онъ.—Гдѣ же я денегъ возьму? Ты знаешь, я въ законный бракъ вступаю: двѣ семьи содержать не могу, а вы съ бариномъ-то по одежкѣ протягивайте ножки.

— Что вы, братецъ, меня бариномъ попрекаете?— сказала она.—Что онъ вамъ дѣлаетъ? Никого не трогаетъ, жи-

веть-себѣ. Не я приманивала его на квартиру; вы съ Михеемъ Андреичемъ.

Онъ далъ ей десять рублей и сказалъ, что больше нѣтъ. Но потомъ, обдумавъ дѣло съ кумомъ въ «заведеніи», рѣшилъ, что такъ покидать сестру и Обломова нельзя, что, пожалуй, дойдетъ дѣло до Штольца, тотъ нагрѣнетъ, разберетъ и, чего добраго, какъ-нибудь передѣлаетъ, не успѣешь и взыскать долгъ, даромъ что «законное дѣло»; нѣмень, слѣдовательно, продувной!

Онъ сталъ давать по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ еще, предположивъ взыскать эти деньги изъ доходовъ Обломова третьяго года, но при этомъ растолковалъ и даже побожился сестрѣ, что больше ни гроша не положить, и рассчиталъ, какой столъ они должны держать, какъ уменьшить издержки, даже назначилъ, какія блюда когда готовить, высчиталъ, сколько она можетъ получить за цыплятъ, за капусту, и рѣшилъ, что со всѣмъ этимъ можно жить припѣваючи.

Въ первый разъ въ жизни Агаѣя Матвѣевна задумалась не о хозяйствѣ, а о чемъ-то другомъ, въ первый разъ заплакала, не отъ досады на Акулину за разбитую посуду, не отъ брани братца за недоваренную рыбу; въ первый разъ ей предстала грозная нужда, но грозная не для нея, для Ильи Ильича.

«Какъ вдругъ этотъ баринъ», разбирала она: «станетъ кушать, вмѣсто спаржи, рѣпу съ масломъ, вмѣсто рябчиковъ, баранину, вмѣсто гатчинскихъ форелей, янтарной осетрины — соленаго судака, можетъ-быть, студень изъ лавочки...»

Ужась! Она не додумалась до конца, а торопливо одѣлась, наняла извозчика и поѣхала къ мужниной роднѣ, не въ Пасху и Рождество, на семейный обѣдъ, а утромъ рано, съ заботой, съ необычайной рѣчью и вопросомъ, что дѣлать, и взять у нихъ денегъ.

У нихъ много: они сейчасъ дадутъ, какъ узнаютъ, что это для Ильи Ильича. Если бъ это было ей на кофе, на чай, дѣтямъ на платье, на башмаки, или на другія подобныя прихоти, она бы и не заикнулась, а то на крайнюю нужду, до-зарѣзу: спаржи Ильѣ Ильичу купить, рябчиковъ на жаркое, онъ любитъ французскій горошекъ...

Но тамъ удивились, денегъ ей не дали, а сказали, что если у Ильи Ильича есть вещи какія-нибудь, золотыя или, пожалуй, серебряныя, даже мѣхъ, такъ можно заложить, и что есть такія благодѣтели, что третью часть просимой суммы дадутъ до тѣхъ поръ, пока онъ опять получить изъ деревни.

Этотъ практическій урокъ въ другое время пролетѣлъ бы надъ геніальной хозяйкой, не коснувшись ея головы, и не втолковать бы ей его никакими путями, а тутъ она умомъ сердца поняла, сообразила все и взвѣсила... свой жемчугъ, полученный въ приданое.

Илья Ильичъ, не подозрѣвая ничего, пилъ на другой день смородинную водку, загусывалъ отличной семгой, кушалъ любимые потроха и бѣлаго свѣжаго рябчика. Агаея Матвѣевна, съ дѣтьми, поѣла людскихъ щей и каши, и только за компанію съ Ильей Ильичемъ выпила двѣ чашки кофе.

Вскорѣ за жемчугомъ достала она изъ завѣгнаго сундука фермуаръ, потомъ пошло серебро, потомъ салоупъ...

Пришелъ срокъ присылки денегъ изъ деревни: Обломовъ отдалъ ей всѣ. Она выкупила жемчугъ и заплатила проценты за фермуаръ, серебро и мѣхъ, и опять готовила ему спаржу, рябчики, и только для виду пила съ нимъ кофе. Жемчугъ опять поступилъ на свое мѣсто.

Изъ недѣли въ недѣлю, изо дня въ день тянулась она изъ силъ, мучилась, перебивалась, продала шаль, послала продать парадное платье и осталась въ ситцевомъ ежеднев-

помь нарядѣ, съ голыми локтями, и по воскресеньямъ прикрывала шею старой затасканной косынкой.

Вотъ отчего она похудѣла, отчего у ней впали глаза, и отчего она сама принесла завтракъ Ильѣ Ильичу.

У ней даже доставало духа сдѣлать веселое лицо, когда Обломовъ объявлялъ ей, что завтра къ нему придутъ обѣдать Тарантьевъ, Алексѣевъ или Иванъ Герасимовичъ. Обѣдъ являлся вкусный и чисто поданный. Она не срамила хозяина. Но сколькихъ волненій, бѣготни, упрасиванья по лавочкамъ, потомъ бессонницы, даже слезъ стоили ей эти заботы!

Какъ вдругъ глубоко окунулась она въ тревоженія жизни и какъ познала ея счастливые и несчастные дни! Но она любила эту жизнь: несмотря на всю горечь своихъ слезъ и заботъ; она не промѣняла бы ее на прежнее, тихое теченье, когда она не знала Обломова, когда съ достоинствомъ господствовала среди наполненныхъ, трещавшихъ и шишѣвшихъ кастрюль, сковородъ и горшковъ, повелѣвала Акулиной, дворникомъ.

Она отъ ужаса даже вздрогнетъ, когда вдругъ ей предстанетъ мысль о смерти; хотя смерть разомъ положила бы конецъ ея невысыхаемымъ слезамъ, ежедневной бѣготнѣ и еженощной несмыкаемости глазъ.

Илья Ильичъ позавтракалъ, прослушалъ, какъ Маша читаетъ по-французски, посидѣлъ въ комнатѣ у Агаѣи Матвѣевны, смотрѣлъ, какъ она починивала Ваничкину курточку, переворачивая ее разъ десять то на ту, то на другую сторону, и въ то же время безпрестанно бѣгала въ кухню посмотреть, какъ жарится баранина къ обѣду, не пора ли заваривать уху.

— Что вы все хлопочете, право?—говорилъ Обломовъ:—оставьте!

— Кто жъ будетъ хлопотать, если не я?—сказала она.— Вотъ только положу двѣ зачатки здѣсь, и уху станемъ ва-

рить. Какой дрянной мальчишка, этот Ваня! На той недѣлѣ заново вычинила куртку—опять разорвалъ! Что смѣешься,—обратилась она къ сидѣвшему у стола Ванѣ, въ панталонахъ и въ рубашкѣ обѣ одной помочи. — Вотъ не почию до утра, и нельзя будетъ за ворота бѣжать. Мальчишки, должно-быть, разорвали: дрался—признавайся?

— Нѣтъ, маменька, это само разорвалось, — сказали Ваня.

— То-то само! Сидѣть бы дома, да твердилъ уроки, чѣмъ бѣгать по улицамъ! Вотъ когда Илья Ильичъ опять скажетъ, что ты по-французски плохо учишься, — я и сапоги сниму: поневолѣ будешь сидѣть за книжкой!

— Я не люблю учиться по-французски.

— Отчего?—спросилъ Обломовъ.

— Да по-французски есть много нехорошихъ словъ...

Агаѣя Матвѣевна вспыхнула. Обломовъ расхохотался. Вѣрно и прежде уже былъ у нихъ разговоръ о «нехорошихъ словахъ».

— Молчи, дрянной мальчишка, — сказала она. — Утри лучше носъ, не видишь?

Ванюша фыркнулъ, но носа не утеръ.

— Вотъ погодите, получу изъ деревни деньги, я ему двѣ пары сошью,—вмѣшался Обломовъ:—синюю курточку, а на будущій годъ мундиръ: въ гимназію поступить.

— Ну, еще и въ старомъ походить, — сказала Агаѣя Матвѣевна:—а деньги понадобятся на хозяйство. Солонины запасемъ, варенья вамъ наварю... Пойти посмотрѣть, принесла ли Анисья сметаны...

Она встала.

— А что нынче?—спросилъ Обломовъ.

— Уха изъ ершей, жареная баранина, да вареники.

Обломовъ молчалъ.

Вдругъ подѣхалъ экипажъ, застучали въ калитку, началось скаканье на цѣпи и лай собаки.

Обломовъ ушелъ къ себѣ, думая, что кто-нибудь пришелъ къ хозяйкѣ: мясникъ, зеленщикъ, или другое подобное лицо. Такой визитъ сопровождался обыкновенно просьбами денегъ, отказомъ со стороны хозяйки, потомъ угрозой со стороны продавца, потомъ просьбами подождать со стороны хозяйки, потомъ бранью, хлопаньемъ дверей, калитки и неистовымъ скаканьемъ и лаемъ собаки—вообще неприятной сценой. Но подѣхалъ экипажъ—что бы это значило? Мясники и зеленщики въ экипажахъ не ѣздятъ.

Вдругъ хозяйка, въ испугѣ, вбѣжала къ нему.

— Къ вамъ гость!— сказала она.

— Кто же: Тарантьевъ или Алексѣевъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, тотъ, что обѣдалъ въ Ильинъ день.

— Штольцъ?— въ тревогѣ говорилъ Обломовъ, озираясь кругомъ, куда бы уйти.—Боже! что онъ скажетъ, какъ увидить... Скажите, что я уѣхалъ!—торопливо прибавилъ онъ и ушелъ къ хозяйкѣ въ комнату.

Анисья кстати подоспѣла навстрѣчу гостю. Агаѣя Матвѣевна успѣла передать ей приказаніе. Штольцъ повѣрилъ, только удивился, какъ это Обломова не было дома.

— Ну, скажи, что я черезъ два часа приду, обѣдать буду!— сказалъ онъ и пошелъ по близости, въ публичный садъ.

— Обѣдать будетъ!— съ испугомъ передавала Анисья.

— Обѣдать будетъ!— повторила въ страхѣ Агаѣя Матвѣевна Обломову.

— Надо другой обѣдъ изготovitъ, — рѣшилъ онъ, помолчавъ.

Она обратила на него взглядъ, полный ужаса. У ней оставался всего полтинникъ, а до перваго числа, когда братецъ выдаетъ деньги, осталось еще десять дней. Въ долгъ никто не даетъ.

— Не успѣемъ, Илья Ильичъ, — робко замѣтила она: — пусть покушаетъ, что есть...

— Не ёсть онъ этого, Агаёя Матвёвна; ухи терпѣть не можетъ, даже стерляжьей не ёсть; баранины тоже въ ротъ не беретъ.

— Языка можно въ колбасной взять!—вдругъ, какъ будто по вдохновенію, сказала она:—тутъ близко.

— Это хорошо, это можно; да велите зелени какой-нибудь, бобовъ свѣжихъ...

— Бобы восемь гривенъ фунтъ!—пошевелилось у ней въ горлѣ, но на языкъ не сошло.

— Хорошо, я сдѣлаю...—сказала она, рѣшившись замѣнить бобы капустой.

— Сыру швейцарскаго велите фунтъ взять!—командовалъ онъ, не зная о средствахъ Агаёи Матвёвны: — и больше ничего! Я извинюсь, скажу, что не ждали... Да если бъ можно бульонъ какой-нибудь

Она-было ушла.

— А вина?—вдругъ вспомнилъ онъ.

Она отвѣчала новымъ взглядомъ ужаса.

— Надо послать за лафитомъ, — хладнокровно заключилъ онъ.

VI.

Черезъ два часа пришелъ Штольцъ.

— Что съ тобой? Какъ ты перемѣнился, обрюзгъ, блѣденъ! Ты здоровъ?—спросилъ Штольцъ.

— Плохо здоровье, Андрей,—говорилъ Обломовъ, обнимая его:—лѣвая нога что-то все нѣмѣетъ.

— Какъ у тебя здѣсь гадко! — сказала, оглядываясь, Штольцъ: — что это ты не бросишь этого халата? Смотри, весь въ заплаткахъ!

— Привычка, Андрей; жаль разстаться.

— А одѣяло, а занавѣски... — началъ Штольцъ: — тоже привычка? Жаль перемѣнить эти тряпки? Помилуй, неужели ты можешь спать на этой постели? Да что съ тобой?

Штольць пристально посмотрѣлъ на Обломова, потомъ опять на занавѣски, на постель.

— Ничего,—говорилъ смущенный Обломовъ:—ты знаешь, я всегда былъ не очень рачителенъ о своей комнатѣ... Давай лучше обѣдать. Эй, Захаръ! Накрывай скорѣй на столъ. Ну, что ты, надолго ли? Откуда?

— Узнай, что я и откуда?—спросилъ Штольць:—до тебя, вѣдь, здѣсь не доходятъ вѣсти изъ живого міра?

Обломовъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на него и дожидаяся, что онъ скажетъ.

— Что Ольга?—спросилъ онъ.

— А, не забылъ! Я думалъ, что ты забудешь,—сказалъ Штольць.

— Нѣтъ, Андрей, развѣ ее можно забыть? Это значитъ забыть, что я когда-то жилъ, былъ въ раю... А теперь вотъ!..

Онъ вздохнулъ.

— Но гдѣ же она?

— Въ своей деревнѣ, хозяйничаешь.

— Съ теткой?—спросилъ Обломовъ.

— И съ мужемъ.

— Она замужемъ?—вдругъ, вытаращивъ глаза, произнесъ Обломовъ.

— Чего жъ ты испугался? Не воспоминанія ли?..—тихо, почти нѣжно прибавилъ Штольць.

— Ахъ, нѣтъ, Богъ съ тобой!—оправдывался Обломовъ, приходя въ себя. — Я не испугался, но удивился; не знаю, почему это поразило меня. Давно ли? Счастлива ли? скажи ради Бога. Я чувствую, что ты снялъ съ меня большую тяжесть! Хотя ты увѣрялъ меня, что она простила, но, знаешь... я не былъ покоенъ! Все грызло меня что-то... Милый Андрей, какъ я благодаренъ тебѣ!

Онъ радовался такъ отъ души, такъ подпрыгивалъ на своемъ диванѣ, такъ шевелился, что Штольць любовался имъ и былъ даже тронутъ.

— Какой ты добрый Илья!—сказаль онъ.—Сердце твое стоило ея! Я ей все перескажу.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори!—перебилъ Обломовъ.— Она сочтетъ меня безчувственнымъ, что я съ радостью услыхаль о ея замужествѣ.

— А радость развѣ не чувство, и притомъ еще безъ эгонизма? Ты радуешься только ея счастью.

— Правда, правда!—перебилъ Обломовъ.—Богъ знаетъ, что я мелю... Кто жъ, кто этотъ счастливецъ? Я и не спрошу.

— Кто?—повторилъ Штольцъ.—Какой ты недогадливый, Илья!

Обломовъ вдругъ остановилъ на своемъ другѣ неподвижный взглядъ: черты его окоченѣли на минуту и румянецъ сбѣжалъ съ лица.

— Не... ты ли?—вдругъ спросилъ онъ.

— Опять испугался! Чего же? — засмѣявшись, сказаль Штольцъ.

— Не шути, Андрей, скажи правду!—съ волненіемъ говорилъ Обломовъ.

— Ей-Богу не шучу. Другой годъ я женатъ на Ольгѣ.

Мало-по-малу испугъ пропадалъ въ лицѣ Обломова, уступая мѣсто мирной задумчивости; онъ еще не поднималъ глазъ, но задумчивость его черезъ минуту была ужъ полна тихой и глубокой радости, и когда онъ медленно взглянулъ на Штольца, во взглядѣ его ужъ было умиленіе и слезы.

— Милый Андрей!—произнесъ Обломовъ, обнимая его.— Милая Ольга... Сергѣевна! — прибавилъ потомъ, сдержавъ восторгъ.— Васъ благословилъ самъ Богъ! Боже мой! какъ я счастливъ! Скажи же ей...

— Скажу, что другого Обломова не знаю!—перебилъ его глубоко-тронутый Штольцъ.

— Нѣтъ, скажи, напомни, что я встрѣтился ей затѣмъ, чтобъ вывести ее на путь, и что я благословляю эту встрѣ-

чу, благословляю ее и на новомъ пути! Что, если бь другой?..—съ ужасомъ прибавилъ онъ:—а теперь,—весело заключилъ онъ:—я не краснѣю своей роли, не каюсь; съ души тяжесть спала; тамъ ясно, и я счастливъ. Боже! благодарю тебя!

Онъ опять чуть не прыгаль на диванѣ отъ волненія: то прослезится, то засмѣется.

— Захаръ, шампанскаго къ обѣду!—закричалъ онъ, забывъ, что у него не было ни гроша.

— Все скажу Ольгѣ, все!—говорилъ Штольцъ.—Не даромъ она забыть не можетъ тебя. Нѣтъ, ты стоилъ ея: у тебя сердце какъ колодець глубоко!

Голова Захара выставилась изъ передней.

— Пожалуйте сюда!—говорилъ онъ, мигая барину.

— Что тамъ?—съ нетерпѣніемъ спросилъ онъ. — Поди вонъ!

— Денегъ пожалуйте!—шепталъ Захаръ.

Обломовъ вдругъ замолчалъ.

— Ну, не нужно!—шепнулъ онъ въ дверь.—Скажи, что забылъ, не успѣлъ! Поди!.. Нѣтъ, поди сюда!—громко сказалъ онъ. — Знаешь ли новость, Захаръ? Поздравь: Андрей Ивановичъ женился!

— Ахъ, батюшка! Привелъ Богъ дожить до этакой радости! Поздравляемъ, батюшка, Андрей Ивановичъ; дай Богъ вамъ несчетные годы жить, дѣтокъ наживать. Ахъ, Господи, вотъ радости!

Захаръ кланялся, улыбался, смѣялся, хрипѣлъ. Штольцъ вынулъ ассигнацію и подаль ему.

— На, вотъ тебѣ, да купи себѣ сюртукъ,—сказалъ онъ:— посмотри, ты точно нищій.

— На комъ, батюшка? — спросилъ Захаръ, лоя руки Штольца.

— На Ольгѣ Сергѣевнѣ—помнишь?—сказалъ Обломовъ.

— На Ильинской барышнѣ! Господи! Какая славная

барышня! По-дѣломъ бранили меня тогда Илья Ильичъ, стараго пса! Грѣшень, виновать: все на васъ сворачиваль. Я тогда и людямъ ильинскимъ рассказалъ, а не Никита! Точно что клевета вышла. Ахъ, ты, Господи, ахъ, Боже мой!..—твердилъ онъ, уходя въ переднюю.

— Ольга зоветъ тебя въ деревню, къ себѣ гостить; любовь твоя простыла, неопасно: ревновать не станешь. Поѣдемъ.

Обломовъ вздохнулъ.

— Нѣтъ, Андрей,—сказалъ онъ:—не любви и не ревности я боюсь, а все-таки къ вамъ не поѣду.

— Чего жъ ты боишься?

— Боюсь зависти: ваше счастье будетъ для меня зеркаломъ, гдѣ я все буду видѣть свою горькую и убитую жизнь; а вѣдь ужъ я жить иначе не стану, не могу.

— Полно, милый Илья! Нѣхотя станешь жить, какъ живутъ около тебя. Будешь считать, хозяйничать, читать, слушать музыку. Какъ у ней теперь выработался голосъ! Помнишь *Casta diva*?

Обломовъ замахалъ рукой, чтобъ онъ не напоминалъ.

— Ёдемъ же!—настаивалъ Штольцъ.—Это ся воля; она не отстанеть. Я устану, а она нѣтъ. Это такой огонь, такая жизнь, что даже подчасъ достается мнѣ. Опять забродить у тебя въ душѣ прошлое. Вспомнишь паркъ, сирень, и будешь пошевеливаться...

— Нѣтъ, Андрей, нѣтъ, не поминай, не шевели ради Бога!—серьезно перебилъ его Обломовъ.—Мнѣ больно отъ этого, а не отрадно. Воспоминанія—или величайшая поэзія, когда они—воспоминанія о живомъ счастьѣ, или—жгучая боль, когда они касаются засохшихъ ранъ... Поговоримъ о другомъ. Да, я не поблагодарилъ тебя за твои хлопоты о моихъ дѣлахъ, о деревнѣ. Другъ мой! Я не могу, не въ силахъ; нищя благодарности въ своемъ собственномъ сердцѣ, въ своемъ счастьѣ—въ Ольгѣ... Сергѣевнѣ, а я... я... не

могу! Прости, что самъ я до сихъ поръ не избавилъ тебя отъ хлопотъ. Но вотъ, скоро весна, я непременно отправлюсь въ Обломовку...

— А знаешь, что дѣлается въ Обломовкѣ? Ты не узнаешь ея!—сказалъ Штольцъ.—Я не писалъ къ тебѣ, потому что ты не отвѣчаешь на письма. Мостъ построенъ, домъ прошлымъ лѣтомъ возведенъ подъ крышу. Только ужъ объ убранствѣ внутри ты хлопочи самъ, по своему вкусу—за это не берусь. Хозяйничаетъ новый управляющій, мой человекъ. Ты видѣлъ въ вѣдомости расходы?..

Обломовъ молчалъ.

— Ты не читалъ ихъ?—спросилъ Штольцъ, глядя на него.—Гдѣ онѣ?

— Постой, я послѣ обѣда сыщу; надо Захара спросить...

— Ахъ, Илья, Илья! Не то смѣяться, не то плакать.

— Послѣ обѣда съедемъ. Давай обѣдать!

Штольцъ поморщился, садясь за столъ. Онъ вспомнилъ Ильинъ день: устриць, ананасы, дупелей; а теперь видѣлъ толстую скатерть, судки для укуса и масла безъ пробокъ, заткнутые бумажками; на тарелкахъ лежало по большому черному ломтю хлѣба, вилки съ изломанными черенками. Обломову подали уху, а ему супъ съ крупой и варенаго цыпленка, потомъ слѣдовалъ жѣсткій языкъ, послѣ баранина. Явилось красное вино. Штольцъ налилъ полстакана, попробовалъ, поставилъ стаканъ на столъ и больше ужъ не пробовалъ. Илья Ильичъ выпилъ двѣ рюмки смородиновой водки, одну за другой, и съ жадностью прицался за баранину.

— Вино никуда не годится!—сказалъ Штольцъ.

— Извини, второпяхъ не успѣли на ту сторону сходить,—говорилъ Обломовъ.—Вотъ не хочешь ли смородиновой водки? Славная, Андрей, попробуй!

Онъ налилъ еще рюмку и выпилъ.

Штольцъ съ изумленіемъ поглядѣлъ на него, но промолчалъ.

— Агаеья Матвѣевна сама настаиваетъ: славная женщина!—говорилъ Обломовъ, нѣсколько опьянѣвъ.—Я, признаться, не знаю, какъ я буду въ деревнѣ жить безъ нея: такой хозяйки не найдешь.

Штольцъ слушалъ его, немного нахмуривъ брови.

— Ты думаешь, это кто все готовитъ? Анисья? Нѣтъ!—продолжалъ Обломовъ.—Анисья за цыпятами ходитъ, да капусту полетъ въ огородѣ, да полы моетъ; а это все Агаеья Матвѣевна дѣлаетъ.

Штольцъ не ѣлъ ни баранины, ни варениковъ, положилъ вилку и смотрѣлъ, съ какимъ аппетитомъ ѣлъ это все Обломовъ.

— Теперь ты ужъ не увидишь на мнѣ рубашки наизпанку,—говорилъ дальше Обломовъ, съ аппетитомъ обсасывая косточку:—она все осмотритъ, все увидитъ, ни одного нештопаннаго чулка нѣтъ — и все сама. А кофе какъ варить! Вотъ я угощу тебя послѣ обѣда.

Штольцъ слушалъ молча, съ озабоченнымъ лицомъ.

— Теперь братъ ея съѣхалъ, жениться вздумалъ, такъ хозяйство, знаешь, ужъ не такое большое, какъ прежде. А бывало, такъ у ней все и кипитъ въ рукахъ! Съ утра до вечера такъ и летаетъ: и на рынокъ, и въ гостиный дворъ... Знаешь, я тебѣ скажу,—плохо владѣя языкомъ, заключилъ Обломовъ:—дай мнѣ тысячи двѣ-три, такъ я бы тебя не сталъ потчивать языкомъ да бараниной; цѣлаго бы осетра подаль, форелей, филе перваго сорта. А Агаеья Матвѣевна безъ повара чудесъ бы надѣлала—да!

Онъ выпилъ еще рюмку водки.

— Да выпей, Андрей, право выпей: славная водка! Ольга Сергѣевна тебѣ этакой не сдѣлаетъ!—говорилъ онъ нетвердо.—Она споетъ «Casta diva», а водки сдѣлать не умѣетъ такъ! И пирога такого съ цыпятами и грибами не сдѣлаетъ! Такъ пекли только, бывало, въ Обломовкѣ, да вотъ здѣсь! И что еще хорошо, такъ это то, что не по-

варь; тотъ, Богъ знаетъ, какими руками заправляетъ пироги; а Агаоья Матвѣвна—сама опрятность!

Штольцъ слушалъ внимательно, наостривъ уши.

— А руки - то у нея были бѣлыя, — продолжалъ, значительно - отуманенный виномъ, Обломовъ: — поцѣловать не грѣхъ! Теперь стали жестки, потому что все сама! Сама крахмалить мнѣ рубашки! — съ чувствомъ, почти со слезами, произнесъ Обломовъ.— Ей-Богу, такъ, я самъ видѣлъ. За другимъ жена такъ не смотритъ — ей - Богу! Славная баба Агаоья Матвѣвна! Эхъ, Андрей! Переѣзжай-ко сюда съ Ольгой Сергѣвной, найми здѣсь дачу: то-то бы зажили! Въ рождѣ чай бы стали пить, въ ильинскую пятницу на Пороховые бы заводы пошли, за нами бы телѣга съ припасами да съ самоваромъ ѣхала. Тамъ, на травѣ, на коврѣ легли бы! Агаоья Матвѣвна выучила бы и Ольгу Сергѣвну хозяйничать, право выучила бы. Теперь вотъ только плохо пошло: братъ переѣхалъ; а если бъ намъ дали три-четыре тысячи, я бы тебѣ такихъ индѣекъ наставилъ тутъ...

— Ты получаешь пять отъ меня! — сказалъ вдругъ Штольцъ.—Куда жъ ты ихъ дѣваешь?

— А долгъ?—вдругъ вырвалось у Обломова.

Штольцъ вскочилъ съ мѣста.

— Долгъ?—повторилъ онъ.—Какой долгъ?

И онъ, какъ грозный учитель, глядѣлъ на прячущагося ребенка.

Обломовъ вдругъ замолчалъ. Штольцъ пересѣлъ къ нему на диванъ.

— Кому ты долженъ?—спросилъ онъ.

Обломовъ немного отрезвился и опомнился.

— Никому, я совралъ,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, ты вотъ теперь лжешь, да неискусно. Что у тебя? Что съ тобой, Илья? А! Такъ вотъ что значитъ баранина, кислое вино! У тебя денегъ нѣтъ! Куда жъ ты дѣваешь?

— Я точно долженъ... немного, хозяйкѣ за припасы... — говорилъ Обломовъ.

— За баранину и за языкъ! Илья, говори, что у тебя дѣлается? Что это за исторія: братъ переѣхалъ, хозяйство пошло плохо... Тутъ что-то не ловко. Сколько ты долженъ?

— Десять тысячъ, по заемному письму... — прошепталъ Обломовъ.

Штольцъ вскочилъ и опять сѣлъ.

— Десять тысячъ? Хозяйкѣ? За припасы? — повторилъ онъ съ ужасомъ.

— Да, много забирали; я жилъ очень широко... Помнишь, ананасы, да персики... вотъ я задолжалъ... — бормоталъ Обломовъ.— Да что объ этомъ?

Штольцъ не отвѣчалъ ему. Онъ соображалъ: «братъ переѣхалъ, хозяйство пошло плохо — и точно оно такъ: все смотреть голо, бѣдно, грязно! Что жъ хозяйка за женщина? Обломовъ хвалить ее! она смотреть за нимъ; онъ говорить о ней съ жаромъ...»

Вдругъ Штольцъ измѣнился въ лицѣ, поймавъ истину. На него пахнуло холодомъ.

— Илья!—спросилъ онъ.—Эта женщина... что она тебѣ?..

Но Обломовъ положилъ голову на столъ и задремалъ.

«Она его грабитъ, тащитъ съ него все... это вседневная исторія, а я до сихъ поръ не догадался!» думалъ онъ.

Штольцъ всталъ и быстро отворилъ дверь къ хозяйкѣ, такъ что та, увидя его, съ испугу выронила ложечку изъ рукъ, которою мѣшала кофе.

— Миѣ нужно съ вами поговорить,—вѣжливо сказалъ онъ.

— Пожалуйте въ гостиную, я сейчасъ приду,—отвѣчала она робко.

И, накинувъ на шею косынку, вошла вслѣдъ за нимъ въ гостиную и сѣла на кончикъ дивана. Шали ужъ не было на ней, и она старалась прятать руки подъ косынку.

— Илья Ильичъ далъ вамъ заемное письмо? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, — съ тупымъ взглядомъ удивленія отвѣчала она: — они мнѣ никакого письма не давали.

— Какъ никакого?

— Я никакого письма не видала! — твердила она съ тѣмъ же тупымъ удивленіемъ...

— Заемное письмо! — повторилъ Штольцъ.

Она подумала немного.

— Вы бы поговорили съ братцемъ, — сказала она: — а я никакого письма не видала.

«Что она, дура, или плутовка?» подумалъ Штольцъ.

— Но онъ долженъ вамъ? — спросилъ онъ.

Она поглядѣла на него тупо, потомъ вдругъ лицо у ней осмыслилось, даже выразило тревогу. Она вспомнила о заложенномъ жемчугѣ, о серебрѣ, о салопѣ, и вообразила, что Штольцъ намекаетъ на этотъ долгъ; только никакъ не могла понять, какъ узнали объ этомъ, она ни слова не проронила, не только Обломову объ этой тайнѣ, даже Анисѣ, которой отдавала отчетъ въ каждой копейкѣ.

— Сколько онъ вамъ долженъ? — съ беспокойствомъ спрашивалъ Штольцъ.

— Ничего не должны! Ни копеечки!

«Скрываетъ передо мной, стыдится, жадная тварь, ростовщица!» думалъ онъ. «Но я доберусь».

— А десять тысячъ? — сказалъ онъ.

— Какія десять тысячъ? — въ тревожномъ удивленіи спросила она.

— Илья Ильичъ вамъ долженъ десять тысячъ по заемному письму — да или нѣтъ? — спросилъ онъ.

— Они ничего не должны. Были должны постомъ мяснику двѣнадцать съ полтиной, такъ еще на третьей недѣлѣ отдали; за сливки молочницѣ тоже заплатили — они ничего не должны.

— Развѣ документа у васъ на него нѣтъ?

Она тупо поглядѣла на него.

— Вы бы съ братцемъ поговорили,—отвѣчала она:—они живутъ черезъ улицу, въ домѣ Замыкалова, вотъ здѣсь; еще погребъ въ домѣ есть.

— Нѣтъ, — позвольте переговорить съ вами, рѣшительно сказалъ онъ.—Илья Ильичъ считаетъ себя должнымъ вамъ, а не братцу...

— Они мнѣ не должны,—отвѣчала она:—а что я закладывала серебро, *жемчугъ* и мѣхъ, такъ это я для себя закладывала. Маши и себѣ башмаки купила, Ванюшѣ на рубашки, да въ зеленныя лавки отдала. А на Илью Ильича ни копеечки не пошло.

Онъ смотрѣлъ на нее, слушалъ и вникалъ въ смыслъ ея словъ. Онъ одинъ, кажется, былъ близокъ къ разгадкѣ тайны Агаѣи Матвѣевны, и взглядъ пренебреженія, почти презрѣнія, который онъ кидалъ на нее, говоря съ ней, невольно смѣнился взглядомъ любопытства, даже участія.

Въ закладѣ жемчуга, серебра, онъ вполонину, смутно прочелъ тайну жертвъ, и только не могъ рѣшить, принесли ли онѣ чистою преданностью, или въ надеждѣ какихъ-нибудь будущихъ благъ.

Онъ не зналъ печалиться ли ему, или радоваться за Илью. Открылось явно, что онъ не долженъ ей, что этотъ долгъ есть какая-то мошенническая продѣлка ея брата, но за то открывалось многое другое... Что значать эти заклады серебра, жемчугу?

— Такъ вы не имѣете претензій на Ильѣ Ильичѣ? — спросилъ онъ.

— Вы потрудитесь съ братцемъ поговорить, — отвѣчала она монотонно:—теперь они должны быть дома.

— Вамъ не долженъ Илья Ильичъ, говорите вы?

— Ни копеечки, ей-Богу, правда! — божилась она, глядя на образъ и крестяся.

— Вы это подтвердите при свидѣтеляхъ?

— При всѣхъ, хоть на исповѣди! — А что *земцугъ* и серебро я заложила, такъ это на свои расходы...

— Очень хорошо! — перебилъ ее Штольцъ. — Завтра я побываю у васъ съ двумя моими знакомыми, и вы не откажетесь сказать при нихъ то же самое?

— Вы бы лучше съ братцемъ переговорили, — повторяла она: — а то я одѣта-то не такъ... все на кухнѣ, не хорошо, какъ чужіе увидятъ: осудятъ.

— Ничего, ничего; а съ братцемъ вашимъ я увижусь завтра же, послѣ того, какъ вы подпишете бумагу...

— Писать-то я отвыкла совсѣмъ.

— Да тутъ немного нужно написать, всего двѣ строки.

— Нѣтъ, ужъ увольте; пусть вотъ лучше Ванюша бы написалъ: онъ чисто пишетъ...

— Нѣтъ, вы не отказывайтесь, — настаивалъ онъ: — если вы не подпишете бумаги, то это значить, что Илья Ильичъ долженъ вамъ десять тысячъ.

— Нѣтъ, они не должны ничего, ни копейки, — твердила она: — ей-Вогу!

— Въ такомъ случаѣ вы должны подписать бумагу. Прощайте, до завтра.

— Завтра бы вы лучше къ братцу зашли... — говорила она, провожая его: — вонъ тутъ, на углу, чрезъ улицу.

— Нѣтъ, и васъ прошу братцу до меня ничего не говорить, иначе Ильѣ Ильичу будетъ очень непріятно...

— Такъ я не скажу имъ ничего! — послушно сказала она.

VII.

На другой день Агаѣя Матвѣевна дала Штольцу свидѣтельство, что она никакой денежной претензіи на Обломова не имѣетъ. Съ этимъ свидѣтельствомъ Штольцъ внезапно явился передъ братцемъ.

Это было истиннымъ громовымъ ударомъ для Ивана Мат-

вѣвича. Онъ вынулъ документъ и показалъ трепещущимъ среднимъ пальцемъ правой руки, ногтемъ внизъ, на подпись Обломова и на засвидѣтельствованіе маклера.

— Законъ-съ,—сказалъ онъ:—мое дѣло сторона; я только соблюдаю интересы сестры. а какія деньги бралъ Илья Ильичъ, мнѣ неизвѣстно.

— Этимъ не кончится ваше дѣло, — пригрозилъ ему, уѣзжая, Штольцъ.

— Законное дѣло-съ, а я въ сторонѣ! — оправдывался Иванъ Матвѣвичъ, пряча руки въ рукава.

На другой день, только что онъ пришелъ въ присутствіе, явился курьеръ отъ генерала, который немедленно требовалъ его къ себѣ.

— Къ генералу! — съ ужасомъ повторило все присутствіе. — Зачѣмъ? Чтò такое? Не требуетъ ли дѣла какого-нибудь? Какое именно? Скорѣй, скорѣй! Подшивать дѣла, дѣлать описи! Чтò такое?

Вечеромъ Иванъ Матвѣвичъ пришелъ въ «заведеніе» самъ не свой. Тарантьевъ уже давно ждалъ его тамъ.

— Чтò, кумъ?—спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ.

— Чтò! — монотонно произнесъ Иванъ Матвѣвичъ. — А какъ ты думаешь, чтò?

— Обругали, чтò ли?

— Обругали! — передразнилъ его Иванъ Матвѣвичъ. — Лучше бы прибили! А ты хорошъ! — упрекнулъ онъ: — не сказалъ, чтò это за нѣмецъ такой!

— Вѣдь я говорилъ тебѣ, что продувной!

— Это что: продувной! Видали мы продувныхъ! Зачѣмъ ты не сказалъ, что онъ въ силѣ? Они съ генераломъ другъ другу *ты* говорятъ, вотъ какъ мы съ тобой. Сталъ бы я связываться съ такимъ, если бъ зналъ!

— Да вѣдь законное дѣло!—возразилъ Тарантьевъ.

— Законное дѣло!—опять передразнилъ его Мухомаровъ.—

Поди-ко скажи тамъ: языкъ прильпне къ гортани. Ты знаешь, что генераль спросилъ меня?

— Что?—съ любопытствомъ спросилъ Тарантьевъ.

— «Правда ли, что вы, съ какимъ-то негодяемъ, напоили помѣщика Обломова пьянымъ и заставили подписать заемное письмо на имя вашей сестры?»

— Такъ и сказалъ: «съ негодяемъ»? — спросилъ Тарантьевъ.

— Да, такъ и сказалъ...

— Кто же это такой негодяй-то? — спросилъ опять Тарантьевъ.

Кумъ поглядѣлъ на него.

— Небойсь, не знаешь? — желчно сказалъ онъ. — Нешто не ты?

— Меня-то какъ припутали?

— Скажи спасибо нѣмцу, да своему земляку. Нѣмецъ-то все пронюхалъ, выспросилъ...

— Ты бы, кумъ, на другого показалъ, а про меня бы сказалъ, что меня тутъ не было!

— Вона! Ты что за святой! — сказалъ кумъ.

— Что жъ ты отвѣчалъ, когда генераль спросилъ: «правда ли, что вы тамъ, съ какимъ-то негодяемъ?..» Вотъ тутъ-то бы и обойти его.

— Обойти? Обойдешь, поди-ко! Глаза какіе-то зеленые! Силился, силился, хотѣлъ выговорить: «Неправда, молъ, клевета, ваше превосходительство, никакого Обломова и знать не знаю, это все Тарантьевъ!..» да съ языка нейдетъ; только палецъ предъ стопы его.

— Что жъ они, дѣло, что ли, хотятъ затѣвать? — глухо спросилъ Тарантьевъ. — Я вѣдь въ сторонѣ; вотъ ты, кумъ...

— Въ сторонѣ! Ты въ сторонѣ? Нѣтъ, кумъ, ужъ если въ петлю лѣзть, такъ тебѣ первому: кто уговаривалъ Обломова пить-то? Кто срамилъ, грозилъ?..

— Ты же научилъ, — говорилъ Тарантьевъ.

— А ты несовершеннолѣтній, что ли? Я знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— Это, кумь, безсовѣстно! Сколько черезъ меня перепало тебѣ, а мнѣ-то всего триста рублей досталось...

— Что жъ, одному все взять на себя? Экой ты какой ловкій! Нѣтъ, я знать ничего не знаю,—говорилъ онъ:—а меня просила сестра, по женскому незнанію дѣла, заявить письмо у маклера—вотъ и все. Ты и Затертый были свидѣтелями, вы и въ отвѣтъ?

— Ты бы сестру-то хорошенько: какъ она смѣла противъ брата идти?—сказалъ Тарантьевъ.

— Сестра—дура: чтò съ ней будешь дѣлать?

— Чтò она?

— Что? Плачетъ, а сама стоитъ на своемъ: «не должень, дескать, Илья Ильичъ! да и только, и денегъ она никакихъ ему не давала».

— У тебя зато есть письмо на нее, — сказалъ Тарантьевъ:—ты не потеряешь своего...

Мухояровъ вынулъ изъ кармана заемное письмо на сестру, разорвалъ его на части и подалъ Тарантьеву.

— На, вотъ, я тебѣ подарю, не хочешь ли?—прибавилъ онъ. — Чтò съ нея взять? Домъ, что ли, съ огородишкомъ? И тысячи не дадутъ: онъ весь разваливается. Да чтò я, нехристь, что ли, какой? По міру ее пустить съ ребятами?

— Стало, слѣдствіе начнется? — робко спросилъ Тарантьевъ. — Вотъ тутъ-то, кумь, отдѣлаться бы подешевле: ты ужь, братъ, выручи!

— Какое слѣдствіе? Никакого слѣдствія не будетъ! Генераль-было погрозилъ выслать изъ города, да нѣмецъ-то вступился, не хочетъ срамить Обломова.

— Чтò ты, кумь! Какъ гора съ плечъ! Выпьемъ! — сказалъ Тарантьевъ.

— Выпьемъ? Изъ какихъ это доходовъ? На твои, что ль?

— А твой? Сегодня, поди, цѣлковыхъ семь забралъ?

— Что-о! Прощай доходы: что генераль-то сказалъ, я не договорилъ.

— А что?—вдругъ опять струсивъ, спросилъ Тарантьевъ.

— Въ отставку велѣлъ подать.

— Что ты, кумь! — выпуча на него глаза, сказалъ Тарантьевъ.—Ну,—заклучилъ онъ съ яростью:—теперь обругаю же я земляка на чемъ свѣтъ стоитъ!

— Только бы тебѣ ругаться!

— Нѣтъ, ужъ обругаю, какъ ты хочешь!—говорилъ Тарантьевъ.—А впрочемъ, правда, лучше погожу; вотъ, что я вздумалъ; слушай-ко, кумь!

— Что еще?—повторилъ въ раздумѣ Иванъ Матвѣвичъ.

— Можно тутъ хорошее дѣло сдѣлать. Жаль только, что ты съѣхалъ съ квартиры...

— А что?

— Что!—говорилъ онъ, глядя на Ивана Матвѣвича.—Подсматривать за Обломовымъ, да за сестрой, какіе они тамъ пироги пекутъ, да и того... свидѣтелей! Такъ тутъ и нѣмецъ ничего не сдѣлаетъ. А ты теперь вольный казакъ: затѣешь слѣдствие—законное дѣло! Небойсь и нѣмецъ струсить, на мировую пойдетъ.

— А что, въ самомъ дѣлѣ, можно!—отвѣчалъ Мухояровъ задумчиво.—Ты неглупъ на выдумки, только въ дѣло не годишься, и Затертый тоже. Да я найду, стой!—говорилъ онъ, оживляясь.—Я имъ дамъ! Я кухарку свою на кухню къ сестрѣ подошлю: она подружится съ Анисьей, все вывѣдаетъ, а тамъ... Выпьемъ, кумь!

— Выпьемъ!—повторилъ Тарантьевъ.—А потомъ ужъ я обругаю земляка!

Штольцъ попытался увезти Обломова, но тотъ просилъ оставить его только на мѣсяць, такъ просилъ, что Штольцъ не могъ не сжалиться. Ему нуженъ былъ этотъ мѣсяць, по словамъ его, чтобъ кончить всѣ расчеты, сдать квартиру

и такъ уладить дѣла съ Петербургомъ, чтобъ ужь болѣе туда не возвращаться. Потомъ нужно было закупить все для уборки деревенскаго дома; наконецъ, онъ хотѣлъ приискать себѣ хорошую экономку, въ родѣ Агаѣи Матвѣевны, даже не отчаивался уговорить и ее продать домъ и переселиться въ деревню, на достойное ея поприще — сложнаго и обширнаго хозяйства.

— Кстати о хозяйкѣ,—перебилъ его Штольцъ:—я хотѣлъ тебя спросить, Илья, въ какихъ ты отношеніяхъ къ ней...

Обломовъ вдругъ покраснѣлъ.

— Что ты хочешь сказать?—торопливо спросилъ онъ.

— Ты очень хорошо знаешь, — замѣтилъ Штольцъ: — иначе бы не отчего было краснѣть. Послушай, Илья, если тутъ предостереженіе можетъ что-нибудь сдѣлать, то я всей дружбой нашей прошу, будь остороженъ...

— Въ чемъ? Помилуй! — защищался смущенный Обломовъ.

— Ты говоришь о ней съ такимъ жаромъ, что, право, я начинаю думать, что ты ее...

— Любишь, что ли, хочешь ты сказать? Помилуй! — перебилъ Обломовъ съ принужденнымъ смѣхомъ.

— Такъ еще хуже, если тутъ нѣтъ никакой нравственной искры, если это только...

— Андрей! Развѣ ты зналъ меня безнравственнымъ человекомъ?

— Отчего жъ ты покраснѣлъ?

— Оттого, что ты могъ допустить такую мысль.

Штольцъ покачалъ съ сомнѣніемъ головой.

— Смотри, Илья, не упади въ яму. Простая баба; грязный бытъ, удушливая сфера тупоумія, грубость—фи!..

Обломовъ молчалъ.

— Ну, прощай, — заключилъ Штольцъ: — такъ я скажу Ольгѣ, что лѣтомъ мы увидимъ тебя, если не у насъ, такъ въ Обломовкѣ. Помни: она не отстанетъ!

— Непремѣнно, непремѣнно, — утвердительно отвѣчал Обломовъ:— даже прибавь, что если она позволить, я зиму проведу у васъ.

— То-то бы обрадовать!

Штольцъ уѣхалъ въ тотъ же день, а вечеромъ къ Обломову явился Тарантьевъ. Онъ не утерпѣлъ, чтобъ не обругать его хорошенько за кума. Онъ не взялъ одного въ расчетъ, что Обломовъ, въ обществѣ Ильинскихъ, отвыкъ отъ подобныхъ ему явленій, и что апатія и снисхожденіе къ грубости и наглости замѣнились отвращеніемъ. Это бы ужъ обнаружилось давно, и даже проявилось отчасти, когда Обломовъ жилъ еще на дачѣ, но съ тѣхъ поръ Тарантьевъ посѣщалъ его рѣже и притомъ бывалъ при другихъ и столкновеній между ними не было.

— Здорово, землякъ! — злобно сказала Тарантьевъ, не протягивая руки.

— Здравствуй?—холодно отвѣчалъ Обломовъ, глядя въ окно.

— Что, проводилъ своего благодѣтеля?

— Проводилъ. Что же?

— Хорошъ благодѣтель!—ядовито продолжалъ Тарантьевъ.

— А что, тебѣ не нравится?

— Да я бы его повѣсилъ! — съ ненавистью прохрипѣлъ Тарантьевъ.

— Вотъ какъ!

— И тебя бы на одну осину!

— За что такъ?

— Дѣлай честно дѣла: если долженъ, такъ плати, не увертывайся. Что ты теперь надѣлалъ?

— Послушай, Михай Андрейчъ, уволь меня отъ своихъ сказокъ; долго я, по лѣности, по безпечности, слушалъ тебя: я думалъ, что у тебя есть хоть капля совѣсти, а ея нѣтъ. Ты съ пройдохой хотѣлъ обмануть меня: кто изъ васъ хуже—не знаю, только оба вы гадки мнѣ. Другъ выручилъ меня изъ этого глупаго дѣла...

— Хорошъ другъ!—говорилъ Тарантьевъ.—Я слышалъ, онъ и невѣсту у тебя поддѣлъ; благодарѣтель, нечего сказать! Ну, братъ, дуракъ ты, землякъ...

— Пожалуйста, оставь эти нѣжности!—остановилъ его Обломовъ.

— Нѣтъ, не оставлю! Ты меня не хотѣлъ знать, ты не благодарный! Я пристроилъ тебя здѣсь, нашелъ женщину-кладъ. Покой, удобство всякое—все доставилъ тебѣ, облагодѣтельствовалъ кругомъ, а ты и рыло отворотилъ. Благодарѣтеля нашелъ: нѣмца! На аренду имѣніе взялъ; вотъ, погоди: онъ тебя облупить, еще акціей надаесть. Ужъ пустить по-міру, помяни мое слово! Дуракъ, говорю тебѣ, да мало дуракъ, еще и скотъ вдобавокъ, неблагодарный!

— Тарантьевъ!—грозно крикнулъ Обломовъ.

— Что кричишь-то? Я самъ закричу на весь міръ, что ты дуракъ, скотина!—кричалъ Тарантьевъ.—Я и Иванъ Матвѣичъ ухаживали за тобой, берегли, словно крѣпостные служили тебѣ, на цыпочкахъ ходили, въ глаза смотрѣли, а ты обнесъ его передъ начальствомъ: теперь онъ безъ мѣста и безъ куска хлѣба! Это низко, гнусно! Ты долженъ теперь отдать ему половину состоянія; давай вексель на его имя: ты теперь не пьянь, въ своемъ умѣ, давай, говорю тебѣ, я безъ того не выйду...

— Что вы, Михай Андренчъ, кричите такъ?—сказали хозяйка и Анисья, выглянувъ изъ-за двери.—Двое прохожихъ остановились, слушаютъ, что за крикъ...

— Буду кричать,—вопилъ Тарантьевъ:—пусть срамится этотъ олухъ! Пусть обдуеетъ тебя этотъ мошенникъ-нѣмецъ, благо онъ теперь стакнулся съ твоей любовницей...

Въ комнатѣ раздалась громкая оплеуха. Пораженный Обломовымъ въ щеку, Тарантьевъ мгновенно смолкъ, опустился на стулъ и, въ изумленіи, вращалъ вокругъ одурѣвшими глазами.

— Что это? Что это—а? Что это!—блѣдный, задыхаясь,

говорилъ онъ, держась за щеку. — Безчестье? Ты заплатишь мнѣ за это! Сейчасъ просьбу генераль-губернатору: вы видѣли?

— Мы ничего не видали!—сказали обѣ женщины въ одинъ голосъ.

— А! Здѣсь заговоръ, здѣсь разбойничій притонъ! Шайка мошенниковъ! Грабятъ, убиваютъ...

— Вонъ, мерзавецъ! — закричалъ Обломовъ, блѣдный, трясясь отъ ярости. — Сію минуту, чтобъ нога твоя здѣсь не была, или я убью тебя, какъ собаку!

Онъ искалъ глазами палки.

— Батюшки! Разбой! Помогите!—кричалъ Тарантьевъ.

— Захаръ! Выбрось вонъ этого негодяя, и чтобъ онъ не смѣлъ глазъ казать сюда!—закричалъ Обломовъ.

— Пожалуйте, вотъ вамъ Богъ, а вотъ двери!—говорилъ Захаръ, показывая на образъ и на дверь.

— Я не къ тебѣ пришелъ, я къ кумѣ, — вопилъ Тарантьевъ.

— Богъ съ вами! Мнѣ васъ не надо, Михай Андрейчъ,—сказала Агаѣя Матвѣевна:—вы къ братцу ходили, а не ко мнѣ! Вы мнѣ хуже горькой рѣдьки. Опиваете, объѣдаете, да еще лаетесь.

— А! такъ-то, кума! Хорошо, вотъ братъ дастъ вамъ знать! А ты заплатишь мнѣ за безчестье! Гдѣ моя шляпа? Чортъ съ вами! Разбойники, душегубцы! — кричалъ онъ, идучи по двору.—Заплатишь мнѣ за безчестье!

Собака скакала на цѣпи и заливалась лаемъ.

Послѣ этого Тарантьевъ и Обломовъ не видались болѣе.

VIII.

Штольцъ не пріѣзжалъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургъ. Онъ однажды только заглянулъ на короткое время въ имѣніе Ольги и въ Обломовку. Илья Ильичъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ Андрей уговаривалъ его самого ѣхать

въ деревню и взять въ свои руки приведенное въ порядокъ имѣніе, а самъ съ Ольгой Сергѣевной уѣзжалъ на южный берегъ Крыма, для двухъ цѣлей: по дѣламъ своимъ въ Одессѣ и для здоровья жены, разстроеннаго послѣ родовъ.

Они поселились въ тихомъ уголкѣ, на морскомъ берегу. Скромнень и не великъ былъ ихъ домъ. Внутреннее устройство его имѣло такъ же свой стиль, какъ наружная архитектура, какъ все убранство носило печать мысли и личного вкуса хозяевъ. Много сами они привезли съ собою всякаго добра; много присылали имъ изъ Россіи и изъ-за границы тюковъ, чемодановъ, воевъ.

Любитель комфорта, можетъ-быть, пожалъ бы плечами, взглянувъ на всю наружную разнорядицу мебели, ветхихъ картинъ, статуй съ отломанными руками и ногами, иногда плохихъ, но дорогихъ по воспоминанію гравюръ, мелочей. Развѣ глаза знатока загорѣлись бы не разъ огнемъ жадности при взглядѣ на ту или другую картину, на какую-нибудь пожелтѣвшую отъ времени книгу, на старый фарфоръ, или камни и монеты.

Но среди этой разновѣковой мебели, картинъ, среди не имѣющихъ ни для кого значенія, но отмѣченныхъ для нихъ обоихъ счастливымъ часомъ, памятной минутой, мелочей, въ океанѣ книгъ и нотъ, вѣяло теплой жизнью, чѣмъ-то раздражающимъ умъ и эстетическое чувство; вездѣ присутствовала или недремлющая мысль, или сіяла красота человѣческаго дѣла, какъ кругомъ сіяла вѣчная красота природы.

Здѣсь же нашла мѣсто и высокая конторга, какая была у отца Андрея, замшевыя перчатки; висѣлъ въ углу и клеенчатый плащъ около шкапа съ минералами, раковинами, чучелами птицъ, съ образцами разныхъ глинъ, товаровъ и прочаго. Среди всего, на почетномъ мѣстѣ, блистать въ золотѣ съ инкрустаціей, флигель Эрара.

Сѣтъ изъ винограда, плющей и миртовъ покрывала кот-

теджъ сверху до низу. Съ галлерей видно было море, съ другой стороны—дорога въ городъ.

Тамъ караулила Ольга Андрея, когда онъ уѣзжалъ изъ дома по дѣламъ, и, завидя его, спускалась внизъ, пробѣгала великолѣпный цвѣтникъ, длинную тополевую аллею и бросалась на грудь къ мужу, всегда съ пылающими отъ радости щеками, съ блестящимъ взглядомъ, всегда съ одинакимъ жаромъ нетерпѣливаго счастья, несмотря на то, что уже пошелъ не первый и не второй годъ ея замужества.

Штольцъ смотрѣлъ на любовь и на женитьбу, можетъ-быть, оригинально, преувеличенно, но во всякомъ случаѣ, самостоятельно. И здѣсь онъ пошелъ свободнымъ и, какъ казалось ему, простымъ путемъ: но какую трудную школу наблюденія, терпѣнія, труда выдержалъ онъ, пока выучился дѣлать эти «простые шаги»!

Отъ отца своего онъ перенялъ смотрѣть на все въ жизни, даже на мелочи, не шутя; можетъ-быть, перенялъ бы отъ него и педантическую строгость, которою нѣмцы сопровождаютъ взглядъ свой, каждый шагъ въ жизни, въ томъ числѣ и супружество.

Какъ таблица на каменной скрижали, была начертана открыто всѣмъ и каждому жизнь стараго Штольца и подъ ней больше подразумѣвать было нечего. Но мать, своими пѣснями и нѣжнымъ шопотомъ, потомъ княжескій разнохарактерный домъ, далѣе университетъ, книги и свѣтъ—все это отводило Андрея отъ прямой, начертанной отцомъ колее; русская жизнь рисовала свои невидимые узоры и изъ безцвѣтной таблицы дѣлала яркую, широкую картину.

Андрей не налагалъ педантическихъ оковъ на чувства и даже давалъ законную свободу, стараясь только не терять «почвы изъ-подъ ногъ», задумчивымъ мечтамъ, хотя, отрезываясь отъ нихъ, по нѣмецкой своей натурѣ, или почему-нибудь другому, не могъ удержаться отъ вывода и выносить какую-нибудь жизненную замѣтку.

Онъ былъ бодръ тѣломъ, потому что былъ бодръ умомъ. Онъ былъ рѣзвъ, шаловливъ въ отрочествѣ, а когда не шалилъ, то занимался, подъ надзоромъ отца, дѣломъ. Нѣкогда было ему расплываться въ мечтахъ. Не растлѣлось у него воображеніе, не испортилось сердце: чистоту и дѣвственность того и другого зорко берегла мать.

Юношей, онъ инстинктивно берегъ свѣжесть силъ своихъ, потомъ сталъ рано уже открывать, что эта свѣжесть рождаетъ бодрость и веселость, образуетъ ту мужественность, въ которой должна быть закалена душа, чтобъ не блѣднѣть передъ жизнью, какова бы она ни была, смотрѣть на нее, не какъ на тяжкое иго, крестъ, а только какъ на долгъ, и достойно вынести битву съ ней.

Много мыслительной заботы посвятилъ онъ и сердцу, и его мудренымъ законамъ. Наблюдая сознательно и бессознательно отраженіе красоты на воображеніе, потомъ переходъ впечатлѣнія въ чувство, его симитомы, игру, исходъ, и, глядя вокругъ себя, подвигаясь въ жизнь, онъ выработалъ себѣ убѣжденіе, что любовь, съ силою Архимедова рычага, движетъ міромъ; что въ ней лежитъ столько всеобщей, неопровержимой истины и блага, сколько лжи и безобразія въ ея непониманіи и злоупотребленіи. Гдѣ же благо? Гдѣ зло? Гдѣ граница между ними?

При вопросѣ: гдѣ ложь? въ воображеніи его потянулись пестрые маски настоящаго и минувшаго времени. Онъ съ улыбкой, то краснѣя, то нахмурившись, глядѣлъ на безконечную вереницу героевъ и героинь любви: на донъ-Кихотовъ, въ стальныхъ перчаткахъ, на дамъ ихъ мыслей, съ пятидесятилѣтнею взаимною вѣрностью въ разлукѣ; на пастишковъ, съ румяными лицами и простодушными глазами навывкатъ, и на ихъ Хлой, съ барашками.

Являлись передъ нимъ напудренные маркизы, въ кружевахъ, съ мерцающими умомъ глазами и съ развратной улыбкой; потомъ застрѣлившіеся, повѣсившіеся и удавив-

шіея Вертеры; далѣ увядшія дѣвы, съ вѣчными слезами любви, съ монастыремъ, и усатыя лица недавнихъ героевъ, съ буйнымъ огнемъ въ глазахъ, наивные и сознательные донъ-Жуаны, и умники, трепещущіе подозрѣнія въ любви и тайнѣ обожающіе своихъ ключницъ... всѣ, всѣ!

При вопросѣ: гдѣ же истина? онъ искалъ и вдалекѣ, и вблизи, въ воображеніи и глазами, примѣровъ простого, честнаго, но глубокаго и неразрывнаго сближенія съ женщиной, и не находилъ; если, казалось, и находилъ, то это только казалось, потому приходилось разочаровываться, и онъ грустно задумывался и даже отчаивался.

«Видно не дано этого блага во всей его полнотѣ», думалъ онъ: «или тѣ сердца, которыя озарены свѣтомъ такой любви, застѣнчивы: они робѣютъ и прячутся, не стараясь оспаривать умниковъ; можетъ-быть, жалѣютъ ихъ, прощаютъ имъ во имя своего счастья, что тѣ топчутъ въ грязь цвѣтокъ, за неимѣніемъ почвы, гдѣ бы онъ могъ глубоко пустить корни и вырасти въ такое дерево, которое бы осѣнило всю жизнь».

Глядѣлъ онъ на браки, на мужей, и въ ихъ отношеніяхъ къ женамъ всегда видѣлъ сѣ фикса съ его загадкой, все будто что-то непонятное, недосказанное; а между тѣмъ эти мужья не задумываются надъ мудреными вопросами, идутъ по брачной дорогѣ такимъ ровнымъ, сознательнымъ шагомъ, какъ будто нечего имъ рѣшать и искать.

«Не правы ли они? Можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ больше ничего не нужно», съ недовѣрчивостью къ себѣ думалъ онъ, глядя, какъ одни быстро проходятъ любовь какъ азбуку супружества или какъ форму вѣжливости, точно отдали поклонъ, входя въ общество, и—скорѣй за дѣло!

Они нетерпѣливо сбываютъ съ плечъ весну жизни; многіе даже косятся потомъ весь вѣкъ на женъ своихъ, какъ будто досадуя за то, что когда-то имѣли глупость любить ихъ.

Другихъ любовь не покидаетъ долго, иногда до старости, но ихъ не покидаетъ никогда и улыбка сатира...

Наконецъ, большая часть вступаетъ въ бракъ, какъ берутъ имѣніе, наслаждаются его существенными выгодами: жена вноситъ лучшій порядокъ въ домъ — она хозяйка, мать, наставница дѣтей; а на любовь смотрятъ, какъ практической хозяйки смотритъ на мѣстоположеніе имѣнія, то есть сразу привыкаетъ и потомъ не замѣчаетъ его никогда.

— Что же это: врожденная неспособность вслѣдствіе законовъ природы, — говорилъ онъ: — или недостатокъ подготовки, воспитанія?.. Гдѣ же эта симпатія, не теряющая никогда естественной прелести, не одѣвающаяся въ шутовскій нарядъ, видоизмѣняющаяся, но не гаснущая? Какой естественный цвѣтъ и краски этого разлитого повсюду и все-наполняющаго собой блага, этого сока жизни?

Онъ пророчески вглядывался въ даль и тамъ, какъ въ туманѣ, появлялся ему образъ чувства, а съ нимъ и женщины, одѣтой его цвѣтомъ и сіяющей его красками, образъ такой простой, но свѣтлый, чистый.

— Мечта! мечта! — говорилъ онъ, отрезвляясь, съ улыбкой, отъ празднаго раздраженія мысли.

Но очеркъ этой мечты противъ воли жилъ въ его памяти.

Сначала ему снилась въ этомъ образѣ будущность женщины вообще; когда же онъ увидѣлъ, потомъ, въ выросшей и созрѣвшей Ольгѣ, не только роскошь расцвѣтшей красоты, но и силу, готовую на жизнь и жаждущую разумѣнія и борьбы съ жизнью, всѣ задатки его мечты, въ немъ возникъ давнишній, почти забытый имъ образъ любви и стала сниться въ этомъ образѣ Ольга, и далеко впереди казалось ему, что въ симпатіи ихъ возможна истина — безъ шутовского наряда и безъ злоупотребленій.

Не играя вопросомъ о любви и бракъ, не путая въ него никакихъ другихъ расчетовъ, денегъ, связей, мѣсть, Штольцъ,

однакожь, задумывался о томъ, какъ примирится его внѣшняя, до сихъ поръ неутомимая дѣятельность съ внутреннею, семейною жизнью, какъ изъ туриста, негоціанта, онъ превратится въ семейнаго домохозяина? Если онъ успокоится отъ этой внѣшней бѣготни, чѣмъ наполнится его жизнь въ домашнемъ быту? Воспитаніе, образованіе дѣтей, направленіе ихъ жизни, конечно, не легкая и не пустая задача, но до нея еще далеко, а до тѣхъ поръ что же онъ будетъ дѣлать?

Эти вопросы давно и часто тревожили его, и онъ не тяготился холостою жизнью; не приходило ему въ голову, какъ только забьется его сердце, почувя близость красоты, надѣтъ на себя брачныя пѣппи. Отчего онъ какъ будто пренебрегалъ даже Ольгой-дѣвицей, любовался только ею, какъ милымъ ребенкомъ, подающимъ большія надежды; шутя, мимоходомъ, забрасывалъ ей въ жадный и воспримчивый умъ новую, смѣлую мысль, мѣткое наблюденіе надъ жизнью, и продолжалъ въ ея душѣ, не думая и не гадая, живое пониманіе явленій, вѣрный взглядъ, а потомъ забывалъ и Ольгу, и свои небрежные уроки.

А по временамъ, видя, что въ ней мелькаютъ не совсѣмъ обыкновенныя черты ума, взгляды, что нѣтъ въ ней лжи, не ищетъ она общаго поклоненія, что чувства въ ней приходятъ и уходятъ просто и свободно, что нѣтъ ничего чужого, а все свое, и это свое такъ смѣло, свѣжо и прочно— онъ недоумѣвалъ, откуда далось ей это, не узнавалъ своихъ легучихъ уроковъ и замѣтокъ.

Останови онъ тогда вниманіе на ней, онъ бы сообразилъ, что она идетъ почти одна своей дорогой, оберегаемая поверхностнымъ надзоромъ тетки отъ крайностей, но что не тяготѣютъ надъ ней, многочисленной опекой, авторитеты семи нянекъ, бабушекъ, тетокъ, съ преданіями рода, фамиліи, сословія, устарѣвшихъ нравовъ, обычаевъ, сенсаций; что не ведутъ ее насильно по избитой дорожкѣ, что

она идетъ по новой тропѣ, по которой ей приходилось пробывать свою колею собственнымъ умомъ, взглядомъ, чувствомъ.

А природа ее ничѣмъ этимъ не обидѣла; тетка не управляетъ деспотически ея волей и умомъ, и Ольга многое угадываетъ, понимаетъ сама, осторожно взглядывается въ жизнь, вслушивается... между прочимъ, и въ рѣчи, совѣты своего друга...

Онъ этого не соображалъ ничего и только ждалъ отъ нея многого впереди, но далеко впереди, не проча никогда ее себѣ въ подруги.

А она, по самолюбивой застынчивости, — долго не давала угадывать себя, и только послѣ мучительной борьбы за границей, онъ съ изумленіемъ увидѣлъ, въ какой образъ простоты, силы и естественности выросло это многообщавшее и забытое имъ дитя. Тутъ мало-по-малу открывалась передъ нимъ глубокая бездна ея души, которую приходилось ему наполнять и никогда не наполнить.

Сначала долго приходилось ему бороться съ живостью ея природы, прерывать лихорадку молодости, укладывать порывы въ опредѣленные размѣры, давать плавное теченіе жизни, и то на время: едва онъ закрывалъ доверчиво глаза, поднималась опять тревога, жизнь била ключомъ, слышался новый вопросъ безпокойнаго ума, встревоженнаго сердца; тамъ надо было успокоивать раздраженное воображеніе, унимать или будить самолюбіе. Задумывалась она надъ явленіемъ — онъ снѣшилъ вручить ей ключъ къ нему.

Вѣра въ случайности, туманъ галлюцинаціи исчезали изъ жизни. Свѣтла и свободна открывалась передъ ней даль, и она, какъ въ прозрачной водѣ, видѣла въ ней каждый камешекъ, рытвину и потомъ чистое дно.

— Я счастлива! — шептала она, окидывая взглядомъ благодарности свою прошедшую жизнь и, пытая будущее, припоминала свой дѣвическій сонъ счастья, который ей

снился когда-то въ Швейцаріи, ту задумчивую, голубую почву, и видѣла, что сонъ этотъ, какъ тѣнь, носится въ жизни.

«За что мнѣ это выпало на долю?» смиренно думала она.

Она задумывалась, иногда даже боялась, не оборвалось бы это счастье.

Шли годы, а они не уставали жить. Настала и тишина, улеглись и порывы; кривизны жизни стали понятны, выносились терпѣливо и бодро, а жизнь все не умолкала у нихъ.

Ольга довоспиталась уже до строгаго пониманія жизни; два существованія, ея и Андрея, слились въ одно русло; разгула дикимъ страстямъ быть не могло: все было у нихъ гармонія и тишина.

Казалось бы, заснуть въ этомъ заслуженномъ покоѣ и блаженствовать, какъ блаженствуютъ обитатели затишьевъ, сходясь трижды въ день, зѣвая за обычнымъ разговоромъ, впадая въ тущую дремоту, томясь съ утра до вечера, что все передумано, переговорено и передѣлано, что нечего больше говорить и дѣлать, и что «такова ужъ жизнь на свѣтѣ».

Снаружи и у нихъ дѣлалось все какъ у другихъ. Вставали они, хотя не съ зарей, но рано; любили долго сидѣть за чаемъ, иногда даже будто лѣниво молчали, потомъ расходились по своимъ угламъ, или работали вмѣстѣ, обѣдали, ѣздили въ поля, занимались музыкой... какъ всѣ, какъ мечталъ и Обломовъ.

Только не было дремоты, унынія у нихъ; безъ скуки и безъ апатіи проводили они дни; не было вялаго взгляда, слова; разговоръ не кончался у нихъ, бывалъ часто жарокъ.

По комнатамъ разносились ихъ звонкіе голоса, доходили до сада, или тихо передавали они, какъ будто рисуя другъ передъ другомъ узоръ своей мечты, неуловимое для языка первое движеніе, ростъ возникающей мысли, чуть слышный шопотъ души...

И молчаніе ихъ было—иногда задумчивое счастье, о которомъ, одномъ, мечтали, бывало, Обломовъ, или мыслительная работа въ одиночку надъ нескончаемымъ, задаваемымъ другъ другу матеріаломъ...

Часто погружались они въ безмолвное удивленіе передъ вѣчно-новой и блестящей красотой природы. Ихъ чуткія души не могли привыкнутьъ къ этой красотѣ: земля, небо, море—все будило ихъ чувство, и они молча сидѣли рядомъ, глядѣли одними глазами и одной душой на этотъ творческій блескъ, и безъ словъ понимали другъ друга.

Не встрѣчали они равнодушно утра; не могли тупо погрузиться въ сумракъ теплой, звѣздной, южной ночи. Ихъ будило вѣчное движеніе мысли, вѣчное раздраженіе души и потребность думать вдвоемъ, чувствовать, говорить!..

Но что же было предметомъ этихъ жаркихъ споровъ, тихихъ бесѣдъ, чтеній, далекихъ прогулокъ?

Да все. Еще за границей Штольцъ отвыкъ читать и работать одинъ: здѣсь, съ глазу на глазъ съ Ольгой, онъ и думалъ вдвоемъ. Его едва-едва ставало поспѣвать за томительною торопливостью ея мысли и воли.

Вопросъ, что онъ будетъ дѣлать въ семейномъ быту, ужъ улегся, разрѣшился самъ собою. Ему пришлось посвящать ее даже въ свою трудовую, дѣловую жизнь, потому что въ жизни безъ движенія она задышалась, какъ безъ воздуха.

Какая-нибудь постройка, дѣла по своему или обломовскому имѣнію, компанейскія операціи — ничто не дѣлалось безъ ея вѣдома или участія. Ни одного письма не посылалось безъ прочтенія ей, никакая мысль, а еще менѣе исполненіе, не проносилось мимо нея; она знала все, и все занимало ее, потому что занимало его.

Сначала онъ дѣлалъ это потому, что нельзя было укрыться отъ нея: писалось письмо, шелъ разговоръ съ повѣреннымъ, съ какими-нибудь подрядчиками — при ней, на ея

глазахъ; потомъ онъ сталъ продолжать это по привычкѣ, а наконецъ, это обратилось въ необходимость и для него.

Ея замѣчаніе, совѣтъ, одобрение или неодобрение стали для него неизбѣжною повѣркою: онъ увидѣлъ, что она понимаетъ точно такъ же, какъ онъ, соображаетъ, рассуждаетъ не хуже его... Захаръ обижался такой способностью въ своей женѣ, и многіе обижаются — а Штольцъ былъ счастливъ!

А чтеніе и ученье—вѣчное питаніе мысли, ея безконечное развитіе! Ольга ревновала къ каждой непоказанной ей книгѣ, журнальной статьѣ, не шутя сердилась или оскорблялась, когда онъ не заблагоразсудитъ показать ей что-нибудь, по его мнѣнію, слишкомъ серьезное, скучное, непонятное ей, называла это педантизмомъ, пошлостью, отсталостью, бранила его «старымъ нѣмецкимъ парикомъ». Между ними по этому поводу происходили живыя, раздражительныя сцены.

Она сердилась, а онъ смѣялся, она еще пуще сердилась, и тогда только мирилась, когда онъ перестанетъ шутить и раздѣлитъ съ ней свою мысль, знаніе, или чтеніе. Кончалось тѣмъ, что все, что нужно и хотѣлось знать, читать ему, то надобилось и ей.

Онъ не навязывалъ ей ученой техники, чтобъ потомъ, съ глупѣйшею изъ хвастливостей, гордиться «ученой женой». Если бъ у ней вырвалось въ рѣчи одно слово, даже намекъ на эту претензію, онъ покраснѣлъ бы пуще, чѣмъ когда бы она отвѣтила тупымъ взглядомъ невѣднія на обыкновенный въ области знанія, но еще недоступный для женскаго современнаго воспитанія вопросъ. Ему только хотѣлось, а ей вдвое, чтобъ не было ничего недоступнаго — не вѣднію, а ея пониманію.

Онъ не чертилъ ей таблицъ и чиселъ, но говорилъ обо всемъ, многое читалъ, не обѣгая педантически и какой-нибудь экономической теоріи, соціальныхъ или философскихъ

вопросовъ, онъ говорилъ съ увлеченіемъ, съ страстью: онъ какъ будто рисовалъ ей безконечную, живую картину знанія. Послѣ изъ памяти ея исчезали подробности, но никогда не сглаживался въ воспримчивомъ умѣ рисунокъ, не пропадали краски и не потухалъ огонь, которымъ онъ освѣщаль творимый ей космосъ.

Онъ задрожитъ отъ гордости и счастья, когда замѣтитъ, какъ потомъ искра этого огня свѣтитъ въ ея глазахъ, какъ отголосокъ переданной ей мысли звучитъ въ рѣчи, какъ мысль эта вошла въ ея сознаніе и пониманіе, переработалась у ней въ умѣ и выглядываетъ изъ ея словъ, не сухая и суровая, а съ блескомъ женской граціи, и особенно если какая-нибудь плодотворная капля изъ всего говореннаго, прочитаннаго, нарисованнаго, опускалась, какъ жемчужина, на свѣтлое дно ея жизни.

Какъ мыслитель и какъ художникъ, онъ ткалъ ей разумное существованіе, и никогда еще въ жизни не бывалъ онъ поглощенъ такъ глубоко, ни въ пору ученья, ни въ тѣ тяжелые дни, когда боролся съ жизнью, выпутывался изъ ея изворотовъ и крѣпчалъ, закаливая себя въ опытахъ мужественности, какъ теперь, няньчась съ этой неумолкающей, вулканической работой духа своей подруги!

— Какъ я счастливъ! — говорилъ Штольцъ про себя и мечталъ по-своему, забѣгалъ впередъ, когда минуютъ медовые годы брака.

Вдали ему опять улыбался новый образъ, не эгоистки Ольги, не страстно-любящей жены, не матери-няньки, уводящей потомъ въ бездвѣтной, никому не нужной жизни, а что-то другое, высокое, почти небывалое...

Ему грезилась мать-создательница и участница нравственной и общественной жизни цѣлаго счастливаго поколѣнія.

Онъ съ боязнью задумывался, достанетъ ли у ней воли и силъ... и торопливо помогалъ ей покорять себѣ скорѣе жизнь, выработать запасъ мужества на битву съ жизнью,—

теперь именно, пока они оба молоды и сильны, пока жизнь шадила ихъ, или удары ея не казались тяжелы, пока горе тонуло въ любви.

Мрачились ихъ дни, но не надолго. Неудачи въ дѣлахъ, утрата значительной суммы денегъ—все это едва коснулось ихъ. Это стоило имъ лишннихъ хлопотъ, развѣздовъ, потомъ скоро забылось.

Смерть тетки вызвала горькія, искреннія слезы Ольги и легла тѣнью на ея жизнь на какіе-нибудь полгода.

Самое живое опасеніе и вѣчную заботу рождали болѣзни дѣтей, но лишь миновало опасеніе, возвращалось счастье.

Его тревожило болѣе всего здоровье Ольги: она долго оправлялась послѣ родовъ, и хотя оправилась, но онъ не переставалъ этимъ тревожиться. Страшнѣ горя онъ не зналъ.

— Какъ я счастлива!—твердила и Ольга тихо, любуясь своей жизнью, и въ минуту такого сознанія иногда впадала въ задумчивость... особенно съ нѣкотораго времени, послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ замужества.

Страненъ человѣкъ! Чѣмъ счастье ея было полнѣе, тѣмъ она становилась задумчивѣе и даже... боязливѣе. Она стала строго замѣчать за собой и уловила, что ее смущала эта тишина жизни, ея остановка на минутахъ счастья. Она насильственно стряхивала съ души эту задумчивость и ускоряла жизненные шаги, лихорадочно искала шума, движеній, заботъ, просилась съ мужемъ въ городъ, пробовала заглянуть въ свѣтъ, въ люди, но не надолго.

Суета свѣта касалась ея слегка, и она спѣшила въ свой уголокъ сбыть съ души какое-нибудь тяжелое, непривычное впечатлѣніе, и снова уходила, то въ мелкія заботы домашней жизни, по цѣлымъ часамъ не покидала дѣтской, несла обязанности матери-няньки, то погружалась съ Андреемъ въ чтеніе, въ толки о «серьезномъ и скучномъ», или читали поэтовъ, поговаривали о поѣздкѣ въ Италію.

Она боялась впасть во что-нибудь похожее на обломовскую апатию. Но какъ она ни старалась сбыть съ души эти мгновения періодическаго оцѣпенія, сна души, къ ней нѣтъ-нѣтъ да подкрадется сначала грѣза счастья, окружить ее голубая ночь и окуетъ дремотой, потомъ опять настанетъ задумчивая остановка, будто отдыхъ жизни, а затѣмъ... смущеніе, боязнь, томленіе, какая-то глухая грусть, послышатся какіе-то смутные, туманные вопросы въ безпокойной головѣ.

Ольга чутко прислушивалась, пыталась себя, но ничего не выпытала, не могла добиться, чего по временамъ просить, чего ищетъ душа, а только просить и ищеть чего-то, даже будто — страшно сказать — тоскуетъ, будто ей мало было счастливой жизни, будто она уставала отъ нея и требовала еще новыхъ, небывалыхъ явленій, заглядывала дальше впередъ...

«Что жъ это?» съ ужасомъ думала она. «Ужели еще нужно и можно желать чего-нибудь? Куда же идти? Некуда! Дальше нѣтъ дороги... Ужели нѣтъ, ужели ты совершила кругъ жизни? Ужели тутъ все... все»... говорила душа ея и чего-то не договаривала... и Ольга съ тревогой озиралась вокругъ, не узналъ бы, не подслушалъ бы кто этого шопота души... Спрашивала глазами небо, море, лѣсъ... нигдѣ нѣтъ отвѣта: тамъ даль, глубь и мракъ.

Природа говорила все одно и то же; въ ней видѣла она непрерывное, но однообразное теченіе жизни, безъ начала, безъ конца.

Она знала, у кого спросить объ этихъ тревогахъ, и шла бы отвѣтъ, но какой? Что если это ропотъ безплоднаго ума, или, еще хуже, жажда несозданнаго для симпатіи, неженскаго сердца! Боже! Она, его кумиръ—безъ сердца, съ черствымъ, ничѣмъ не довольнымъ умомъ! Что жъ изъ нея выйдетъ? Ужели синій чулокъ! Какъ она падетъ, когда откроются передъ нимъ эти новыя, небывалыя, но, конечно, извѣстныя ему страданія!

Она пряталась от него, или выдумывала болѣзнь, когда глаза ея, противъ воли, теряли бархатную мягкость, глядѣли какъ-то сухо и горячо, когда на лицѣ лежало тяжелое облако, и она, несмотря на все старанія, не могла принудить себя улыбнуться, говорить, равнодушно слушала самыя горячія новости политическаго міра, самыя любопытныя объясненія новаго шага въ наукѣ, новаго творчества въ искусствѣ.

Между тѣмъ, ей не хотѣлось плакать, не было внезапнаго тренета, какъ въ то время, когда играли нервы, пробуждались и высказывались ея дѣвическія силы. Нѣтъ, это не то!

— Что же это? — съ отчаяніемъ спрашивала она, когда вдругъ становилась скучна, равнодушна ко всему, въ прекрасный, задумчивый вечеръ, или за колыбелью, даже среди ласкъ и рѣчей мужа...

Она вдругъ какъ будто окаменѣетъ и смолкнетъ, потомъ съ притворной живостью суетится, чтобъ скрыть свой странный недугъ, или сошлетъ на мигрень и ляжетъ спать.

Но не легко ей было укрыться отъ зоркаго взгляда Шгольца: она знала это, и внутренно съ такою же тревогой готовилась къ разговору, когда онъ настанетъ, какъ нѣкогда готовилась къ исповѣди прошедшаго. Разговоръ настать.

Они однажды вечеромъ гуляли по тополевой аллеѣ. Она почти повисла у него на плечѣ и глубоко молчала. Она мучилась своимъ невѣдомымъ припадкомъ, и о чемъ онъ ни заговаривалъ, она отвѣчала коротко.

— Нянька говоритъ, что Оленька кашляла ночью. Не послать ли завтра за докторомъ? — спросилъ онъ.

— Я напоила ее теплымъ и завтра не пушу гулять, а тамъ посмотримъ! — отвѣчала она монотонно.

Они прошли до конца аллеи молча.

— Что жъ ты не отвѣчала на письмо своей пріятельницы, Сонички? — спросилъ онъ. — А я все ждалъ, чуть не

опоздалъ на почту. Это ужъ третье письмо ея безъ отвѣта.

— Да, мнѣ хочется скорѣй забыть ее... — сказала она и замолчала.

— Я кланялся отъ тебя Бичурину, — заговорилъ Андрей опять:—вѣдь онъ влюбленъ въ тебя, такъ, авось, утѣшится хоть этимъ немного, что пшеница его не поспѣетъ на мѣсто въ срокъ.

Она сухо улыбнулась.

— Да, ты сказывалъ,—равнодушно отозвалась она.

— Что ты, спать хочешь?—спросилъ онъ.

У ней стукнуло сердце, и не въ первый разъ, лишь только начинались вопросы, близкіе къ дѣлу.

— Нѣтъ еще,—съ искусственной бодростью сказала она:— а что?

— Нездорова?—спросилъ онъ опять.

— Нѣтъ. Что тебѣ такъ кажется?

— Ну, такъ скучаешь!

Она крѣпко сжала ему обѣими руками плечо.

— Нѣтъ, нѣтъ!—отнѣкивалась она фальшиво-развязнымъ голосомъ, въ которомъ, однако, звучала какъ будто въ самомъ дѣлѣ скука.

Онъ вывелъ ее изъ аллеи и оборотилъ лицомъ къ лунному свѣту.

— Погляди на меня! — сказалъ онъ и пристально смотрѣлъ ей въ глаза.

— Можно подумать, что ты... несчастлива! Такіе странные у тебя глаза сегодня, да и не сегодня только... Что съ тобой, Ольга?

Онъ повелъ ее за талію опять въ аллею.

— Знаешь что: я... проголодалась! — сказала она, стараясь засмѣяться.

— Не лги, не лги! Я этого не люблю! — съ притворной строгостью прибавилъ онъ.

— Несчастлива! — съ упрекомъ повторила она, остано-

вивъ его въ аллеѣ.— Да, несчастлива тѣмъ развѣ... что ужъ слишкомъ счастлива!—досказала она съ такой нѣжной, мягкой нотой въ голосѣ, что онъ поцѣловалъ ее.

Она стала смѣяться. Предположеніе, хотя легкое, шуточное, что она, можетъ-быть, несчастлива, неожиданно вызвало ее на откровенность.

— Не скучно мнѣ и не можетъ быть скучно: ты это знаешь и самъ, конечно, не вѣришь своимъ словамъ; не больна я, а... мнѣ грустно... бываетъ иногда... вотъ тебѣ—несносный человѣкъ, если отъ тебя нельзя спрятаться! Да, грустно, и я не знаю отчего!

Она положила ему голову на плечо.

— Вотъ что! Отчего же?—спросилъ онъ ее тихо, наклонившись къ ней.

— Не знаю,—повторила она.

— Однакожь, должна быть причина, если не во мнѣ, не кругомъ тебя, такъ въ тебѣ самой. Иногда такая грусть не что иное, какъ зародышъ болѣзни... Здорова ли ты?

— Да, можетъ-быть, —серьезно сказала она:— это что-нибудь въ этомъ родѣ, хотя я ничего не чувствую. Ты видишь, какъ я ѣмъ, гуляю, сплю, работаю. Вдругъ какъ-будто найдеть на меня что-нибудь, какая-то хандра... мнѣ жизнь покажется... какъ-будто не все въ ней есть... Да нѣтъ, ты не слушай; это все пустое...

— Говори, говори! —присталъ онъ съ живостью. — Ну, не все есть въ жизни: что еще?

— Иногда я какъ-будто боюсь,—продолжала она:—чтобъ это не измѣнилось, не кончилось... не знаю сама! Или мучусь глупою мыслью: что жъ будетъ еще?.. Что жъ это счастье... вся жизнь...—говорила она все тише, тише, стыдясь этихъ вопросовъ:—всѣ эти радости, горе... природа...—шептала она:— все тянетъ меня куда-то еще; я дѣлаюсь ничѣмъ недовольна... Боже мой! мнѣ даже стыдно этихъ глупостей... это мечтательность... Ты не замѣчай, не смотри...—

прибавила она умоляющимъ голосомъ, ласкаясь къ нему.— Эта грусть скоро проходитъ и мнѣ опять станетъ такъ свѣтло, весело, какъ вотъ опять стало теперь!

Она жалась къ нему такъ робко и ласково, стыдясь въ самомъ дѣлѣ и какъ-будто прося прощенія «въ глупостяхъ».

Долго спрашивала ее мужъ, долго передавала она, какъ больная врачу, симптомы грусти, высказывала всѣ глухіе вопросы, рисовала ему смятеніе души и потомъ — какъ исчезала этотъ миражъ — все, все, что могла припомнить, замѣтить.

Штольцъ молча опять пошелъ по аллеѣ, склонивъ голову на грудь, погружаясь всей мыслью, съ тревогой, съ недоумѣніемъ, въ неясное признаніе жены.

Она заглядывала ему въ глаза, но ничего не видѣла, и когда, въ третій разъ, они дошли до конца аллеи, она не дала ему обернуться и, въ свою очередь, вывела его на лунный свѣтъ и вопросительно посмотрѣла ему въ глаза.

— Что ты?—застѣнчиво спросила она.—Смѣешься моимъ глупостямъ, да? Это очень глупо, эта грусть, не правда ли?

Онъ молчалъ.

— Что жъ ты молчишь?—спросила она съ нетерпѣніемъ.

— Ты долго молчала, хотя, конечно, знала, что я давно замѣчалъ за тобой; дай же мнѣ помолчать и подумать. Ты мнѣ задала не легкую задачу.

— Вотъ ты теперь станешь думать, а я буду мучиться, что ты выдумаешь одинъ про себя. Напрасно я сказала!—прибавила она.—Лучше говори что-нибудь...

— Что жъ я тебѣ скажу?—задумчиво говорилъ онъ.— Можетъ-быть, въ тебѣ проговаривается еще нервическое разстройство: тогда докторъ, а не я, рѣшитъ, чтѣ съ тобой. Надо завтра послать... Если же не то...—началъ онъ и задумался.

— Чтѣ «если же не то», говори! — нетерпѣливо приставала она.

Онъ шель, все думая.

— Да ну,—говорила она, тряся его за руку.

— Можетъ-быть, это избытокъ воображенія: — ты слишкомъ жива... а можетъ-быть ты созрѣла до той поры... — вполголоса закончилъ онъ, почти про себя.

— Говори, пожалуйста, вслухъ, Андрей! Терпѣть не могу, когда ты ворчишь про себя! — жаловалась она: — я насказала ему глупостей, а онъ повѣсилъ голову и шепчетъ что-то подъ носъ! Мнѣ даже страшно съ тобой здѣсь, въ темнотѣ...

— Что сказать—я не знаю... «грусть находить, какіе-то вопросы тревожатъ»: что изъ этого поймешь? Мы поговоримъ опять объ этомъ и посмотримъ: кажется надо опять купаться въ морѣ...

— Ты сказалъ про себя: «если же... можетъ-быть... созрѣла»: что у тебя за мысль была?—спрашивала она.

— Я думалъ... — говорилъ онъ медленно, задумчиво высказываясь и самъ не довѣря своей мысли, какъ-будто тоже стыдясь своей рѣчи:—вотъ видишь ли... бываютъ минуты... то-есть, я хочу сказать, если это не признакъ какого-нибудь разстройства, если ты совершенно здорова, то, можетъ-быть, ты созрѣла, подошла къ той порѣ, когда остановился ростъ жизни... когда загадокъ нѣтъ, она открылась вся...

— Ты, кажется, хочешь сказать, что я состарѣлась?—живо перебила она.—Не смѣй!—Она даже погрозила ему.—Я еще молода, сильна...—прибавила она, выпрямляясь.

Онъ засмѣялся.

— Не бойся,—сказалъ онъ:—ты, кажется, не располагаешь состарѣться никогда! Нѣтъ, это не то... въ старости силы падаютъ и перестаютъ бороться съ жизнью. Нѣтъ, твоя грусть, томленіе — если это только то, что я думаю — скорѣе признакъ силы... Поиски живого, раздраженного ума порываются иногда за житейскія грани, не находятъ,

конечно, отвѣтовъ, и является грусть... временное недовольство жизнью... Это грусть души, вопрошающей жизнь о ея тайнѣ... Можетъ-быть и съ тобой то же... Если это такъ—это не глупости.

Она вздохнула, но, кажется, больше отъ радости, что опасенія ея кончились, и она не падаетъ въ глазахъ мужа, а напротивъ...

— Но вѣдь я счастлива; умъ у меня не празденъ; я не мечтаю; жизнь моя разнообразна — чего же еще? Къ чему эти вопросы?—говорила она.—Это болѣзнь, гнетъ!

— Да, пожалуй, гнетъ для темнаго, слабаго ума, неподготовленнаго къ нему. Эта грусть и вопросы, можетъ-быть, многихъ свели съ ума; инымъ они являются, какъ безобразныя видѣнія, какъ бредъ ума...

— Счастье льется черезъ край, такъ хочется жить... а тутъ вдругъ примѣшивается какая-то горечь...

— А! Это расплата за прометеевъ огонь! Мало того, что терпи, еще люби эту грусть и уважай сомнѣнія и вопросы: они—переполненный избытокъ, роскошь жизни и являются больше на вершинахъ счастья, когда нѣтъ грубыхъ желаній; они не рождаются среди жизни обыденной: тамъ не до того, гдѣ горе и нужда; толпы идутъ и не знаютъ этого тумана сомнѣній, тоски вопросовъ... Но кто встрѣтился съ ними своевременно, для того они не молотъ, а милые гости.

— Но съ ними не справишься: они даютъ тоску и равнодушіе... почти ко всему... —нерѣшительно прибавила она.

— А надолго ли? Потомъ освѣжаютъ жизнь, — говоритъ онъ. — Они приводятъ къ безднѣ, отъ которой не допросишься ничего, и съ бѣльшей любовью заставляютъ опять глядѣть на жизнь... Они вызываютъ на борьбу съ собой уже испытанныя силы, какъ будто затѣмъ, чтобъ не давать имъ уснуть...

— Мучиться какимъ-то туманомъ, призраками! — жаловалась она. — Все свѣтло, а тутъ вдругъ ложится, на жизнь какая-то зловѣщая тѣнь! Ужели нѣтъ средствъ?

— Какъ не быть! опора въ жизни! А нѣтъ ея, такъ и безъ вопросовъ тошно жить!

— Что жъ дѣлать? Поддаться и толковать?

— Ничего, — сказалъ онъ: — вооружаться твердостью и терпѣливо, настойчиво идти своимъ путемъ. Мы не Титаны съ тобой, — продолжалъ онъ, обнимая ее: — мы не поидемъ съ Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами, не примемъ ихъ вызова, склонимъ головы и смиренно переживемъ трудную минуту, и опять потомъ улыбнется жизнь, счастье и...

— А если они никогда не отстанутъ: грусть будетъ тревожить все больше, больше?... — спрашивала она.

— Что жъ? примемъ ее какъ новую стихію жизни... Да нѣтъ, этого не бываетъ, не можетъ быть у насъ! Это не твоя грусть; это общій недугъ человѣчества. На тебя брызнула одна капля... Все это страшно, когда человѣкъ отрывается отъ жизни... когда нѣтъ опоры. А у насъ... Дай Богъ, чтобъ эта грусть твоя была то, что я думаю, а не признакъ какой-нибудь болѣзни... то хуже. Вотъ горе, передъ которымъ я упаду безъ защиты, безъ силы... А то, ужели туманъ, грусть, какія-то сомнѣнія, вопросы могутъ лишить насъ нашего блага, нашей...

Онъ не договорилъ, а она, какъ безумная, бросилась къ нему въ объятія и, какъ вакханка, въ страстномъ забытѣ, замерла на мгновеніе, обвивъ ему шею руками.

— Ни туманъ, ни грусть, ни болѣзнь, ни... даже смерть! — шептала она восторженно, опять счастливая, успокоенная, веселая. Никогда, казалось ей, не любила она его такъ страстно, какъ въ эту минуту.

— Смотри, чтобъ судьба не подслушала твоего ропота, — заключилъ онъ суевѣрнымъ замѣчаніемъ, внушеннымъ нѣж-

ною предусмотрительностию: — и не сочла за неблагоприятность! Она не любитъ, когда не цѣнять ея даровъ. До сихъ поръ ты еще познавала жизнь, а придется испытывать ее... Вотъ погоди, когда разыграется она, настануть горе и трудъ... а они настануть—тогда... не до этихъ вопросовъ... Береги силы!—прибавилъ тихо, почти про себя, Штольцъ, въ отвѣтъ на ея страстный порывъ. Въ словахъ его звучала грусть, какъ-будто онъ уже видѣлъ вдали и «горе, и трудъ».

Она молчала, мгновенно пораженная грустнымъ звукомъ его голоса. Она безгранично вѣрила ему, вѣрила и его голосу. Она заразилась его задумчивостью, сосредоточилась, ушла въ себя.

Опершись на него, машинально и медленно ходила она по аллеѣ, погруженная въ упорное молчаніе. Она боязливо, вслѣдъ за мужемъ, глядѣла въ даль жизни, туда, гдѣ, по словамъ его, настанетъ пора «испытаній», гдѣ ждутъ «горе и трудъ».

Ей сталъ сниться другой сонъ, не голубая ночь, открывался другой край жизни, не прозрачный и праздничный, въ затишьи, среди безграничнаго обилія, наединѣ съ *нимъ*...

Нѣтъ, тамъ видѣла она цѣпь утратъ, лишеній, омываемыхъ слезами, неизбѣжныхъ жертвъ, жизнь поста и невольнаго отреченія отъ рождающихся въ праздности прихотей, вопли и стоны отъ новыхъ, теперь невѣдомыхъ имъ чувствъ; снились ей болѣзни, разстройство дѣлъ, потеря мужа...

Она содрогалась, изнемогала, но съ мужественнымъ любопытствомъ глядѣла на этотъ новый образъ жизни, озираала его съ ужасомъ и измѣряла свои силы... Одна только любовь не измѣняла ей и въ этомъ снѣ, она стояла вѣрнымъ стражемъ и новой жизни; но и она была не та!

Нѣтъ ея горячаго дыханія, нѣтъ свѣтлыхъ лучей и голубой ночи; черезъ годы все казалось играми дѣтства передъ той далекой любовью, которую восприняла на себя

глубокая и грозная жизнь. Тамъ не слышать поцѣлуевъ и смѣха, ни трепетно-задумчивыхъ бесѣдъ въ боскетѣ, среди цвѣтговъ, на праздникѣ природы и жизни... Все «поблекло и отошло».

Та неуывающая и не гибнущая любовь лежала могуче, какъ сила жизни, на лицахъ ихъ — въ годину дружной скорби, свѣтилась въ медленно и молча обмѣненномъ взглядѣ совокупнаго страданія, слышалась въ безконечномъ взаимномъ терпѣннн противъ жизненной пытки, въ сдержанныхъ слезахъ и заглушенныхъ рыданіяхъ...

Въ туманную грусть и вопросы, посѣщавшіе Ольгу, тихо вселились другіе, хотя отдаленные, но ясные опредѣленные и грозные сны...

Подъ успокоительнымъ и твердымъ словомъ мужа, въ безграничномъ довѣрнн къ нему, отдыхала Ольга и отъ своей загадочной, не всѣмъ знакомой грусти, и отъ вѣщихъ и грозныхъ сновъ будущаго, шла бодро впередъ.

Послѣ «тумана» наставало свѣтлое утро, съ заботами матери, хозяйки; тамъ манилъ къ себѣ цвѣтникъ и поле, тамъ кабинетъ мужа. Только не съ беззаботнымъ самонаслажденіемъ играла она жизнью, а съ затаенной и бодрой мыслью жила она, готовилась, ждала...

Она росла все выше, выше... Андрей видѣлъ, что прежній идеаль его женщины и жены недосыгаемъ, но онъ былъ счастливъ и блѣднымъ отраженіемъ его въ Ольгѣ: онъ не ожидалъ никогда и этого.

Между тѣмъ, и ему долго, почти всю жизнь, предстояла еще немалая забота поддерживать на одной высотѣ свое достоинство мужчины въ глазахъ самолюбивой, гордой Ольги, не изъ пошлой ревности, а для того, чтобъ не помрачилась эта хрустальная жизнь; а это могло бы случиться, если бъ хотя немного поколебалась ея вѣра въ него.

Многимъ женщинамъ не нужно ничего этого: разъ вышедши замужъ, онѣ покорно принимаютъ и хорошія, и

дурныя качества мужа, безусловно мирятся съ приготовлен-нымъ имъ положеніемъ и сферой, или такъ же покорно уступаютъ первому случайному увлеченію, сразу признавая невозможнымъ или не находя нужнымъ противиться ему: «судьба, дескать, страсти, женщина—созданіе слабое» и т. д.

Даже если мужъ и превышаетъ толпу умомъ, — этой обаятельной силой въ мужчинѣ, такія женщины гордятся этимъ преимуществомъ мужа какъ какимъ-нибудь дорогимъ ожерельемъ, и то въ такомъ только случаѣ, если умъ этотъ остается слѣпъ на ихъ жалкія, женскія продѣлки. А если онъ осмѣлится прозирать въ мелочную комедію ихъ лукаваго, ничтожнаго, иногда порочнаго существованія, имъ дѣлается тяжело и тѣсно отъ этого ума.

Ольга не знала этой логики покорности слѣпой судьбѣ и не понимала женскихъ страстишекъ и увлеченій. Признавъ разъ въ избранномъ человѣкѣ достоинство и права на себя, она вѣрила въ него и потому любила, а переставала вѣрить — переставала и любить, какъ случилось съ Обломовымъ.

Но тамъ еще шаги ея были нерѣшительны, воля шатка; она только что вглядывалась и вдумывалась въ жизнь, только приводила въ сознаніе стихіи своего ума и характера и собирала матеріалы; дѣло созданія еще не начиналось, пути жизни угаданы не были.

Но теперь она увѣровала въ Андрея не слѣпо, а съ сознаньемъ, и въ немъ воплотился ея идеаль мужского совершенства. Чѣмъ больше, чѣмъ сознательнѣе она вѣровала въ него, тѣмъ труднѣе было ему держаться на одной высотѣ, быть героемъ не ума ея и сердца только, но и воображенія. А она вѣровала въ него такъ, что не признавала между нимъ и собой другого посредника, другой инстанціи, кромѣ Бога.

Оттого она не снесла бы пониженія ни на волосъ признанныхъ ею достоинствъ; всякая фальшивая нота въ его

характеръ, или умъ, произвела бы потрясающій диссонансъ. Разрушенное зданіе счастья погребло бы ее подъ развалинами, или, если бъ уцѣлѣли ея силы, она бы искала...

Да нѣтъ, тація женщины не ошибаются два раза... После упадка такой вѣры, такой любви, возрожденіе невозможно.

Штольцъ былъ глубоко счастливъ своей наполненной, волнующейся жизнью, въ которой цвѣла неувядаемая весна, и ревниво, дѣятельно, зорко воздѣлывалъ, берегъ и лелѣлъ ее. Со дна души поднимался ужасъ тогда только, когда онъ вспоминалъ, что Ольга была на волосъ отъ гибели, что эта угаданная дорога — ихъ два существованія, слившіяся въ одно, могли разойтись; что незнаніе путей жизни могло дать исполниться гибельной ошибкѣ, что Обломовъ...

Онъ вздрагивалъ. Какъ! Ольга, въ той жизни, которую Обломовъ ей готовилъ! Она — среди переползанья изъ дня въ день, деревенская барыня, нянька своихъ дѣтей, хозяйка — и только!

Всѣ вопросы, сомнѣнія, вся лихорадка жизни уходила бы на заботы по хозяйству, на ожиданія праздниковъ, гостей, семейныхъ съѣздовъ, на родины, крестины, въ апатію, и сонъ мужа!

Бракъ былъ бы только формой, а не содержаніемъ, средствомъ, а не цѣлью; служилъ бы широкой и неизмѣнной рамкой для визитовъ, приѣма гостей, обѣдовъ и вечеровъ, пустой болтовни?..

Какъ же она вынесетъ эту жизнь? Сначала бьется, отыскивая и угадывая тайну жизни, плачетъ, мучится, потомъ привыкаетъ, толстѣетъ, ѣсть, спать, тупѣетъ...

Нѣтъ, не такъ бы съ ней было: она — плачетъ, мучится, чахнетъ и умираетъ въ объятіяхъ любящаго добраго и бесильнаго мужа... Бѣдная Ольга!

А если огонь не угаснетъ, жизнь не умретъ, если силы устоятъ и запросятъ свободы, если она взмахнетъ крыльями,

какъ сильная и зоркая орлица, на мигъ полоненная слабыми руками, и ринется на ту высокую скалу, гдѣ видитъ орла, который еще сильнѣе и зорче ея?.. Бѣдный Илья!

— Бѣдный Илья! — сказалъ однажды Андрей вслухъ, вспомнивъ прошлое.

Ольга, при этомъ имени, вдругъ опустила руки, съ вышиваньемъ, на колѣни, откинула голову назадъ и глубоко задумалась. Воскликаніе вызвало воспоминаніе.

— Что съ нимъ?—спросила она потомъ.—Ужели нельзя узнать?

Андрей пожалъ плечами.

— Подумаешь, — сказалъ онъ: — что мы живемъ въ то время, когда не было почти, когда люди, разбѣхавшись въ разныя стороны, считали другъ друга погибшими, и въ самомъ дѣлѣ пропадали безъ вѣсти.

— Ты бы написалъ опять къ кому-нибудь изъ своихъ пріятелей: узнали бы, по крайней мѣрѣ..

— Ничего не узнали бы, кромѣ того, что мы уже знаемъ: живъ, здоровъ, на той же квартирѣ—это я и безъ пріятелей знаю. А что съ нимъ, какъ онъ переноситъ свою жизнь, умеръ ли онъ нравственно, или еще тлѣетъ искра жизни—этого посторонній не узнаетъ...

— Ахъ, не говори такъ, Андрей: мнѣ страшно и больно слушать! Мнѣ и хотѣлось бы, и боюсь знать...

Она готова была заплакать.

— Весной будемъ въ Петербургѣ,—узнаемъ сами.

— Этого мало что узнаемъ, надо сдѣлать все...

— А я развѣ не дѣлалъ? Мало ли я его уговаривалъ, хлопоталъ за него, устроилъ его дѣла—а онъ хоть бы откликнулся на это! При свиданіи готовъ на все, а чуть съ глазъ долой—прощай: опять заснулъ. Возишься какъ съ пьяницей!

— Зачѣмъ съ глазъ долой? — нетерпѣливо возразила Ольга. — Съ нимъ надо дѣйствовать рѣшительно: взять его

съ собой въ карету и увезти. Теперь же мы переселяемся въ имѣніе; онъ будетъ близко отъ насъ... мы возьмемъ его съ собой.

— Вотъ далась намъ съ тобой забота! — разсуждалъ Андрей, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. — И конца ей нѣтъ!

— Ты тяготишься ею?—сказала Ольга.—Это новость! Я въ первый разъ слышу твой ропотъ на эту заботу.

— Я не ропщу,—отвѣчалъ Андрей:—а разсуждаю.

— А откуда взялось это разсужденіе? Ты сознался себѣ самому, что это скучно, безпокойно—да?

Она поглядѣла на него пытливо. Онъ покачалъ отрицательно головой.

— Нѣтъ, не безпокойно, а бесполезно: это я иногда думаю.

— Не говори, не говори! — остановила его она. — Я опять, какъ на той недѣлѣ, буду цѣлый день думать объ этомъ и тосковать. Если въ тебѣ погасла дружба къ нему, такъ изъ любви къ человѣку ты долженъ нести эту заботу. Если ты устанешь, я одна пойду и не выйду безъ него: онъ тронется моими просьбами; я чувствую, что я заплачу горько, если увижу его убитаго, мертваго! Можетъ-быть слезы...

— Воскресять, ты думаешь?—перебилъ Андрей.

— Нѣтъ, не воскресять къ дѣятельности, по крайней мѣрѣ заставить его оглянуться вокругъ себя и перемѣнить свою жизнь на что-нибудь лучшее. Онъ будетъ не въ грязи, а близъ равныхъ себѣ, съ нами. Я только появилась тогда—и онъ въ одну минуту очнулся и застыдился...

— Ужъ не любишь ли ты его попрежнему? — спросилъ Андрей шутя.

— Нѣтъ! — не шутя, задумчиво, какъ бы глядя въ прошедшее, говорила Ольга.—Я люблю его не попрежнему, но есть что-то, что я люблю въ немъ, чему я, кажется, осталась вѣрна и не измѣнюсь, какъ иные...

— Кто же иные? Скажи, ядовитая змѣя, уязви, ужаль: я, что ли? Ошибаешься. А если хочешь знать правду, такъ я и тебя научилъ любить его и чуть не довелъ до добра. Безъ меня ты бы прошла мимо его, не замѣтивъ. Я далъ тебѣ понять, что въ немъ есть и ума не меньше другихъ, только зарытъ, задавленъ онъ всякою дрянью и заснулъ въ праздности. Хочешь, я скажу тебѣ, отчего онъ тебѣ дорогъ, за что ты еще любишь его?

Она кивнула, въ знакъ согласія, головой.

— За то, что въ немъ дороже всякаго ума: честное, вѣрное сердце! Это его природное золото; онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь. Онъ падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ наконецъ, убитый, разочарованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязи. Не обольститъ его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла, пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ навыворотъ—никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; они рѣдки; это перлы въ толпѣ! Его сердца не подкупишь ничѣмъ; на него всюду и вездѣ можно положиться. Вотъ чему ты осталась вѣрна и почему забота о немъ никогда не будетъ тяжела мнѣ. Многихъ людей я зналъ съ высокими качествами, но никогда не встрѣчалъ сердца чище, свѣтлѣе и проще; многихъ любилъ я, но никого такъ прочно и горячо, какъ Обломова. Узнавъ разъ, его разлюбить нельзя. Такъ это? Угадалъ?

Ольга молчала, потупя глаза на работу. Андрей задумался.

— Ужели не все тутъ? Чтò же еще? Ахъ!..—очнувшись, весело прибавилъ потомъ. — Совсѣмъ забылъ «голубинную нѣжность»...

Ольга засмѣялась, проворно оставила свое шитье, подбѣжала къ Андрею, обвила его шею руками, нѣсколько минутъ поглядѣла лучистыми глазами прямо ему въ глаза, потомъ задумалась, положивъ голову на плечо мужа. Въ ея воспоминаніи воскресло кроткое, задумчивое лицо Обломова, его нѣжный взглядъ, покорность, потомъ его жалкая, стыдливая улыбка, которою онъ, при разлукѣ, отвѣтилъ на ея упрекъ... и ей стало такъ больно, такъ жаль его...

— Ты его не оставишь, не бросишь?—говорила она, не отнимая рукъ отъ шеи мужа.

— Никогда! Развѣ бездна какая-нибудь откроется неожиданно между нами, стѣна встанетъ...

Она поцѣловала мужа.

— Въ Петербургѣ ты возьмешь меня къ нему?

Онъ нерѣшительно молчалъ.

— Да? да?—настойчиво требовала она отвѣта.

— Послушай, Ольга,—сказалъ онъ, стараясь освободить шею отъ кольца ея рукъ:—прежде надо...

— Нѣтъ, скажи: да, обѣщай, я не отстану!

— Пожалуй,—отвѣчалъ онъ:—но только не въ первый, а во второй разъ: я знаю, что съ тобой будетъ, если онъ...

— Не говори, не говори!..—перебила она.—Да, ты возьмешь меня: вдвоемъ мы сдѣлаемъ все. Одинъ ты не сумѣешь, не захочешь!

— Пусть такъ; но ты разстроишься и, можетъ-быть, надолго,—сказалъ онъ, несовсѣмъ довольный, что Ольга вынудила у него согласіе.

— Помни же,—заклчила она, садясь на свое мѣсто:—что ты отступишься только тогда, когда «откроется бездна или встанетъ стѣна между нимъ и тобой». Я не забуду этихъ словъ.

IX.

Миръ и тишина покоятся надъ Выборгской Стороной, надъ ея немощными улицами, деревянными тротуарами,

надъ топкими садами, надъ заросшими крапивою канавами, гдѣ, подъ заборомъ, какая-нибудь коза, съ оборванной веревкой на шеѣ, прилежно щиплетъ траву или дремлетъ туго, да въ полдень простучать щегольскіе, высокіе каблуки прошедшаго по тротуару писаря, зашевелится кисейная занавѣска въ окошкѣ и изъ-за ерани выглянетъ чиновница, или вдругъ надъ заборомъ, въ саду, мгновенно выскочить и въ ту же минуту спрячется свѣжее лицо дѣвушки, вслѣдъ за нимъ выскочить другое такое же лицо, и также исчезнетъ, потомъ явится опять первое и смѣнится вторымъ; раздастся визгъ и хохотъ качающихся на качеляхъ дѣвусекъ.

Все тихо въ домѣ Пшеницыной. Войдешь на дворикъ и будешь охваченъ живой идилліей: куры и пѣтухи засуетятся и побѣгутъ прятаться въ углы; собака начнетъ скакать на цѣпи, заливаясь лаемъ; Агулина перестанетъ донть корову, а дворникъ остановится рубить дрова, и оба съ любопытствомъ посмотрятъ на посѣтителя.

— Кого вамъ? — спроситъ онъ и, услыхавъ имя Ильи Ильича, или хозяйки дома, молча укажетъ крыльцо, и примется опять рубить дрова, а посѣтитель, по чистой, усыпанной пескомъ тропинкѣ, пойдетъ къ крыльцу, на ступенькахъ котораго постланъ простой, чистый коврикъ, дернетъ за мѣдную, ярко-вычищенную ручку колокольчика, и дверь отворитъ Анися, дѣти, иногда сама хозяйка, или Захаръ—Захаръ послѣ всѣхъ.

Все въ домѣ Пшеницыной дышало такимъ обиліемъ и полнотою хозяйства, какой не бывало и прежде, когда Агаея Матвѣевна жила однимъ домомъ съ братцемъ.

Кухня, чуланы, буфетъ—все было установлено поставками съ посудой, большими и меньшими, круглыми и овальными блюдами, соусниками, чашками, грудями тарелокъ, горшками, чугунами, мѣдными и глиняными.

Въ шкапахъ разложено было и свое, давнымъ-давно вы-

купленное и никогда не закладываемое теперь серебро, и серебро Обломова.

Цѣлые ряды огромныхъ, пузатыхъ и миниатюрныхъ чайниковъ и нѣсколько рядовъ фарфоровыхъ чашекъ, простыхъ, съ живописью, съ позолотой, съ девизами, съ пылающими сердцами, съ китайцами. Большія стеклянныя банки съ кофе, корицей, ванилью, хрустальныя чайницы, судки съ масломъ, съ уксусомъ.

Потомъ цѣлыя полки загромождены были пачками, склянками, коробочками съ домашними лѣкарствами, съ травами, примочками, пластырями, спиртами, камфарой, съ порошками, съ куреньями; тутъ же было мыло, снадобья для чистенья кружевъ, выведенья пятенъ и прочее, и прочее—все, что найдешь въ любомъ домѣ всякой провинціи, у всякой домовитой хозяйки.

Когда Агаѣя Матвѣевна внезапно отворить дверь шкапа, исполненнаго всѣхъ этихъ принадлежностей, то сама не устоитъ противъ букета всѣхъ наркотическихъ запаховъ и на первыхъ порахъ на минуту отворотитъ лицо въ сторону.

Въ кладовой къ потолку привѣшены были окорока, чтобъ не портили мыши, сыры, головы сахару, провѣсная рыба, мѣшки съ сушеными грибами, купленными у чухонца орѣхами.

На полу стояли кадки масла, большія крытыя корчаги съ сметаной, корзины съ яйцами — и чего-чего не было! Надо перо другого Гомера, чтобъ исчислить съ полнотой и подробностью все, что скоплено было во всѣхъ углахъ, на всѣхъ полкахъ этого маленькаго ковчега домашней жизни.

Кухня была истиннымъ палладіумомъ дѣятельности великой хозяйки и ея достойной помощницы, Анисьи. Все было въ домѣ и все подъ рукой, на своемъ мѣстѣ, во всемъ порядокъ и чистота, можно бы сказать, если бъ не оставался одинъ уголь въ цѣломъ домѣ, куда никогда не проникалъ

ни лучъ свѣта, ни струя свѣжаго воздуха, ни глазъ хозяйки, ни проворная, всеметающая рука Анисьи. Это уголь или гнѣздо Захара.

Комнатка его была безъ окна и вѣчная темнота способствовала къ устройству пзъ человѣческаго жилья темной норы. Если Захаръ заставлялъ иногда тамъ хозяйку съ какими-нибудь планами улучшеній и очищеній, онъ твердо объявлялъ, что это не женское дѣло разбирать, гдѣ и какъ должны лежать щетки, вакса и сапоги, что никому дѣла нѣтъ до того, зачѣмъ у него платье лежитъ въ кучѣ на полу, а постель въ углу за печкой, въ пыли, что онъ носить платье и спать на этой постели, а не она. А что касается вѣника, досокъ, двухъ кирпичей, днища бочки и двухъ полѣнъ, которыя онъ держитъ у себя въ комнатѣ, такъ ему безъ нихъ въ хозяйствѣ обойтись нельзя, а почему—онъ не объяснял; далѣе, что пыль и пауки ему не мѣшаютъ и, словомъ, что онъ не суетъ носа къ нимъ въ кухню, слѣдовательно, не желаетъ, чтобъ и его трогали.

Анисью, которую онъ однажды засталъ тамъ, онъ обдалъ такимъ презрѣніемъ, погрозилъ такъ серьезно локтемъ въ грудь, что она боялась заглядывать къ нему. Когда дѣло было перенесено въ высшую инстанцію, на благоусмотрѣніе Ильи Ильича, баринъ пошелъ-было осмотрѣть и распорядиться какъ слѣдуетъ, построже, но, всунувъ въ дверь къ Захару одну голову и поглядѣвъ съ минуту на все, что тамъ было, онъ только плюнулъ и не сказалъ ни слова.

— Что взяли? — промолвилъ Захаръ Агаевъ Матвѣевнѣ и Анисѣ, которыя пришли съ Ильей Ильичемъ, надѣясь, что его участіе поведетъ къ какой-нибудь перемѣнѣ. Потомъ онъ усмѣхнулся по-своему, во все лицо, такъ что брови и бакенбарды подались въ стороны.

Въ прочихъ комнатахъ вездѣ было свѣтло, чисто и свѣжо. Старья, полинялыя занавѣски исчезли, а окна и двери гостиной и кабинета осѣнялись синими и зелеными драпри и

кисейными занавѣсками, съ красными фестонами — все работа рукъ Агаѣи Матвѣевны.

Подушки бѣлѣли, какъ снѣгъ, и горой возвышались чуть не до потолка; одѣяла шелковыя, стеганыя.

Цѣлыя недѣли комната хозяйки была загромождена нѣсколькими раскинутыми и приставленными одинъ къ другому ломберными столами, на которыхъ разстилались эти одѣяла и халатъ Ильи Ильича.

Агаѣя Матвѣевна собственноручно кроила, подкладывала ватой и простегивала ихъ, припадая къ работѣ своею крѣпкой грудью, впиваясь въ нее глазами, даже ртомъ, когда надо было откусить нитку, и трудилась съ любовью, съ неутомимымъ прилежаніемъ, скромно награждая себя мыслью, что халатъ и одѣяла будутъ облекать, грѣть, нѣжить и поконтъ великолѣпнаго Илью Ильича.

Онъ цѣлые дни, лежа у себя на диванѣ, любовался, какъ обнаженные локти ея двигались назадъ и впередъ, вслѣдъ за иглой и ниткой. Онъ не разъ дремалъ подъ шипѣнье продѣваемой и трескъ откушенной нитки, какъ бывало въ Обломовкѣ.

— Полноте работать, устанете!—унималъ онъ ее.

— Богъ труды любить!—отвѣчала она, не отводя глазъ и рукъ отъ работы.

Кофе подавался ему такъ же тщательно, чисто и вкусно, какъ вначалѣ, когда онъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, переѣхалъ на эту квартиру. Супъ съ потрохами, макароны съ пармезаномъ, кулебяка, ботвинья, свои пыпята—все это смѣнялось въ строгой очереди одно другимъ и пріятно разнообразило монотонные дни маленькаго домика.

Въ окна съ утра до вечера билъ радостный лучъ солнца, полдня на одну сторону, полдня на другую, не загораживаемый ничѣмъ, благодаря огородамъ съ обѣихъ сторонъ.

Канарейки весело трещали; ервань и порой приносимые дѣтьми изъ графскаго сада гіацинты изливали въ малень-

кой комнаткѣ сильный запахъ, пріятно мѣшавшійся съ дымомъ чистой гаванской сигары да корицы, или ванили, которую толкла, энергически двигая локтями, хозяйка.

Илья Ильичъ жилъ какъ будто въ золотой рамкѣ жизни, въ которой, точно въ діорамѣ, только мѣнялись обычные фазисы дня и ночи и время года; другихъ переменъ, особенно крупныхъ случайностей, возмущающихъ со дна жизни весь осадокъ, часто горькій и мутный, не бывало.

Съ тѣхъ поръ, какъ Штольцъ выручилъ Обломовку отъ воровскихъ долговъ брата, какъ братецъ и Тарантьевъ удалились совсѣмъ, съ ними удалилось и все враждебное изъ жизни Ильи Ильича. Его окружали теперь такія простыя, добрыя, любящія лица, которыя всѣ согласились своимъ существованіемъ подпереть его жизнь, помогать ему не замѣчать ея, не чувствовать.

Агаѣя Матвѣевна была въ зенитѣ своей жизни; она жила и чувствовала, что жила полно, какъ прежде никогда не жила, но только высказать этого, какъ и прежде, никогда не могла, или, лучше, ей въ голову объ этомъ не приходило. Она только молила Бога, чтобъ онъ продлилъ вѣку Ильѣ Ильичу, и чтобъ избавилъ его отъ всякой «скорби, гнѣва и нужды», а себя, дѣтей своихъ и весь домъ предавала на волю Божию. Зато лицо ея постоянно высказывало одно и то же счастье, полное, удовлетворенное и безъ желаній, слѣдовательно, рѣдкое и при всякой другой натурѣ невозможное.

Она пополнѣла; грудь и плечи сіяли тѣмъ же довольствомъ и полнотой, въ глазахъ свѣтились кротость и только хозяйственная заботливость. Къ ней воротились то достоинство и спокойствіе, съ которыми она прежде властвовала надъ домомъ, среди покорныхъ Анисьи, Акулины и дворника. Она, попрежнему, не ходитъ, а будто плаваетъ, отъ шкапа къ кухнѣ, отъ кухни къ кладовой, и мѣрно, не-

торопливо, отдаёт приказанія, съ полнымъ сознаниемъ того, что дѣлаетъ.

Анисья стала еще живѣе прежняго, потому что работы стало больше: все она движется, суетится, бѣгаетъ, работаетъ, все по слову хозяйки. Глаза у ней даже ярче, и носъ, этотъ говорящій носъ, такъ и выставляется прежде всей ея особы, такъ и рдѣтъ заботой, мыслями, намѣреніями, такъ и говоритъ, хотя языкъ и молчитъ.

Объ онѣ одѣты, каждая сообразно достоинству своего сана и должностей. У хозяйки завелся большой шкафъ, съ рядомъ шелковыхъ платьевъ, мантилій и салоповъ; чепцы заказывались на той сторонѣ, чуть ли не на Литейной, башмаки не съ Апраксина, а изъ Гостиного двора, а шляпка — представьте, изъ Морской! И Анисья, когда отстригаетъ, а особенно въ воскресенье, надѣваетъ шерстяное платье.

Только Акулина все ходитъ, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ, да дворникъ не можетъ, даже въ лѣтнія каникулы, разстаться съ полушубкомъ.

Про Захара и говорить нечего: этотъ изъ сѣраго фрака сдѣлалъ себѣ куртку, и нельзя рѣшить, какого цвѣта у него панталоны, изъ чего сдѣлалъ его галстукъ. Онъ чиститъ сапоги, потомъ спитъ, сидитъ у воротъ, туго глядя на рѣдкихъ прохожихъ, или, наконецъ, сидитъ въ ближней мелочной лавочкѣ и дѣлаетъ все то же и такъ же, что дѣлалъ прежде, сначала въ Обломовкѣ, потомъ въ Гороховой.

А самъ Обломовъ? Самъ Обломовъ былъ полнымъ и естественнымъ отраженіемъ и выраженіемъ того покоя, довольства и безмятежной тишины. Вглядываясь, вдумываясь въ свой бытъ и все болѣе и болѣе обживаясь въ немъ, онъ, наконецъ, рѣшилъ, что ему некуда больше идти, нечего искать, что идеалъ его жизни осуществился, хотя безъ поэзии, безъ тѣхъ лучей, которыми нѣкогда воображеніе ри-

совало ему барское, широкое и безпечное теченіе жизни въ родной деревнѣ, среди крестьянъ, дворян.

Онъ смотрѣлъ на настоящій свой бытъ, какъ продолженіе того же обломовскаго существованія, только съ другимъ колоритомъ мѣстности и, отчасти, времени. И здѣсь, какъ въ Обломовкѣ, ему удавалось дешево отдѣлываться отъ жизни, выторговать у ней и застраховать себѣ невозмутимый покой.

Онъ торжествовалъ внутренно, что ушелъ отъ ея докучливыхъ, мучительныхъ требованій и грозъ, изъ-подъ того горизонта, подъ которымъ блещутъ молніи великихъ радостей и раздаются внезапные удары великихъ скорбей, гдѣ играютъ ложныя надежды и великолѣпные призраки счастья, гдѣ гложетъ и снѣдаетъ челоуѣка собственная мысль и убиваетъ страсть, гдѣ падаетъ и торжествуетъ умъ, гдѣ сражается въ непрестанной битвѣ челоуѣкъ, и уходитъ съ поля битвы истерзанннй и все недовольный и ненасытимый. Онъ, не испытавъ наслажденій, добываемыхъ въ борьбѣ, мысленно отказался отъ нихъ и чувствовалъ покой въ душѣ только въ забытомъ уголкѣ, чуждомъ движенія, борьбы и жизни.

А если закипитъ еще у него воображеніе, возстанутъ забытыя воспоминанія, неисполненныя мечты, если въ совѣсти зашевелются упреки за прожитую такъ, а не иначе жизнь— онъ спитъ непокойно, просыпается, вскакиваетъ съ постели, иногда плачетъ холодными слезами безнадежности по свѣтломъ, навсегда угаснувшемъ идеалѣ жизни, какъ плачутъ по дорогомъ усоншемъ, съ горькимъ чувствомъ сознанія, что недовольно сдѣлали для него при жизни.

Потомъ онъ взглянетъ на окружающее его, вкуситъ временныхъ благъ и успокоится, задумчиво глядя, какъ тихо и покойно утопаетъ въ пожарѣ зари вечернее солнце, наконецъ рѣшитъ, что жизнь его не только сложилась, но и создана, даже предназначена была такъ просто, немудрено,

чтобъ выразить возможность идеально-покойной стороны чело-вѣческаго бытія.

Другимъ, думалъ онъ, выпадало на долю выражать ей тревожныя стороны, двигать создающими и разрушающими силами: у всякаго свое назначеніе!

Вотъ какая философія выработалась у обломовскаго Платона и ублаживала его среди вопросовъ и строгихъ требованій долга и назначенія! И родился и воспитанъ онъ былъ не какъ гладіаторъ для арены, а какъ мирный зритель боя, не вынести бы его робкой и лѣнливой душѣ ни тревогъ счастья, ни ударовъ жизни — слѣдовательно, онъ выразилъ собою одинъ ея край, и добиваться, мѣнять въ ней что-нибудь, или каяться—нечего.

Съ лѣтами, волненія и раскаяніе явились рѣже, и онъ тихо и постепенно укладывался въ простой и широкій гробъ остальнаго своего существованія, сдѣланный собственными руками, какъ старцы пустынные, которые, отворотясь отъ жизни, копаютъ себѣ могилу.

Онъ ужъ пересталъ мечтать объ устройствѣ имѣнія и о побѣдѣ туда всеѣмъ домоѣ. Поставленный Штольцомъ управляющій аккуратно присылалъ ему весьма порядочный доходъ къ Рождеству, мужики привозили хлѣба и живности, и домъ процвѣталъ обиліемъ и весельемъ.

Илья Ильичъ завелъ даже пару лошадей, но, изъ свойственной ему осторожности, такихъ, что онѣ только послѣ третьяго кнута трогались отъ крыльца, а при первомъ и второмъ ударѣ одна лошадь пошатнется и ступитъ въ сторону, потомъ вторая лошадь пошатнется и ступитъ въ сторону, потомъ уже, вытянувъ напряженно шею, спину и хвостъ, двинутся онѣ разомъ и побѣгутъ, кивая головами. На нихъ возили Ваню на ту сторону Невы, въ гимназію, да хозяйка ѣздила за разными покупками.

На масленицѣ и на святой вся семья, и самъ Илья

Ильичъ, ѣздили на гулянье кататься и въ балаганы; брали изрѣдка ложу и посѣщали, также всѣмъ домоу, театръ.

Лѣтомъ отправлялись за городъ, въ ильинскую пятницу— на Пороховые Заводы, и жизнь чередовалась обычными явленіями, не внося губительныхъ перемѣнъ, можно было бы сказать, если бѣ удары жизни вовсе не достигали маленкихъ мирныхъ уголковъ. Но, къ несчастью, громовой ударъ, потрясая основанія горъ и огромныя воздушныя пространства, раздастся и въ норкѣ мыши, хотя слабѣе, глуше, но для норки ощутительно.

Илья Ильичъ кушалъ аппетитно и много, какъ въ Обломовкѣ, ходилъ и работалъ лѣниво и мало, тоже какъ въ Обломовкѣ. Онъ, несмотря на нарастающія лѣта, безопасно пилъ вино, смородиновую водку и еще безпечнѣе и подолгу спалъ послѣ обѣда.

Вдругъ все это перемѣнилось.

Однажды, послѣ дневного отдыха и дремоты, онъ хотѣлъ встать съ дивана и не могъ, хотѣлъ выговорить слово — и языкъ не повиновался ему. Онъ, въ испугѣ, махалъ только рукой, призывая къ себѣ на помощь.

Живи онъ съ однимъ Захаромъ, онъ могъ бы телеграфировать рукой до утра и, наконецъ, умереть, о чемъ узнали бы на другой день, но глазъ хозяйки свѣтилъ надъ нимъ, какъ око Провидѣнія: ей не нужно было ума, а только догадка сердца, что Илья Ильичъ что-то не въ себѣ.

И только эта загадка озарила ее, Анисья легла уже на извозчикѣ за докторомъ, а хозяйка обложила голову ему льдомъ, и разомъ вытащила изъ завѣтнаго шкапчика всѣ спирты, примочки—все, что навывкъ и наслышка указывали ей употребить въ дѣло. Даже Захаръ успѣлъ въ это время надѣть одинъ сапогъ и такъ, объ одномъ сапогѣ, ухаживалъ, вмѣстѣ съ докторомъ, хозяйкой и Анисьей, около барина.

Илью Ильича привели въ чувство, пустили кровь и по-

тому объявили, что это был апоплексическій ударъ и что ему надо повести другой образъ жизни.

Водка, пиво и вино, кофе, съ немногими и рѣдкими исключениями, потомъ все жирное, мясное, пряное было ему запрещено, а вмѣсто этого предписано ежедневное движеніе, и умѣренный сонъ, только ночью.

Безъ ока Агаѣи Матвѣевны ничего бы этого не состоялось, но она умѣла ввести эту систему тѣмъ, что подчинила ей весь домъ, и, то хитростью, то лаской отвлекала Обломова отъ соблазнительныхъ покушеній на вино, на послѣ-обѣденную дремоту, на жирныя кулебяки.

Чуть онъ вздремнетъ, падалъ стулъ въ комнатѣ, такъ, самъ собою, или съ шумомъ разбивалась старая, негодная посуда въ сосѣдней комнатѣ, а не то зашумятъ дѣти—хоть вонь бѣги! Если это не поможетъ, раздавался ея кроткій голосъ: она звала его и спрашивала о чемъ-нибудь.

Дорожка сада проложена была въ огородъ, и Илья Ильичъ совершалъ утромъ и вечеромъ по ней двухчасовое хожденіе. Съ нимъ ходила она, а нельзя ей, такъ Маша, или Ваня, или старый знакомый, безотвѣтный, всему покорный и на все согласный Алексѣевъ.

Вотъ Илья Ильичъ идетъ медленно по дорожкѣ, опираясь на плечо Вани. Ваня ужъ почти юноша, въ гимназическомъ мундирѣ, едва сдерживаетъ свой бодрый, торопливый шагъ, подлаживаясь подъ походку Ильи Ильича. Обломовъ не совѣмъ свободно ступаетъ одной ногой — слѣды удара.

— Ну, пойдемъ, Ванюша, въ комнату!—сказалъ онъ.

Они-было направились къ двери. Навстрѣчу имъ появилась Агаѣя Матвѣевна.

— Куда это вы, такъ рано?—спросила она, не давая войти.

— Что за рано! Мы разъ двадцать взадъ и впередъ прошли, а вѣдь отсюда до забора пятьдесятъ сажень, значить, двѣ версты.

— Сколько разь прошли?—спросила она Ванюшу.

Тотъ-было замаяся.

— Не ври, смотри у меня! — грозила она, глядя ему въ глаза.—Я сейчасъ увижу. Помни воскресенье, не пушу въ гости.

— Нѣтъ, маменька, право мы разь... двѣнадцать прошли.

— Ахъ, ты, плутъ этакой!—сказаль Обломовъ.—Ты все акацію щипать, а я считаль всякій разь...

— Нѣтъ, походите еще! у меня и уха не готова! — рѣшила хозяйка и захлопнула передъ ними дверь.

И Обломовъ, волей-неволей, отсчиталь еще восемь разь, потомъ уже пришелъ въ комнату.

Тамъ, на большомъ кругломъ столѣ, дымилась уха. Обломовъ сѣлъ на свое мѣсто, одинъ на диванѣ, около него, справа, на стулѣ, Агаѣя Матвѣевна, налѣво, на маленькомъ дѣтскомъ стулѣ, съ задвижкой, усаживался какой-то ребенокъ, лѣтъ трехъ. Подлѣ него садилась Маша, уже дѣвочка лѣтъ тринадцати, потомъ Ваня и, наконецъ, въ этотъ день и Алексѣевъ сидѣлъ напротивъ Обломова.

— Вотъ постоитъ, дайте еще я положу вамъ ершика: жирный такой попался!—говорила Агаѣя Матвѣевна, подкладывая Обломову въ тарелку ершика.

— Хорошо бы къ этому пирогъ!—сказаль Обломовъ.

— Забыла, право забыла! А хотѣла еще съ вечера, да память у меня словно отшибло! — схитрила Агаѣя Матвѣевна.—И вамъ тоже, Иванъ Алексѣичъ, забыла капусту къ котлетамъ приготовить, — прибавила она, обращаясь къ Алексѣеву.—Не взыщите.

И опять схитрила.

— Ничего-съ: я все могу ѣсть,—сказаль Алексѣевъ.

— Что это, въ самомъ дѣлѣ, не приготовятъ ему ветчины съ горошкомъ, или бифштексъ?—спросиль Обломовъ.—Онъ любить...

— Сама ходила, смотрѣла, Илья Ильичъ, не было хоро-

шей говядины! Зато вамъ кисель изъ вишневаго сиропа велѣла сдѣлать: знаю, что вы охотникъ, — добавила она, обращаясь къ Алексѣеву.

Кисель былъ безвреденъ для Ильи Ильича, и потому его долженъ былъ любить и ѣсть на все согласный Алексѣевъ.

Послѣ обѣда никто и ничто не могло отклонить Обломова отъ лежанья. Онъ обыкновенно ложился тутъ же на диванѣ, на спину, но только полежать часокъ. Чтобъ онъ не спалъ, хозяйка наливала тутъ же, на диванѣ, кофе, тутъ же играли на коврѣ дѣти, и Илья Ильичъ, волей-неволей, долженъ былъ принимать участіе.

— Полно дразнить Андрюшу: онъ сейчасъ заплачетъ! — журилъ онъ Ваничку, когда тотъ дразнилъ ребенка.

— Машенька, смотри, Андрюша ушибется объ стулъ! — заботливо предостерегала онъ, когда ребенокъ залѣзалъ подъ стулья.

И Маша бросалась доставать «братца», какъ она называла его.

Все замолкло на минуту, хозяйка вышла на кухню посмотреть, готовъ ли кофе. Дѣти присмирѣли. Въ комнатѣ послышалось храпѣнье, сначала тихое, какъ подъ сурдиной, потомъ громче, и когда Агаея Матвѣевна появилась съ дымящимся кофейникомъ, ее поразило храпѣнье, какъ въ ямской избѣ.

Она, съ упрекомъ, покачала головой Алексѣеву.

— Я будилъ, да они не слушаютъ, — съазалъ, въ свое оправданіе, Алексѣевъ.

Она быстро поставила кофейникъ на столъ, схватила съ пола Андрюшу и тихонько посадила его на диванъ къ Ильѣ Ильичу. Ребенокъ поползъ по немъ, добрался до лица и схватилъ за носъ.

— А! Что? Кто это? — безпокойно говорилъ очнувшійся Илья Ильичъ.

— Вы задремали, а Андрюша влѣзь да разбудилъ васъ,— ласково сказала хозяйка.

— Когда же я задремалъ?—оправдывался Обломовъ, принимая Андрюшу въ объятія. — Развѣ я не слыхалъ, какъ онъ ручонками карабкался ко мнѣ? Я все слышу! Ахъ, шалунъ этакій: за носъ поймалъ! Вотъ я тебя! Вотъ постой, постой! — говорилъ онъ, нѣжа и лаская ребенка. Потомъ спустилъ его на полъ и вздохнулъ на всю комнату. — Расскажите что-нибудь, Иванъ Алексѣичъ!—сказалъ онъ.

— Все переговорили, Илья Ильичъ; нечего рассказывать.— отвѣчала тотъ.

— Ну, какъ нечего? Вы бываете въ людяхъ: нѣтъ ли чего новенькаго? Я думаю, читаете?

— Да-съ, иногда читаю, или другіе читаютъ, разговариваютъ, а я слушаю. Вотъ вчера, у Алексѣя Спиридоныча, сынъ, студентъ, читалъ вслухъ...

— Что жъ онъ читалъ?

— Про англичанъ, что они ружья да пороху кому-то привезли. Алексѣй Спиридонычъ сказали, что война будетъ.

— Кому же они привезли?

— Въ Испанію, или въ Индію—не помню, только посланникъ былъ очень недоволенъ.

— Какой же посланникъ?—спросилъ Обломовъ.

— Вотъ ужъ это забылъ!—сказалъ Алексѣевъ, поднимая носъ къ потолку и стараясь вспомнить.

— Съ кѣмъ война-то?

— Съ турецкимъ паншей, кажется.

— Ну, что еще новаго въ политикѣ?—спросилъ, помолчавъ, Илья Ильичъ.

— Да пишутъ, что земной шаръ все охлаждается: когда-нибудь замерзнетъ весь.

— Вова! Развѣ это политика?—сказалъ Обломовъ.

Алексѣевъ оторопѣлъ.

— Дмитрій Алексѣичъ сначала упомянули политику,—

оправдывался онъ:—а потомъ все подъ рядъ читали и не сказали, когда она кончится. Я знаю, что ужъ это литература пошла.

— Что же онъ о литературѣ-то читалъ?—спросилъ Обломовъ.

— Да читалъ, что самые лучшіе сочинители Дмитріевъ, Карамзинъ, Батюшковъ и Жуковскій...

— А Пушкинъ?

— Пушкина нѣтъ тамъ. Я самъ тоже подумалъ, отчего его нѣтъ! Вѣдь онъ хеній, — сказала Алексѣевъ, произнося какъ *х*.

Послѣдовало молчаніе. Хозяйка принесла работу и принялась сновать иглой взадъ и впередъ, поглядывая по временамъ на Илью Ильича, на Алексѣева и прислушиваясь чуткими ушами, нѣтъ ли гдѣ беспорядка, шума, не бранится ли на кухнѣ Захаръ съ Анисьей, моетъ ли посуду Акулина, не скрипнула ли калитка на дворѣ, то-есть, не отлучился ли дворникъ въ «заведеніе».

Обломовъ тихо погрузился въ молчаніе и задумчивость. Эта задумчивость была не сонъ и не бдѣніе: онъ безопасно пустил мысли бродить по волѣ, не сосредоточивая ихъ ни на чемъ, покойно слушалъ мѣрное біеніе сердца и изрѣдка ровнѣ мигалъ, какъ человѣкъ, ни на что не устремляющій глазъ. Онъ впалъ въ неопредѣленное, загадочное состояніе, родъ галлюцинаціи.

На человѣка иногда нисходятъ рѣдкія и краткія задумчивыя мгновенія, когда ему кажется, что онъ переживаетъ въ другой разъ когда-то и гдѣ-то прожитой моментъ. Во снѣ ли онъ видѣлъ происходящее передъ нимъ явленіе, жилъ ли когда-нибудь прежде да забылъ, но онъ видитъ: тѣ же лица сидятъ около него, какія сидѣли тогда, тѣ же слова были произнесены уже однажды: воображеніе безсильно перенести опять туда, память не воскрешаетъ прошлаго и наводитъ раздумье.

То же было съ Обломовымъ теперь. Его осѣняетъ какая-то, бывшая уже гдѣ-то тишина, качается знакомый маятникъ, слышится трескъ откушенной нитки; повторяются знакомыя слова и шопотъ.

— Вотъ никакъ не могу попасть ниткой въ иглу: па-ка ты, Маша, у тебя глаза повострѣе!

Онъ лѣнливо, машинально, будто въ забытѣ, гмдитъ въ лицо хозяйки, и изъ глубины его воспоминаній возникаетъ знакомый, гдѣ-то видѣнный имъ-образъ. Онъ добирался, когда и гдѣ слышалъ онъ это...

И видится ему большая темная, освѣщенная сальной свѣчкой гостиная въ родительскомъ домѣ, сидящая за круглымъ столомъ покойная мать и ея гости: онѣ шьютъ, молча; отецъ ходитъ, молча. Настоящее и прошлое слились и перемѣшались.

Грезится ему, что онъ достигъ той обѣтованной земли, гдѣ текутъ рѣки меду и молока, гдѣ ѣдятъ незаработанный хлѣбъ, ходятъ въ золотѣ и серебрѣ.

Слышитъ онъ рассказы сновъ, примѣтъ, звонъ тарелокъ и стукъ ножей, жметъ къ нянѣ, прислушивается къ ея старческому, дребезжащему голосу:

— Милитриса Кирбитьевна!—говоритъ она, указывая ему на образъ хозяйки.

Кажется ему, то же облачко плыветъ въ синемъ небѣ, какъ тогда, тотъ же вѣтерокъ дуетъ въ окно и играетъ его волосами; обломовскій индѣйскій пѣтухъ ходитъ и горланить подъ окномъ.

Вонъ залаяла собака: должно-быть гость пріѣхалъ. Ужъ не Андрей ли пріѣхалъ, съ отцомъ, изъ Верхлева? Это былъ праздникъ для него. Въ самомъ дѣлѣ, должно быть онъ: шаги ближе, ближе, отворяется дверь... — «Андрей!» говоритъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ, передъ нимъ Андрей, но не мальчикъ, а зрѣлый мужчина.

Обломовъ очнулся: передъ нимъ на-яву, не въ галлюцинаціи, стоялъ настоящій, дѣйствительный Штольцъ.

Хозяйка быстро схватила ребенка, стащила свою работу со стола, увела дѣтей; исчезъ и Алексѣевъ. Штольцъ и Обломовъ остались вдвоемъ, молча и неподвижно, глядя другъ на друга. Штольцъ такъ и пронзалъ его глазами.

— Ты ли это, Андрей?—спросилъ Обломовъ едва слышно отъ волненія, какъ спрашиваетъ только, послѣ долгой разлуки, любовникъ свою подругу.

— Я,—тихо сказалъ Андрей.—Ты живъ, здоровъ?

Обломовъ обнялъ его, крѣпко прижимаясь къ нему.

— Ахъ,—произнесъ онъ въ отвѣтъ продолжительно, изливъ въ этомъ *ахъ* всю силу долго таившейся въ душѣ грусти и радости, и никогда, можетъ-быть, со времени разлуки, не изливавшейся ни на кого и ни на что.

Они сѣли и опять пристально смотрѣли другъ на друга.

— Здоровъ ли ты?—спросилъ Андрей.

— Да, теперь слава Богу.

— А былъ боленъ?

— Да, Андрей, у меня ударъ былъ...

— Возможно ли? Боже мой!—съ испугомъ и участіемъ сказалъ Андрей.—Но безъ послѣдствій?

— Да, только лѣвой ногой не свободно владѣю...— отвѣчалъ Обломовъ.

— Ахъ, Илья, Илья! Что съ тобой? Вѣдь ты опустился совсѣмъ! Что ты дѣлалъ это время? Шутка ли, пятый годъ пошелъ, какъ мы не видались!

Обломовъ вздохнулъ.

— Что жъ ты не ѣхалъ въ Обломовку? Отчего не писалъ?

— Что говорить тебѣ, Андрей? Ты знаешь меня и не спрашивай больше!—печально сказалъ Обломовъ.

— И все здѣсь, на этой квартирѣ?—говорилъ Штольцъ, оглядывая комнату:—и не стѣзжалъ?

— Да, все здѣсь... Теперь ужъ я и не съѣду!

— Какъ, рѣшительно нѣтъ?

— Да, Андрей... рѣшительно.

Штольцъ пристально посмотрѣлъ на него, задумался и сталъ ходить по комнатѣ.

— А Ольга Сергѣевна? Здорова ли? Гдѣ она? Помнить ли?.. Онъ не договорилъ.

— Здорова и помнить тебя, какъ будто вчера разстались. Я сейчасъ скажу тебѣ, гдѣ она.

— А дѣти?

— И дѣти здоровы... Но скажи, Илья: ты шутишь, что останешься здѣсь? А я приѣхалъ за тобой, съ тѣмъ, чтобъ увезти туда, къ намъ, въ деревню...

— Нѣтъ, нѣтъ!— понизивъ голосъ и поглядывая на дверь, заговорилъ Обломовъ, очевидно, встревоженный.— Нѣтъ, пожалуйста, ты и не начинай, не говори...

— Отчего? Чтò съ тобой?— началъ-было Штольцъ.— Ты знаешь меня: я давно задалъ себѣ эту задачу и не отступлюсь. До сихъ поръ меня отвлекали разныя дѣла, а теперь я свободенъ. Ты долженъ жить съ нами, вблизи насъ: мы съ Ольгой такъ рѣшили, такъ и будетъ. Слава Богу, что я засталъ тебя такимъ же, а не хуже. Я не надѣялся... Ѣдемъ же!.. Я готовъ силой увезти тебя! Надо жить иначе, ты понимаешь какъ...

Обломовъ съ нетерпѣніемъ слушалъ эту тираду.

— Не кричи, пожалуйста, тише! — упрасивалъ онъ. — Тамъ...

— Что тамъ?

— Услышатъ... хозяйка подумаетъ, что я въ самомъ дѣлѣ хочу уѣхать...

— Ну, такъ что жъ? Пусть ее думаетъ!

— Ахъ, какъ это можно!— перебилъ Обломовъ.— Послушай, Андрей! — вдругъ прибавилъ онъ рѣшительнымъ, не-

бывалымъ тономъ: — не дѣлай напрасныхъ попытокъ, не уговаривай меня: я останусь здѣсь.

Штольцъ съ изумленіемъ поглядѣлъ на своего друга. Обломовъ покойно и рѣшительно глядѣлъ на него.

— Ты погибъ, Илья! — сказали онъ. — Этотъ домъ, эта женщина... весь этотъ бытъ... Не можетъ быть: ѣдемъ, ѣдемъ!

Онъ хваталъ его за рукавъ и тащилъ къ двери.

— Зачѣмъ ты хочешь увезти меня? Куда? — говорилъ, упираясь, Обломовъ.

— Вонъ изъ этой ямы, изъ болота, на свѣтъ, на просторъ, гдѣ есть здоровая, нормальная жизнь! — настаивалъ Штольцъ строго, почти повелительно. — Гдѣ ты? Чтò ты сталъ? Опомнись! Развѣ ты къ этому быту готовилъ себя, чтобъ спать, какъ кротъ въ норѣ? Ты вспомни все...

— Не напоминай, не тревожь прошлаго: не воротись! — говорилъ Обломовъ, съ мыслью на лицѣ, съ полнымъ сознаниемъ разсудка и воли. — Чтò ты хочешь дѣлать со мной? Съ тѣмъ міромъ, куда ты влечешь меня, я распался навсегда; ты не спялешь, не составишь двѣ разорванныя половины. Я приросъ къ этой ямѣ большимъ мѣстомъ: попробуй оторвать — будетъ смерть.

— Да ты оглянись, гдѣ и съ кѣмъ ты?

— Знаю, чувствую... Ахъ, Андрей, все я чувствую, все понимаю: мнѣ давно совѣстно жить на свѣтѣ! Но не могу идти съ тобой твоей дорогой, если бъ даже захотѣлъ... Можетъ-быть, въ послѣдній разъ было еще возможно. Теперь... (онъ опустилъ глаза и промолчалъ съ минутой) теперь поздно... Иди и не останавливайся надо мной. Я стою твоей дружбы — это Богъ видитъ, но не стою твоихъ хлопотъ.

— Нѣтъ, Илья, ты что-то говоришь, да не договариваешь. А все-таки я увезу тебя, именно потому и увезу, что подозреваю... Послушай, — сказалъ онъ: — надѣнь что-нибудь и поѣдемъ ко мнѣ, просиди у меня всеръ. Я тебѣ

разкажу много-много: ты не знаешь, что закипѣло у насъ теперь, ты не слыхалъ?..

Обломовъ смотрѣлъ на него вопросительно.

— Ты не видишься съ людьми, я и забылъ: пойдемъ, я все разкажу тебѣ... Знаешь, кто здѣсь у воротъ, въ каретѣ, ждетъ меня... Я позову сюда!

— Ольга! — вдругъ вырвалось у испуганнаго Обломова. Онъ даже измѣнился въ лицѣ. — Ради Бога, не допускай ея сюда, убѣжай. Прощай, прощай, ради Бога!

Онъ почти толкалъ Штольца вонъ; но тотъ не двигался.

— Я не могу пойти къ ней безъ тебя: я далъ слово, слышишь, Илья? Не сегодня, такъ завтра, ты только отсрочишь, но не отгонишь меня... Завтра, послѣзавтра, а все-таки увидимся!

Обломовъ молчалъ, опустивъ голову и не смѣя взглянуть на Штольца.

— Когда же? Меня Ольга спроситъ.

— Ахъ, Андрей, — сказалъ онъ нѣжнымъ, умоляющимъ голосомъ, обнимая его и кладя голову ему на плечо. — Оставь меня совсѣмъ... забудь...

— Какъ, навсегда? — съ изумленіемъ спросилъ Штолецъ, устраниаясь отъ его объятій и глядя ему въ лицо!

— Да! — прошепталъ Обломовъ.

Штолецъ отступилъ отъ него на шагъ.

— Ты ли это, Илья? — упрекалъ онъ. — Ты отталкиваешь меня, и для нея, для этой женщины!.. Боже мой! — почти закричалъ онъ, какъ отъ внезапной боли. — Этотъ ребенокъ, что я сейчасъ вижу... Илья, Илья! Бѣги отсюда, пойдемъ, пойдемъ скорѣе! Какъ ты палъ! Эта женщина... что она тебѣ...

— Жена! — покойно произнесъ Обломовъ.

Штолецъ окаменѣлъ.

— А этотъ ребенокъ — мой сынъ! Его зовутъ Андреемъ, въ память о тебѣ! — досказалъ Обломовъ разомъ и покойно перевелъ духъ, сложивъ съ себя бремя откровенности.

Теперь Штольцъ измѣнился въ лицѣ и ворочалъ изумленными, почти бессмысленными глазами вокругъ себя. Передъ нимъ вдругъ «отверзлась бездна», воздвиглась «каменная стѣна», и Обломова какъ будто не стало, какъ будто онъ пропалъ изъ глазъ его, провалился, и онъ только почувствовалъ ту жгучую тоску, которую испытываетъ человѣкъ, когда спѣшить съ волненіемъ, послѣ разлуки, увидѣть друга, и узнать, что его давно уже нѣтъ, что онъ умеръ.

— Погибъ! — машинально, шопотомъ сказали онъ. — Что жъ я скажу Ольгѣ?

Обломовъ услышалъ послѣднія слова, хотѣлъ что-то сказать и не могъ. Онъ протянулъ къ Андрею обѣ руки, и они обнялись молча, крѣпко, какъ обнимаются передъ боемъ, передъ смертью. Это объятіе задушило ихъ слова, слезы, чувства...

— Не забудь моего Андрея! — были послѣднія слова Обломова, сказанныя угасшимъ голосомъ.

Андрей, молча, медленно вышелъ вонъ, медленно, задумчиво шелъ онъ дворомъ и сѣлъ въ карету, а Обломовъ сѣлъ на диванъ, оперся локтями на столъ и закрылъ лицо руками.

«Нѣтъ, не забуду я твоего Андрея», съ грустью, идучи дворомъ, думалъ Штольцъ. «Погибъ ты, Илья: нечего тебѣ говорить, что твоя Обломовка не въ глуши больше, что до нея дошла очередь, что на нее пали лучи солнца! Не скажу тебѣ, что года черезъ четыре она будетъ станціей дороги, что мужики твои пойдутъ работать насыпь, а потомъ по чугункѣ покатится твой хлѣбъ къ пристани... А тамъ... школы, грамота, а дальше... Нѣтъ, перепугаешься ты зари новаго счастья, больно будетъ непривычнымъ глазамъ. Но поведу твоего Андрея, куда ты не могъ идти... и съ нимъ будемъ приводить въ дѣло наши юношескія мечты». — Прощай, старая Обломовка! — сказалъ онъ, оглянувшись въ послѣдній разъ на окна маленькаго домика. — Ты отжила свой вѣкъ!

— Что тамъ? — спросила Ольга съ сильнымъ біеніемъ сердца.

— Ничего! — сухо, отрывисто отвѣчалъ Андрей.

— Онъ живъ, здоровъ?

— Да, — нехотя отозвался Андрей.

— Что жъ ты такъ скоро воротился? Отчего не позвалъ меня туда и его не привелъ? Пусти меня!

— Нельзя!

— Что жъ тамъ дѣлается? — съ испугомъ спрашивала Ольга. — Развѣ «бездна открылась»? Скажешь ли ты мнѣ?

Онъ молчалъ.

— Да что такое тамъ происходитъ?

— Обломовщина! — мрачно отвѣчалъ Андрей и на дальнѣйшіе разспросы Ольги хранилъ до самаго дома угрюмое молчаніе.

Х.

Прошло лѣтъ пять. Многое перемѣнилось и на Выборгской Сторонѣ: пустая улица, ведущая къ дому Пшеницыной, обстроилась дачами, между которыми возвышалось длинное, каменное, казенное зданіе, мѣшавшее солнечнымъ лучамъ весело бить въ стекла мирнаго пріюта лѣни и спокойствія.

И самъ домикъ обветшалъ немного, глядѣлъ небрежно, нечисто, какъ небритый и немытый человѣкъ. Краска слѣзла, дождевыя трубы мѣстами изломались: оттого на дворѣ стояли лужи грязи, черезъ которыя, какъ прежде, брошена была узенькая доска. Когда кто войдетъ въ калитку, старая аралка не скачетъ бодро на цѣпи, а хрипло и лѣниво лаесть, не вылѣзая изъ конуры.

А внутри домика какія перемѣны! Тамъ властвуетъ чужая женщина, рѣзвятся не прежнія дѣти. Тамъ опять появляется по временамъ красное, испитое лицо буйнаго Тарантьева и нѣтъ болѣе кроткаго, безотвѣтнаго Алексѣева.

Не видать ни Захара, ни Анисьи: новая толстая кухарка распоряжается на кухнѣ, нехотя и грубо исполняя тихія приказанія Агаѣи Матвѣевны, да та же Акулина, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ, моетъ корыта и корчаги; тотъ же сонный дворникъ, и въ томъ же тулупѣ, праздно дожидаетъ свой вѣкъ въ конурѣ. Мимо рѣшетчатого забора, въ урочные часы ранняго утра и обѣденной поры, мелькаетъ опять фигура «братца», съ большимъ пакетомъ подъ мышкой, въ резиновыхъ галошахъ, зимой и лѣтомъ.

Что же стало съ Обломовымъ? Гдѣ онъ? Гдѣ?—На ближайшемъ кладбищѣ, подѣ скромной урной покоится тѣло его, между кустовъ, въ затишьѣ. Вѣтви сирени, посаженные дружеской рукой, дремлютъ надъ могилой, да безмятежно пахнутъ полынь. Кажется, самъ ангелъ тишины охраняетъ сонъ его.

Какъ зорко ни сторожило каждое мгновение его жизни любящее око жены, но вѣчный покой, вѣчная тишина и лѣнивое переползанье изъ дня въ день тихо остановили машину жизни. Илья Ильичъ скончался, повидимому, безъ боли, безъ мученій, какъ будто остановились часы, которые забыли завести.

Никто не видалъ послѣднихъ его минутъ, не слыхалъ предсмертнаго стога. Апоплексическій ударъ повторился еще разъ, спустя годъ, и опять миновалъ благополучно: только Илья Ильичъ сталъ блѣдень, слабъ, мало ѣлъ, мало сталъ выходить въ садикъ, и становился все молчаливѣе и задумчивѣе, иногда даже плакалъ. Онъ предчувствовалъ близкую смерть и боялся ея.

Нѣсколько разъ дѣлалось ему дурно и проходило. Однажды утромъ Агаѣя Матвѣевна принесла—было ему, по обыкновенію, кофе и—застала его такъ же кротко-покоящимся на одрѣ смерти, какъ на ложѣ сна, только голова немного сдвинулась съ подушки, да рука судорожно прижата была къ сердцу, гдѣ, повидимому, сосредоточилась и остановилась кровь.

Три года вдовѣтъ Агаоыя Матвѣевна: въ это время все измѣнилось на прежній ладъ. Братецъ занимались подрядами, но разорились и поступили, кое-какъ, разными хитростями и поклонами, на прежнее мѣсто секретаря въ канцеляріи, «гдѣ записываютъ мужиковъ», и опять ходятъ пѣшкомъ въ должность и приносятъ четвертаки, полтинники и двугривенные, наполняя ими далеко-спрятанный сундучокъ. Хозяйство пошло такое же грубое, простое, но жирное и обильное, какъ въ прежнее время, до Обломова.

Первенствующую роль въ домѣ играла супруга брата, Ирина Пантелѣевна, то-есть она предоставляла себѣ право вставать поздно, пить три раза кофе, перемѣнять три раза платье въ день и наблюдать только одно по хозяйству, чтобъ ея юбки были накрахмалены какъ можно крѣпче. Больше она ни во что не входила, и Агаоыя Матвѣевна, по-прежнему, была живымъ маятникомъ въ домѣ: она смотрѣла за кухней и столомъ, поила весь домъ чаемъ и кофе, обшивала всѣхъ, смотрѣла за бѣльемъ, за дѣтьми, за Акулиной и за дворникомъ.

Но отчего же такъ? Вѣдь она госпожа Обломова, помѣщица; она могла бы жить отдѣльно, независимо, ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждаясь? Что жъ могло заставить ее взять на себя обузу чужого хозяйства, хлопотать о чужихъ дѣтяхъ, обо всѣхъ этихъ мелочахъ, на которыя женщина обрекаетъ себя или по влеченію любви, по святому долгу семейныхъ узъ, или изъ-за куска насущнаго хлѣба? Гдѣ же Захаръ, Анисья, ея слуги по всѣмъ правамъ? Гдѣ, наконецъ, живой залогъ, оставленный ей мужемъ, маленькій Андриуша? Гдѣ ея дѣти отъ прежняго мужа?

Дѣти ея пристроились, то-есть Ванюша кончилъ курсъ наукъ и поступилъ на службу; Машенька вышла замужъ за смотрителя какого-то казеннаго дома, а Андриушу выпросили на воспитаніе Штольць и жена, и считаютъ его членомъ своего семейства. Агаоыя Матвѣевна никогда не

равняла и не смѣшивала участи Андрюши съ судьбою первыхъ дѣтей своихъ, хотя въ сердцѣ своемъ, можетъ-быть, безсознательно, и давала имъ всѣмъ равное мѣсто. Но воспитаніе, образъ жизни, будущую жизнь Андрюши она отдѣляла цѣлой бездной отъ жизни Ванюши и Машеньки.

— Тѣ что? Такія же замарашки, какъ я сама,—небрежно говорила она:—они родились въ черномъ тѣлѣ, а этотъ,—прибавляла она почти съ уваженіемъ объ Андрюшѣ и съ нѣкоторою, если не робостью, то осторожностью, лаская его:—этотъ—барченочъ! Вонъ онъ какой бѣленькій, точно наливной; какія маленькія ручки и ножки, а волоски, какъ шелкъ. Весь въ покойника!

Поэтому она безпрекословно, даже съ нѣкоторою радостью, согласилась на предложеніе Штольца взять его на воспитаніе, полагая, что тамъ его настоящее мѣсто, а не тутъ, «въ чернотѣ», съ грязными ея племянниками, дѣтками брата.

Съ полгода, по смерти Обломова, жила она съ Анисьей и Захаромъ въ дому, убиваясь горемъ. Она проторила тропинку къ могилѣ мужа и выплакала всѣ глаза, почти ничего не ѣла, не пила, питалась только чаемъ, и часто по ночамъ не смыкала глазъ и истомилась совсѣмъ. Она никогда никому не жаловалась и, кажется, чѣмъ болѣе отодвигалась отъ минуты разлуки, тѣмъ больше уходила въ себя, въ свою печаль, и замыкалась отъ всѣхъ, даже отъ Анисьи. Никто не зналъ, каково у ней на душѣ.

— А ваша хозяйка все плачетъ по мужѣ, — говорилъ кухаркѣ лавочникъ на рынкѣ, у котораго брали въ домъ провизію.

— Все груститъ по мужѣ, — говорилъ староста, указывая на нее просвирнѣ въ кладбищенской церкви, куда каждую недѣлю приходила молиться и плакать безутѣшная вдова.

— Все еще убивается, — говорили въ домѣ брата.

Однажды, вдругъ къ ней явилось неожиданно нашествіе

всего семейства братца, съ дѣтьми, даже съ Тарантьевымъ, подъ предлогомъ состраданія. Поились пошлыя утѣшенія, совѣты «не губить себя, поберечь для дѣтей»—все, что говорено было ей лѣтъ пятнадцать назадъ, по случаю смерти перваго мужа, и что произвело тогда желанное дѣйствіе, а теперь производило въ ней почему-то тоску и отвращеніе.

Ей стало гораздо легче, когда заговорили о другомъ и объявили ей, что теперь имъ можно опять жить вмѣстѣ, что и ей будетъ легче «среди своихъ горе мыкать», и имъ хорошо, потому что никто, какъ она, не умѣетъ держать дома въ порядкѣ.

Она просила срока подумать, потомъ убивалась мѣсяца два еще и, наконецъ, согласилась жить вмѣстѣ. Въ это время Штольцъ взялъ Андрюшу къ себѣ, и она осталась одна.

Вонъ она, въ темномъ платьѣ, въ черномъ шерстяномъ платкѣ на шеѣ, ходитъ изъ комнаты въ кухню, какъ тѣнь, попрежнему отворяетъ и затворяетъ шкапы, шьетъ, гладитъ кружева, но тихо, безъ энергіи, говоритъ будто нѣхотя, тихимъ голосомъ, и не попрежнему смотритъ вокругъ безпечно перебѣгающими съ предмета на предметъ глазами, а съ сосредоточеннымъ выраженіемъ, съ затаившимся внутреннимъ смысломъ въ глазахъ. Мысль эта сѣла невидимо на ея лицо, кажется, въ то мгновеніе, когда она сознательно и долго вглядывалась въ мертвое лицо своего мужа, и съ тѣхъ поръ не покидала ея.

Она двигалась по дому, дѣлала руками все, что было нужно, но мысль ея не участвовала тутъ. Надъ трупомъ мужа, съ потерю его, она, кажется, вдругъ уразумѣла свою жизнь и задумалась надъ ея значеніемъ, и эта задумчивость легла навсегда тѣнью на ея лицо. Выплакавъ потомъ живое горе, она сосредоточилась на сознаніи о потерѣ: все прочее умерло для нея, кромѣ маленькаго Андрюши. Только когда видѣла она его, въ ней будто пробуждались при-

знаки жизни, черты лица оживали, глаза наполнялись радостнымъ свѣтомъ и потомъ заливались слезами воспоминаній.

Она была чужда всего окружающаго: разсердится ли братецъ за напрасно истраченный или невыторгованный рубль, за подгорѣлое жаркое, за несвѣжую рыбу, надуется ли невѣстка за мягко-накрахмаленныя юбки, за некрѣпкій и холодный чай, нагрубить ли толстая кухарка, Агабья Матвѣевна не замѣчаетъ ничего, какъ будто не о ней рѣчь, не слышитъ даже язвительнаго шопота: — Барыня, помѣщица!

Она на все отвѣчаетъ достоинствомъ своей скорби и покорнымъ молчаніемъ.

Напротивъ, въ святки, въ свѣтлый день, въ веселые вечера масленицы, когда все ликуетъ, поетъ, ѣстъ и пьетъ въ домѣ, она вдругъ, среди общаго веселья, зальется горячими слезами и спрячется въ свой уголь.

Потомъ опять сосредоточится и иногда даже смотритъ на братца и на жену его какъ будто съ гордостью, съ сожалѣніемъ.

Она поняла, что проиграла и просіяла ея жизнь, что Богъ вложилъ въ ея жизнь душу и вынулъ опять; что засвѣтилось въ ней солнце и померкло навсегда... Навсегда, правда; но зато навсегда осмыслилась и жизнь ея: теперь ужъ она знала, зачѣмъ она жила и что жила не напрасно.

Она такъ полно и много любила: любила Обломова— какъ любовника, какъ мужа и какъ барина; только рассказать никогда она этого, какъ прежде, не могла никому. Да никто и не понялъ бы ее вокругъ. Гдѣ бы она нашла языкъ? Въ лексиконѣ братца, Тарантьева, невѣстки не было такихъ словъ, потому что не было понятій; только Илья Ильичъ понялъ бы ее, но она ему никогда не высказывала, потому что не понимала тогда сама и не умѣла.

Съ лѣтами она понимала свое прошедшее все больше и и

яснѣе и таила все глубже, становилась все молчаливѣе и сосредоточеннѣе. На всю жизнь ея разлились лучи, тихій свѣтъ отъ пролетѣвшихъ, какъ одно мгновеніе, семи лѣтъ, и нечего было ей желать больше, некуда идти.

Только когда пріѣзжалъ на зиму Штольцъ изъ деревни, она бѣжала къ нему въ домъ и жадно глядѣла на Андрюшу, съ нѣжной робостью ласкала его и потомъ хотѣла бы сказать что-нибудь Андрею Ивановичу, поблагодарить его, наконецъ, выложить передъ нимъ все, все, что сосредоточилось и жило неисходно въ ея сердцѣ: онъ бы понялъ, да не умѣлъ она, и только бросится къ Ольгѣ, прильнетъ губами къ ея рукамъ и зальется потокомъ такихъ горячихъ слезъ, что и та невольно заплачетъ съ нею, а Андрей, взволнованный, поспѣшно уйдетъ изъ комнаты.

Ихъ всѣхъ связывала одна общая симпатія, одна память о чистой, какъ хрусталь, душѣ покойнаго. Они упрашивали ее ѣхать съ ними въ деревню, жить вмѣстѣ, подлѣ Андрюши, она твердила одно: — Гдѣ родились, жили вѣкъ, тутъ надо и умереть.

Напрасно давалъ ей Штольцъ отчетъ въ управленіи имѣніемъ, присылалъ слѣдующіе ей доходы, все отдавала она назадъ, просила беречь для Андрюши.

— Это его, а не мое, — упрямо твердила она: — ему понадобится; онъ баринъ, а я прѣживу и такъ.

XI.

Однажды, около полудня, шли по деревяннымъ тротуарамъ на Выборгской Сторонѣ два господина; сзади ихъ тихо ѣхала коляска. Одинъ изъ нихъ былъ Штольцъ, другой — его пріятель, литераторъ, полный, съ апатическимъ лицомъ, задумчивыми, какъ будто сонными глазами. Они поравнялись съ церковью; обѣдня кончилась и народъ повалилъ на улицу; впереди всѣхъ нищіе. Коллекція ихъ была большая и разнообразная.

— Я бы хотѣлъ знать, откуда нищіе берутся?—сказалъ литераторъ, глядя на нищихъ.

— Какъ откуда? Изъ разныхъ щелей и угловъ наползають...

— Я не то спрашиваю,—возразилъ литераторъ:—я хотѣлъ бы знать: какъ можно сдѣлаться нищимъ, стать въ это положеніе? Дѣлается ли это внезапно, или постепенно, искренно или фальшиво?..

— Зачѣмъ тебѣ? Не хочешь ли писать *Mystères de Pétersbourg*?

— Можетъ-быть... — лѣниво зѣвая, проговорилъ литераторъ.

— Да вотъ случай: спроси любого, за рубль серебромъ онъ тебѣ продастъ всю свою исторію, а ты запиши и перепродай съ барышомъ. Вотъ старикъ, типъ нищаго, кажется, самый нормальный. Эй, старикъ! Поди сюда!

Старикъ обернулся на зовъ, снялъ шапку и подошелъ къ нимъ.

— Милосердые господа! — захрипѣлъ онъ. — Помогите бѣдному, увѣчному въ тридцати сраженіяхъ, престарѣлому вонну...

— Захаръ!—съ удивленіемъ сказалъ Штольцъ.—Это ты?

Захаръ вдругъ замолчалъ, потомъ, прикрывъ глаза рукой отъ солнца, пристально поглядѣлъ на Штольца.

— Извините, ваше превосходительство, не признаю... ослѣпъ совсѣмъ!

— Забылъ друга своего барина, Штольца, — упрекнулъ Штольцъ.

— Ахъ, ахъ, батюшка, Андрей Ивановичъ! Господи, слѣпота одолѣла! Батюшка, отецъ родной!

Онъ суетился, ловилъ руку Штольца и, не поймавъ, поцѣловалъ полу его платья.

— Привелъ Господь дожить до этакой радости меня пса окаяннаго...—завопилъ онъ, не то плача, не то смѣясь.

Все лицо его как будто прожжено было багровой печатью, отъ лба до подбородка. Носъ былъ, сверхъ того, подернуть синевою. Голова совсѣмъ лысая; бакенбарды были, попрежнему, большія, но смятыя и перепутанныя, какъ войлокъ, въ каждой точно положено было по комку снѣга. На немъ была ветхая, совсѣмъ полняившая шинель, у которой недоставало одной полы; обуть онъ былъ въ старыя стоптанныя галоши на босу-ногу; въ рукахъ держалъ мѣховую, совсѣмъ обтертую шапку.

— Ахъ, ты, Господи милосердый! Какую милость сотворилъ мнѣ сегодня для праздника...

— Что ты это въ какомъ положеніи? Отчего? Тебѣ не стыдно?—строго спросилъ Штольцъ.

— Ахъ, батюшка, Андрей Ивановичъ! Что жъ дѣлать?— тяжело вздохнувъ, началъ Захаръ. — Чѣмъ питаться? Бывало, когда Анисья была жива, такъ я не шатался, былъ кусокъ и хлѣба, а какъ она померла въ холеру — царство ей небесное—братецъ барынинъ не захотѣли держать меня, звали дармоѣдомъ. Михей Андренчъ Тарантьевъ все норавли, какъ пойдешь мимо, сзади ногой ударить: житья не стало! Попрековъ сколько перенесъ. Повѣрите ли, сударь, кусокъ хлѣба въ горло не шель. Кабы не барыня, дай Богъ ей здравье!—прибавилъ Захаръ, крестясь:—давно бы сгибъ я на морозѣ. Она одешонку на зиму даетъ и хлѣба сколько хочешь, и на печкѣ уголь — все, по милости своей давала. Да изъ-за меня и ее стали попрекать, я и ушелъ, куда глаза глядятъ! Вотъ теперь второй годъ мыкаю горе...

— Зачѣмъ на мѣсто не шель?—спросилъ Штольцъ.

— Гдѣ, батюшка, Андрей Ивановичъ, нынче мѣсто найдешь? Былъ на двухъ мѣстахъ, да не потрафилъ. Все не о теперь, не попрежнему; хуже стало. Въ лакеи грамотныхъ требуютъ; да и у знатныхъ господъ нѣтъ ужъ этого, чтобъ въ передней биткомъ набито было народу. Все по одному, рѣдко гдѣ два лакея. Сапоги сами снимаютъ съ

себя: какую-то машинку выдумали!—съ сокрушеніемъ про-
должалъ Захарь.—Срамъ, стыдъ, пропадаетъ барство!

Онъ вздохнулъ.

— Вотъ, опредѣлился-было я къ иѣмцу, къ купцу, въ
передней сидѣть: все шло хорошо, а онъ меня послалъ къ
буфету служить! мое ли дѣло? Однажды понесъ посуду,
какую-то богемскую, что ли, полы-то гладкіе, скользкіе—
чтобъ имъ провалиться! Вдругъ ноги у меня врозь, вся
посуда, какъ есть съ подносомъ, и грянулася ђ-земь: ну, и
прогнали! Вдругорядь одной старой графинѣ видомъ по-
нравилъ: «почтенный на взглядъ», говоритъ, и взяла въ
швейцары. Должность хорошая, старинная: сиди только
важниѣ на стулѣ, положи ногу на ногу, покачивай, да не
отвѣчай сразу, когда кто придетъ, а сперва зарычи, а по-
томъ ужъ пропусти, или въ шею вытолкай, какъ понадо-
бится; а хорошимъ гостямъ, извѣстно: булавою наотмань.
вотъ такъ!—Захарь сдѣлалъ рукой наотмань.—Оно лестно,
что говорить! — Да барыня попалась такая неугодливая—
Богъ съ ней! Разъ заглянула ко мнѣ въ каморку, увидала
клопа, растопалась, раскричалась, словно я выдумалъ кло-
повъ! Когда безъ клопа хозяйство бываетъ! Въ другой
разъ шла мимо меня, почудилось ей, что виномъ отъ меня
пахнетъ... такая, право! И отказала.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ пахнетъ, такъ и несетъ!—
сказалъ Штольцъ.

— Съ горя, батюшка, Андрей Ивановичъ, ей-Богу съ
горя,—засинѣлъ Захарь, сморщившись горько.—Пробовалъ
тоже извозчикомъ ѣздить. Нанялся къ хозяину, да ноги
ознобилъ: силъ-то мало, старъ сталъ! Лошадь попалась
злющая; однажды подъ карету бросилась, чуть не изломала
меня; въ другой разъ старуху смялъ, въ часть взяли...

— Ну, полно, не бродяжничай и не пьянствуй, приходи
ко мнѣ, я тебѣ уголь дамъ, въ деревню поѣдемъ—слы-
шишь?

— Слышу, батюшка, Андрей Ивановичъ, да...

Онъ вздохнулъ.

— Ъхать-то не охота отсюда, отъ могилки-то! Нашъ-то кормилецъ-то, Илья Ильичъ,—завопилъ онъ:—опять помянулъ его сегодня, царство ему небесное! Этакаго барина отнял Господь! На радость людямъ жилъ, жить бы ему сто лѣтъ... — всхлипывалъ и приговаривалъ Захаръ, морщась.—Вотъ, сегодня на могилкѣ у него былъ; какъ въ эту сторону приду, такъ и туда, сяду да и сижу; слезы такъ и текутъ... Этакъ-то иногда задумаюсь, притихнетъ все и почудится, какъ будто кличетъ: «Захаръ! Захаръ!» Инда мурашки по спинѣ побѣгутъ! Не нажить такого барина! А васъ-то какъ любилъ — помяни, Господи, его душеньку во царствіи своемъ!

— Ну, приходи на Андрюшу взглянуть: я тебя велю накормить, одѣть, а тамъ какъ хочешь! — сказалъ Штольцъ и далъ ему денегъ.

— Приду; какъ не придти взглянуть на Андрея Ильича? Чай великонекъ сталъ! Господи! Радости какой привелъ дожждаться Господь! Приду, батюшка, дай Богъ вамъ добраго здоровья и несчетные годы... — ворчалъ Захаръ вслѣдъ уѣзжавшей коляскѣ.

— Ну, ты слышалъ исторію этого ницаго? — сказала Штольцъ своему пріятелю.

— А что это за Илья Ильичъ, котораго онъ поминалъ? — спросилъ литераторъ.

— Обломовъ; я тебѣ много разъ про него говорилъ.

— Да, помню имя: это твой товарищъ и другъ. Что съ нимъ случилось?

— Погибъ, пропалъ ни за что.

Штольцъ вздохнулъ и задумался.

— А былъ не глуше другихъ, душа чиста и ясна, какъ стекло; благороденъ, нѣженъ, и—пропалъ!

— Отчего же? Какая причина?

— Причина... какая причина! Обломовщина! — сказалъ Штольцъ.

— Обломовщина! — съ недоумѣніемъ повторилъ литераторъ.— Что это такое?

— Сейчасъ расскажу тебѣ: дай собраться съ мыслями и памятью. А ты запиши: можетъ-быть, кому-нибудь пригодится.

И онъ разказалъ ему, что здѣсь написано.

1857 и 1858 гг.



151 -

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА:

Обломовъ. Романъ въ четырехъ частяхъ.

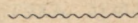
СТР.

Часть третья:

Глава I.	5
» II.	10
» III.	23
» IV.	35
» V.	55
» VI.	65
» VII.	71
» VIII.	90
» IX.	95
» X.	99
» XI.	102
» XII.	112

Часть четвертая:

Глава I.	115
» II.	130
» III.	139
» IV.	145
» V.	179
» VI.	188
» VII.	199
» VIII.	207
» IX.	235
» X.	256
» XI.	262



СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

П. Д. БОБОРЫКИНА

въ 12-ти томахъ,

съ приложеніемъ гравированнаго на стали у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ
портрета съ автографомъ автора.

СОДЕРЖАНІЕ: ТОМЪ I. «Китай-городъ». Романъ въ 5-ти книгахъ. ТОМЪ II. «Безъ мужей». Повѣсть. «Псарня». Разсказъ. «Умереть—уснуть». Разсказъ. «Пристроился». Повѣсть. «Безвѣстная». Разсказъ. ТОМЪ III. «По чужимъ людямъ». Разсказъ. «За красненькую». Разсказъ. «Послѣдняя депеша». Разсказъ. «Три афиши». Разсказъ. «Голубой лифъ». Разсказъ. «У плиты». Разсказъ. «Изъ новыхъ». Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть I. ТОМЪ IV. «Изъ новыхъ». Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части II и III. ТОМЪ V. «На ущербѣ». Романъ въ 3-хъ частяхъ. ТОМЪ VI. «Обречена» Повѣсть. «Проѣздомъ». Повѣсть. «Вторая отъ воды». Разсказъ. «Въ отъѣздъ». Разсказъ. ТОМЪ VII. «Переваль». Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части I и II. ТОМЪ VIII. «Переваль». Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть III. «Съ убійцей». Повѣсть. «Горленки». Разсказъ. ТОМЪ IX. «Ходокъ». Романъ въ 3-хъ частяхъ. ТОМЪ X. «Поумнѣлъ». Повѣсть. «Измѣнникъ». Повѣсть. «Морзъ и Юзъ». Разсказъ. ТОМЪ XI. «Ранние выводы». Повѣсть. «Трупъ». Разсказъ. «Василій Теркинъ». Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть I. ТОМЪ XII. «Василій Теркинъ». Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части II и III.

Изданіе заключаетъ въ себѣ 4153 страницы in 8^o и отпечатано на хорошо-глазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. СПБ. 1897 г.

ЦѢНА 12 томамъ (отдѣльно отъ «НИВЫ» 1897 года) **4 р.**, съ перес. **5 р. 50 к.**, въ шести красивыхъ коленкор. переплетахъ—**6 р. 50 к.**, съ пересылкою **8 р.**

ЦѢНА полнаго тома „Нивы“ 1897 г. со всѣми приложеніями, въ томъ числѣ соч. Боборыкина, безъ пересылки—**5 р.** За ящикъ и упаковку—**75 к.** Пересылка—транспортъ (для чего слѣдуетъ указать ближайшую станцію жел. дороги) или почтою за 27 фунтовъ по разстоянію.



ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ 7 КОЛЕНКОРОВЫХЪ

КРЫШЕКЪ

на прилагаемые при «Нивѣ» въ 1899 г.

12 томовъ сочиненій

И. А. ГОНЧАРОВА.

(На 5-й и 8-й объемистые томы по 1 крышкѣ на каждый, а на остальные 10 томовъ по 1 крышкѣ на два тома). Крышки весьма изящны и изготовлены изъ лучшаго англійскаго коленкора, съ красивыми тисненіями золотомъ и краскою по рисунку художника Н. Ткаченко. Крышки продаются только комплектами, т. е. всѣ семь вмѣстѣ, отдѣльные же крышки не продаются.

Контора „Нивы“ считаетъ долгомъ обратить вниманіе гг. подписчиковъ на то, что на изготовленныхъ по заказу А. Ф. Маркса переплетахъ къ соч. Гончарова вытиснена надпись: „ЗАЯВЛЕНО ВЪ ДЕП. Т. и М.“, и что нашего изготовленія являются только переплеты съ указанной надписью и ТОЛЬКО ТОГО РИСУНКА, КОТОРЫЙ ИЗОБРАЖЕНЪ НА ПОМЪЩЕННОМЪ ЗДѢСЬ СНИМКѢ.

Съ своей стороны, КОНТОРА БУДЕТЪ ПРЕСЛѢДОВАТЬ ЗАКОННЫМЪ ПОРЯДКОМЪ ВОСНУЮ ПОДДЕЛКУ.

ЦѢНА всѣмъ семи крышкамъ **1 р. 75 к.**, съ перес. **2 р. 75 к.**

Съ требованіями обращаться въ **Контору журнала „Нива“, СПБ., Малая Морская, 22.**

Въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ (Петровскія линіи) и въ книжн. магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ (Ришельевская, № 12)—цѣна 7 крышкамъ къ соч. Гончарова **2 руб.**

Открыта подписка на

СОЧИНЕНІЯ

С. Н. Терпигорева (С. Атава),

издаваемые под редакцію С. Н. Шубинскаго,
въ шести томахъ in 8^о,

съ критико-биографическимъ очеркомъ, составленнымъ П. В. Быковымъ,
и съ портретомъ автора, исполненнымъ гелиографурой.

Содержаніе отдѣльныхъ томовъ:

ТОМЪ I. Оскудніе. „Благородные“. Часть I-я. Отцы. I. Увертюра. II. Рациональные козьяе-ва. III. Новый баринъ. IV. Нашъ послѣдній расцвѣтъ. V. Поземельный кредитъ. VI. Отхожие промыслы. VII. На промыслахъ. VIII. Кустарная промышленность. IX. Тихія пристани. X. Бродячіе. XI. Итого.

ТОМЪ II. Оскудніе. „Благородные“. Часть II-я. Матери. I. Бабушка. II. Кукушка. III. Пчелы. IV. Неутолимая. V. Овца. Желтая книга. Сказаніе о новыхъ княгиняхъ и старыхъ князьяхъ. I. Княгиня Ундальчева. II. Княгиня Ухнемъ. III. Княгиня Вольская.

ТОМЪ III. Потрешенныя тѣни. I. Въ раю. II. Бабушка Аграфена. III. Тетенька Клавдія Васильевна. IV. Илья Игнатьевичъ, богатый человекъ. V. Проданныя дѣти. VI. Первая охота. VII. Дядина любовь. VIII. Дворянинъ Евстигнѣй Чарыковъ. IX. Маша — Марфа. X. Вице-королева Неаполитанская. XI. Двѣ жизни — поконченная и призванная. XII. Емельяновскія узицы. XIII. Иуда. XIV. Праздникъ Венеры.

ТОМЪ IV. Повѣсти и разсказы. I. Марѣнькино счастье. II. Чайная роза. III. Безъ воздуха. IV. На старомъ гнѣздѣ. V. Сморчки. VI. Галченко. VII. Вѣчная загадка. VIII. Записки сятаго человека.

ТОМЪ V. Повѣсти и разсказы. I. Чужой каравай. II. Братья Голубчиковы. III. Горе доктора Элеонскаго. IV. Страданія и приключенія вдовы Пересыпкиной. V. Горестныя и радостныя приключенія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Анчуткина и дѣвочки Амаліи Шмандтъ. VI. Дѣвочку шести лѣтъ желаютъ отдать совсѣмъ. VII. Стрекаловская барышня. VIII. Тамбовскіе Семирамидины сады. IX. Князь Иванъ. X. Аверьянъ Михѣевъ и его жильцы. XI. Жсржъ. XII. Сонякинъ сынъ. XIII. Съ простымъ взглядомъ. XIV. Съ нѣжными чувствами. XV. Въ духъ времени. XVI. Предопредѣленіе или Борьба Куциныхъ съ апельсинчикомъ. XVII. Баба. XVIII. Сліяніе (комедія).

ТОМЪ VI. Историческіе разсказы: I. Лакейская столица. II. Солотчинскіе монахи и ихъ крѣпостные. III. Раскаты Стенькина грома въ Тамбовской землѣ. Дорожные очерки: I. Въ странѣ фонтановъ и колпаковъ. II. Съ дороги. III. По тихому Дону. Воспоминанія. Умершій писатель.

Все изданіе въ 6 изящныхъ томахъ, отпечатанныхъ на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, — выйдеть въ теченіе сего 1899 г. Первый томъ вышелъ изъ печати и высылается немедленно по полученіи заказа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за 6 томовъ — 8 руб., съ пересылкою 9 руб. 50 коп. въ 6-ти изящныхъ коленкорovýchъ переплетахъ 11 руб., съ пересылк. — 12 р. 50 к.

По выходѣ послѣдняго тома цѣна будетъ повъшена.

Подписныя деньги вносятся сполна — при заказѣ, или въ разсрочку на слѣдующихъ условіяхъ:

Гг. подписчики уплачиваютъ впередъ:	Безъ пересылки.		Съ пересылкою.	
	Брошюров.	Въ перепл.	Брошюров.	Въ перепл.
за 1-й томъ	3 руб.	4 руб.	3 р. 50 к.	4 р. 50 к.
„ 2-й „	3 „	4 „	3 „ — „	4 „ — „
„ 3-й „	2 „	3 „	3 „ — „	4 „ — „
4-й, 5-й и 6-й томы — бесплатно.	—	—	—	—
Итого	8 руб.	11 руб.	9 р. 50 к.	12 р. 50 к.

Трѣ занія и деньги адресовать въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, М. Морская, № 22. Подписка принимается также въ конторѣ Н. Н. Печковской, въ Москвѣ, въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, въ Одессѣ, и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.



Handwritten text at the top left, possibly a date or reference number.

Handwritten text in the upper center, possibly a title or name.

Vertical strip of text on the right side, possibly a list or index.